

Ильяс Есенберлин

Л 2005
1975к

СКИФСКИЕ МИРАЖИ

ЗОЛОТЫЕ КОНИ
ПРОСЫПАЮТСЯ

И. Есенберлин

СКИФСКИЕ МИРАЖИ

ЗОЛОТЫЕ КОНИ ПРОСЫПАЮТСЯ

**Издательский Дом «Кочевники»
Алматы, 2003**

821.161.1-3(574)

ББК 84 (5Каз)

Е 82¹

Е 82 Есенберлин И.
СКИФСКИЕ МИРАЖИ. Золотые кони просыпаются:
пер. с каз. Ю. Домбровский, Н. Платоновой - Алматы:
ИД «Кочевники», 2003 - 264с.

ISBN 9965-01-907-X

Е $\frac{4702250201}{00(05)-01}$

ISBN 9965-01-907-X

© ИД «Кочевники», 2003

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Снова пришла весна. На оттаявшей земле дружно поднялись клевер, пырей, щавель... Ландыши еще не расцвели, но уже радуют взор распустившиеся за одну ночь желтые и красные головки тюльпанов... На березы, клены будто кто-то волшебной рукой набросил нежное изумрудное покрывало. А скалы белоголового Алатау, хотя и покрыты снегом, закутаны в легкие облака, на солнечной стороне хребтов лениво клубится туман. По темно-коричневым долинам с грохотом несут свои воды жгуче-холодные реки. Пришла весна, и вернулись в родные просторы перелетные птицы. От мощного хлопанья их крыльев и призывных кликов можно оглохнуть...

Полновластными хозяевами чувствуют себя птицы и здесь, в большом старом саду, примыкающем к одинокому дому под железной крышей.

Этот дом и сад принадлежат археологу Кунтуару Кудайбергенову. Просторное окно раскрыто, за столом — сам ученый. Вот так всегда — чуть повеет весной, Кунтуар распахивает створки настежь. Живительные соки, новые жизненные силы вливаются в него с потоком бодрящего воздуха. Весной — новые сборы в экспедицию, новые поиски.

Сейчас Кунтуар придвинул древний, почерневший от времени сосуд, взял лупу, склонился над ней... Да, сомнений нет — это сосуд работы древних саков. Сосуд найден около озера Тенгиз. Экспедиция принесла и другие находки. Но особенно интересен вот этот хорошо сохранившийся кувшин.

Если учесть место раскопок, то он принадлежит племени аргиппиев, которые жили на земле казахов давно, еще до Геродота... По сведениям этого древнего

ученого, на севере Хазарского моря соседями аргипшиев были савроматы, с ними рядом жили массагеты, занимавшие юго-восточное побережье моря Атрау и долину Джейхун-Дарьи. Многочисленные племена населяли обширную территорию от берегов Сейхун-Дарьи на юге до отрогов Памира и Тянь-Шаня на востоке, озера Кокшетенгиз на севере. Массагеты, аргипшии были сакскими племенами. Изучение культурного наследия древних саков стало смыслом жизни ученого-археолога Кунтуара Кудайбергенова.

Вот и сегодня он пытается найти ответ на жизненно важный для себя вопрос — о культуре древнего народа.

Нет, Кунтуар не льстит себя надеждой, что тотчас сделает научное открытие. Взгляд скользит неотрывно по стенкам сосуда, а мысли археолога далеко-далеко... Наконец очнулся, встал из-за стола. Прошелся взад и вперед, словно измерил шагами свой просторный кабинет. Хотя Кунтуар не молод, но походка у него бодрая. Только большие карие глаза выдают глубокую усталость. Он среднего роста, плотный. Густые, с еле пробивающейся сединой волосы ниспадают до плеч. Сегодня Кунтуар чем-то явно встревожен. На лице — и смятение, и печаль.

Что же могло потрясти старого археолога, человека обычно спокойного и уравновешенного?

Оказывается, причина — слово, обидное слово, сказанное другом. Иной, будь на месте Кунтуара, может, махнул бы на все рукой: мол, жизнь мудрее слов — и не стал бы держать обиду. Но оскорбление со стороны близкого человека, которому он доверял, как самому себе, к которому питал теплые чувства, пережить было нелегко.

Ведь они с Ергазы друзья, можно сказать, с детства: вместе росли, вместе учились. Особенно сблизили их годы студенчества. Когда началась война, Кунтуар

тотчас отправился на фронт. За ним призвали и Ергазы. И надо же было такому случиться: чуть ли не в первом бою Кунтуара ранило в ногу. Из госпиталя списали в тыл. Вскоре вернулся домой и раненный в руку Ергазы. Чего скрывать: друзья плакали при встрече. Кунтуару до глубины души было жаль товарища.

Чтобы хоть как-то облегчить его участь, Кунтуар предложил:

— Видимо, на фронт тебя теперь не отправят... На заводе или в лаборатории ты работать не сможешь. Иди в наше учреждение, а поправишься — решишь, что делать дальше.

Ергазы был искренне рад предложению. Он и сам хотел просить друга об этом.

— Лучшего мне не надо, только уговоришь ли ты свое начальство? Врачи освободили меня от фронта пока на полгода. А в вашем учреждении ведь можно получить и бронь?

Эти слова кольнули Кунтуара, но он взял себя в руки: “Кого не испугает фронт, а Ергазы, видно, хлебнул лиха досыта...” Этим и заглушил шевельнувшееся было в душе недоброе чувство к товарищу.

Через два дня он привел Ергазы в кабинет своего начальника — энергичного человека, видного организатора. Ермагамбетов, в принципе, не возражал, чтобы принять на работу коммуниста-фронтовика. Но прежде захотел побеседовать с ним. Разговаривали около часу. Затем Ермагамбетов вызвал к себе Кунтуара, оставшись с ним наедине, спросил:

— Давно ты знаешь этого парня? Кунтуар с готовностью ответил:

— Как же, с самого детства! Он постарше меня года на два. Жил в ауле, в университет поступил... учился хорошо. Выдержанный, верный в дружбе, отзывчивый, мужественный джигит.

— Мужественный, говоришь?

Ермагамбетов обычно сдержан, лишь по лицу можно заметить, если он чем-то недоволен. Вот и сейчас:

— Говоришь, смелый, честный? — И откинулся в кресле. — А ты знаешь, что смущает меня? Ранен он в правую руку. Похоже, пуля вошла в ладонь. Указательный палец заострен, не гнется... А как это пуля нашла именно ладонь?

Кунтуар чуть было не задохнулся от гнева. Произнеси сейчас Ермагамбетов еще хоть слово против друга, Кунтуар не выдержит: "Мало тяжких испытаний перенес человек на фронте! Хорошо, сидя в мягком кресле, чернить другого!" Не то понял Ермагамбетов состояние Кунтуара, не то из других соображений, но смолк.

Через некоторое время уже с обычным своим спокойствием произнес:

— Короче, парень не подходит. Да и диплома, оказывается, у него еще нет. Думаю, те полгода, на которые врачи освободили его от фронта, полезнее всего потратить на защиту диплома. А там посмотрим...

Как же так? Кунтуар был уверен, что у друга есть диплом. Ведь когда сам он отправился на фронт, Ергазы учился на последнем курсе. Конечно, это такой довод, что не возразишь... Молча вышел он из кабинета начальника. Слово в слово передал Ергазы разговор с Ермагамбетовым. Вот только о ранении умолчал, да и не мог он подозревать товарища. Мыслимое ли дело, бросать такое в лицо человеку, у которого и так душа измстана до предела!

Выслушав все, Ергазы согласился:

— Пожалуй, Ермагамбетов прав, диплом, конечно, необходим. Но дело в том, что у меня сейчас нет ни сил, ни здоровья для его защиты. Кто кто, а ты-то знаешь, что в свое время ни учиться, ни защититься для

меня не составило бы труда. Диплом что! Одна формальность. Ты же помнишь, теоретический курс университета я окончил полностью.

— Да я-то все помню. Но диплом тебе нужен. Ермагамбетов в данном случае прав. Ергазы взмолился:

— Ты что, не видишь, в каком я состоянии? До защиты ли мне сейчас?! Помоги, если в самом деле веришь мне как человеку, если ты истинный друг...

— Успокойся, успокойся, Ереке. Как я могу помочь тебе?

— Сейчас инвалидам войны идут навстречу. Похлопочи, пусть в университете проверят мои последние курсовые работы и выдадут диплом. Чтобы тебя это не шокировало, обещаю: поправлюсь немного — за какие-нибудь полгода напишу дипломную. Клянусь честью, вот моя рука!

Кунтуар, искренне желая помочь другу, не задумываясь согласился. Еще бы, еще бы... Ергазы учился хорошо, знания, несомненно, у него есть, помешала эта проклятая война, а тут еще ранение...

И он переговорил о Ергазы с проректором университета Арташевым. Старый профессор, добряк по натуре, хорошо помнил способного студента. Он был уверен, что Ергазы оправдает надежды и в будущем из него выйдет не только хороший специалист, но и крупный ученый. Арташев дал слово поставить вопрос о выдаче диплома на ближайшем ученом совете.

Все пошло по намеченному плану.

На следующий же день, как только Ергазы получил диплом, Кунтуар пошел — только теперь не к Ермагамбетову... прямо к директору института товарищу Гудкину. Просьба была все та же — взять на работу недавнего фронтовика. Сам Кунтуар пользовался в институте заслуженным уважением не только как инвалид Отечественной войны, но и как исключительно тру-

долюбивый, добросовестный работник, честный и скромный человек. Неизвестно, что больше произвело впечатление на товарища Гудкина: искренняя просьба Кунтуара или сам молодой специалист, не так давно вернувшийся с фронта. Только вскоре был подписан приказ о зачислении Ергазы на работу. Позднее никто об этом не пожалел: Ергазы был точен и исполнительен. Работая над кандидатской диссертацией, он оформил часть материала дипломной работой и сдал в университет. Сдержал слово, не подвел ни своего друга, ни старого профессора.

Победой окончилась кровопролитная война. К этому времени Ергазы уже работал по специальности. Он был женат на вдове по имени Акгуль. Жена привела в дом и своего трехлетнего сынишку Армана. Акгуль от природы приятная, умная женщина. Она нравилась окружающим доверчивым и прямым взглядом больших черных глаз, открытым нравом. У нее всегда ровное настроение. Умом и характером Акгуль и покорила Ергазы, жизнь которого после женитьбы набрала стремительный разбег.

Ергазы с головой окунулся в работу. Год спустя после окончания войны успешно защитил кандидатскую диссертацию. Предприимчивый в житейских делах, он за это время постарался обзавестись влиятельными покровителями. Не без их помощи переехал затем в один из южных промышленных городов, где возглавил научно-исследовательский институт. Вскоре появился в Алма-Ате с готовой докторской диссертацией. Как и кандидатскую, успешно защитил ее. И вот он — доктор наук, профессор. Вроде бы выходит, что Кунтуар вовсе не напрасно оказал ему в свое время поддержку.

Однако неудачи не миновали Ергазы. Несмотря на титул доктора, профессора, его за какие-то упущения по службе скоро сняли с поста директора и назначили

замом. И в другом Ергазы не повезло: выставлял свою кандидатуру в члены-корреспонденты на выборах в Академии, но положенное число голосов не набрал.

С новым директором у Ергазы сразу же начались трения и стычки. К удивлению Кунтуара, во всех своих злоключениях друг обвинял не кого-нибудь, а самого академика Вергинского — научного шефа института, крупного ученого. Когда-то Ергазы учился с ним в одной школе, потом им пришлось общаться по службе, а с тех пор, как Ергазы ведет научно-исследовательскую работу по археологии, он непосредственно подчиняется Вергинскому. И вот, зная о расположении академика к Кунтуару, Ергазы пришел вновь просить друга замолвить за него словечко перед влиятельным ученым. При этом настойчиво твердил: “Это точно, кто-то очернил меня в глазах Вергинского. Сходи, дорогой, объясни — совесть моя перед ним чиста”.

Кунтуар не смог отказать товарищу. К тому же всегда верил в справедливость и человечность академика. Алексей Максимович Вергинский и впрямь был одним из душевных, отзывчивых на просьбы людей. Помогал он и Кунтуару в тяжелые дни, всячески поддерживал его в научных изысканиях. Так что Кунтуар не случайно считал Вергинского в душе своим ангелом-хранителем. Он уважал академика не только за дружеское расположение. Уважал как крупного ученого в области археологии. Да и не верил, будто Вергинский встал на дороге Ергазы и способствовал понижению того в должности. Вместе с тем археологу припомнились и недавние встречи с академиком. Было это как раз в то время, когда Ергазы сняли с должности директора и подыскивали на его место новое начальство. Сказав обычные при встрече слова приветствия, расспросив о житье-бытье, об успехах в работе, Вергинский несколько неожиданно для Кунтуара сообщил:

— Твоего приятеля сняли с поста директора. Мало нынче быть доктором и профессором. Он же и дня не работал на производстве!

Кунтуар сразу даже и не сообразил:

— Какого приятеля?

— Ергазы, конечно. Вы же, помнится, старые друзья, да и работали вместе.

— Друзья-то мы друзья, а вот в жизни наши дороги как-то разошлись.

Помнится, академик и еще раз завел разговор о Ергазах.

— Твой друг,— сухо сказал он тогда,— мешает работать новому директору. Чего он, собственно, добивается?

Кунтуар ответил, не кривя душой:

— Не думаю, что Ергазы преследует какую-то личную корысть. Просто ему многое виднее — столько лет руководил институтом! Некоторые вещи он знает лучше, чем новый человек. А может, тут и самолюбие — нелегко подчиняться ниже себя по ученому званию и степени! Здесь, как говорят, ничего не попишешь — слабость человеческая, порок многих. Но таков уж он, Ергазы.

— В науке надо не подчиняться, а работать.

— Что поделаешь, на том и свет стоит: одни с плачем достигают своей мечты, другие — с песней. Бедный Ергазы всю жизнь только и мечтал быть на посту руководителя.

— Вот-вот, в том-то и беда,— рассмеялся академик.— Всем почему-то по душе кресло руководителя!.. Я не перестаю удивляться,— продолжал он в раздумье,— как же это мог человек, ни дня не проработавший на производстве, столько лет возглавлять крупный научно-исследовательский институт, обслуживающий... производство?!

Кунтуар ничего не нашелся сказать в защиту друга. Да к тому же он толком не знал, как Ергазы справлялся с руководством НИИ там, на юге.

И вот теперь, по просьбе Ергазы, ему снова пришлось заводить разговор на эту же самую тему с Вергинским.

— Мой друг Ергазы очень переживает, — начал он, встретив Алексея Максимовича. — Вы обещали, что вызовете и поговорите с ним о его делах. С тех пор он все ждет. Прямо извелся весь.

Вергинский в ответ не проронил ни слова.

Кунтуар еще несколько раз пытался возобновить беседу, но академик всем видом давал понять, что говорить о Ергазы не расположен.

Старый археолог почувствовал неловкость своего положения: с одной стороны, он искренне хотел заступиться за друга, с другой — Ергазы, видимо, сумел обидеть чем-то академика. Тот ведь тоже живой человек.

Ергазы же, в свою очередь, смекнул, что Кунтуар в данном случае оказался не тем скакуном, на которого можно делать ставку, и резко переменял к нему отношение. Археологу теперь не раз приходилось слышать от людей: “Говорят, ты передаешь Вергинскому каждое слово Ергазы?” Сначала Кунтуар не обращал на эти вопросы особого внимания. Тем более что от Ергазы он ничего подобного ни разу не слышал. И сам от природы презирал всякие наветы и сплетни. Но вот вчера неожиданно встретился с приятелем, как говорят, лицом к лицу. Хотя обида где-то в душе и затаилась, он все еще считал Ергазы своим другом. И потому со свойственной ему искренностью спросил:

— Ты что это, Ереке, вроде бы и здороваться со мною перестал? В чем дело?

— Э-э, тебе лучше знать! — отрезал Ергазы.

— То есть как это лучше?!

— Не криви душой. Я виделся с Вергинским и говорил с ним. Он ответил прямо: “Свое мнение о вас я составил в основном со слов Кунтуара, которому у меня нет оснований не доверять!” А я-то, глупец, всю жизнь считал тебя лучшим другом, на деле же — змею пригрел на груди. Оказывается, именно ты доносил Вергинскому каждое мое слово, сказанное тебе в минуты откровенности...

Кунтуар вначале просто опешил, смысл сказанного не доходил до его сознания. Когда же наконец понял, в чем обвиняет его Ергазы, то пришел в крайнее негодование.

— Да ты что? Что ты сказал? — закричал он.

— Что слышал! — губы Ергазы скривились в презрительной улыбке. — Мне сообщил сам академик: “Види не меня, а своего дружка Кунтуара!” Попробуй тут не поверить!

Это уж точно, как тут не поверишь... Видно, вправду Вергинский так и сказал. Однако это же глупость, это же невозможно!

— Что, что же все-таки я сообщил Вергинскому о тебе? Подло: обвинять человека за глаза, оговаривать! Как он мог придумать слова, порочащие тебя, если я их никогда не произносил?!

— Не знаю, спроси у своего высокого покровителя!

— Уж я спрошу, поверь, спрошу у него!

— Правильно сделаешь, хоть будешь знать, кто из вас двоих подлец! — С победоносным видом Ергазы удалился.

А Кунтуар остался стоять как пригвожденный. Несправедливость, ложь сразили его. Он был озадачен, в растерянности пытался дать себе отчет, что же такое произошло, где причина случившемуся? Ведь не про-

изнеси подобных слов Вергинский, откуда бы их взять Ергазы?..

В эту ночь Кунтуар не сомкнул глаз. Утром, чуть сровнялось десять, позвонил секретарше Вергинского и попросил записать его на прием. Оказалось, Алексея Максимовича нет, он вылетел по делам в Восточный Казахстан. Кунтуару ничего не оставалось делать, как ждать.

Вот и сейчас он весь во власти переживаний от этой нелепой истории.

Вергинского нет целую неделю, говорят, возвратится еще дня через два-три... Кунтуар не понимал, что можно предпринять, чтобы выяснить все, забыть и обрести душевное равновесие? Получается, те, кому он всю жизнь верил, как самому себе, на кого равнялся, оказались мелочны и лживы.

Как ни поверни, а правду говорят в народе: скотина пестра шкурой, человек — нутром. Он не мог отделаться от навязчивых мыслей: “Как же это я до сих пор не распознал, что за человек Вергинский! Или он мои же слова истолковал по-своему? А может, перепутал их с чьими-то другими, просто помнит меня лучше, чем других? Как можно ни за что ни про что оклеветать невинного? Нет, это не делает чести такому крупному ученому. Предположим, я оговорил Ергазы, но где же твое собственное мнение, сам-то ты ослеп, что ли? Да и составить отрицательное мнение о человеке с чьих-то слов... Это попросту непорядочно. И все-таки здесь что-то не так. Надо самому как можно быстрее во всем разобраться”.

Обида на Вергинского несколько улеглась, но гнев и негодование на Ергазы вспыхнули с новой силой. Старый археолог с тяжким стоном ворочался в постели: “...допустим, допустим, дорогой мой, что Вергинский сказал именно эти слова, но почему же ты так поспеш-

но поверил ему? — обращался он к невидимому Ергазы. — И чего ради тебе поливать друга грязью? Значит, очень уж хочется выставить меня подлецом... Столько лет вместе работали, и все это время, получается, ты верил, что я способен на подлость... Или же превыше собственной и моей чести поставил авторитет академика и смог повторить клевету? Да что это со мной? Зачем так болею душой, потеряв дружбу клеветника: не сейчас, так в любой другой момент он оговорит и предаст! Как же все-таки быть? Порвать навсегда, забыть его, выбросить из головы и сердца?”

Да, похоже, Кунтуар был настроен так не только к Ергазы, но и к Акгуль, всегда с ним душевной и приветливой. “Неужели она знала обо всем и поверила? Чепуха! Пусть Ергазы способен на черную зависть, но Акгуль... Она не может завидовать мне”.

И еще одно обстоятельство крайне тяготило Кунтуара. Собственный сын Даниель не унаследовал склонности отца к археологии, стремился проявить себя как писатель, а неродной сын Ергазы — Арман окончил университет, стал тоже археологом и теперь начал работать под руководством Кунтуара. Ученый всеми силами старался помочь молодому специалисту, надеялся увидеть в ученике своего преемника.

Как теперь все обернется, не перешла бы неприязнь с Ергазы на парня. Кунтуар старался взять себя в руки, не терять трезвого разума. Нет, сын за отца не ответчик. Но ведь живы в народе слова: коль заведется в яблоне червоточина, то и яблокам быть червивыми.

Кунтуар присел к столу, вновь придвинул к себе сосуд, попытался сосредоточиться. Мысли по-прежнему вразброд. Теперь думы его об Армане и Даниеле. Они — ровесники, давно и хорошо знают друг друга. Однако не похоже, чтобы дружили. Причиной тому — вовсе не

распри родителей. Причина — Жаннат. На глазах расцвела, похорошела и только вчера, кажется, готова была жизнь отдать за Даниеля. Что же случилось с нею теперь? Или девичье сердце так ветрено и непостоянно, как ранняя весна?

Конечно, Арман представительнее Даниеля, пожалуй, и симпатичнее. Да что красота? Если заглядываться на каждого и идти за каждым, что станется с девичьей гордостью?

А что станется с Даниелем, единственным сыном? Мать умерла рано, отец — плохой помощник в сердечных делах. Как и чем поддержать его, как стать для него другом и опорой? Сейчас сын один на один со своими переживаниями. Молод он, неопытен. И характером уж очень мягок.

Кунтуар, чтобы хоть на время отойти от горьких мыслей, выпрямляется, опять отодвигает в сторону сосуд, склоняется над толстой рукописью. Это своеобразный дневник. В нем — интересные рассказы об археологических экспедициях и находках, плоды глубоких раздумий о жизни, о науке. Немало в книге и слов, обращенных к молодежи. Много лет писал ее Кунтуар. В минуты усталости и печали он неизменно обращался к своему детищу, как к верному другу. Стоило углубиться в текст, и на душе становилось светлее. Покой, вера в завтрашний день и вдохновение нисходили к нему.

Однако на этот раз и работа над рукописью не приносила удовлетворения. Прочитал каких-то две-три страницы и не ощутил отзвука в душе. Не оставили его ни прежние мысли, ни настроение.

Кунтуар встал, подошел к окну. Сгустились сумерки. Небо будто затянулось прозрачным черным шелком, по которому вышитой гладью засияли золотые монеты звезд. Ночной воздух стал прохладным и влажным.

“Что-то долго нет сегодня сына... Задерживается, пора бы домой...”

Не успел Кунтуар подумать об этом, как со стороны сада раздался крик: “Помогите, помогите!..” Ему показалось, это голос Жаннат. Превозмогая сердечную боль, выскочил на улицу. Пока добежал до сарая, из дома напротив подоспели парни. В самом деле, кричала Жаннат. Бледную, ее ввели под руки в дом Кунтуара. Девушка объяснила, что шла сюда к Даниелю. И когда была уже у самого дома, из-за деревьев выскочили двое, набросились на нее, отняли сумочку... Жаннат отбивалась и успела крикнуть. Хулиганы скрылись, как только увидели бегущих к ним людей.

Кунтуар, слушая Жаннат, постепенно приходил в себя. Он начал успокаивать девушку, все еще охваченную страхом и волнением: “Сейчас придет Даниель...” — и... осекся! Жаннат оторопело взглянула на него, глазами спрашивая: “В чем дело?”

— О боже, ведь только что лежала здесь, на столе,— растерянно проговорил археолог.— Или я положил ее в ящик? Будь она неладна, эта старость, забываю, где что кладу.— Он суетился, заглядывал в ящики стола, шарил на книжных полках...

— Отец, что вы ищете? — с сочувствием спросила Жаннат.

— Рукопись, деточка, рукопись... Только что я работал над нею. Услышал твой крик и бросился на улицу, а она осталась на столе, вот здесь. Неужели кто-то влез в окно?.. Кому они понадобились, чужие мысли? Что за напасть! Или я отнес ее в столовую?

Кунтуар прошел в соседнюю комнату, Жаннат осталась в кабинете. Постояв минуту в раздумье, девушка взяла карандаш и чистый листок бумаги, быстро написала записку, положила ее на краешек стола и... вышла.

Бледный, Кунтуар вернулся в кабинет, грузно опустился на диван. Долго сидел в оцепенении, с опущенной головой. Старый археолог даже не заметил, как вошел сын, стройный и высокий, с тонкими чертами лица и большими, как у покойной матери, карими глазами. Даниель был озадачен состоянием отца — обычно тот встречал его радостно.

— Коке, коке! — Сын обнял отца за плечи. Кунтуар с трудом поднял непомерно отяжелевшую голову:

— Почему-то закололо сердце, сынок... Сейчас украли мою рукопись.

— Рукопись?! Куда же она девалась? — не понял Даниель.

— Когда закричала Жаннат, рукопись была здесь. Я выбежал на помощь. Вернулся — на столе ничего...

— Ты сказал — Жаннат? Она что, была у нас?

— Да, только что стояла здесь, а рукопись...

Даниель в недоумении оглядел комнату, край стола, куда указывал отец. Там белела записка. Юноша поспешно схватил ее.

— Что за наваждение?! — воскликнул он.

— В чем дело?

— Да вот, Жаннат пишет... — и стал читать: “Даниель, прости за все. Хотела объясниться, поговорить — не получилось, тебя нет дома. Знай, между нами все кончено, я уезжаю с Арманом. Тебя жаль, но что поделаешь, любовь сильнее нас обоих. Вашему дому я приношу одни несчастья. Кажется, и на дядю Кунтуара навлекла беду. Прощай. Жаннат”.

Собственные невзгоды Кунтуара разом отодвинулись. По вздрагивающим плечам уткнувшегося в стол Даниеля отец понял: плачет.

Кунтуар всей душой любил сына. Если он и молил о чем-то судьбу, так это о том, чтобы умереть раньше Даниеля, утрату которого он бы не перенес. С годами

все яснее отдавал себе отчет, что в жизни у него две важные заботы: первая — Даниель и его будущее, вторая — достижение поставленной научной цели.

Кунтуару вдруг захотелось взять сына на руки, приласкать его, как малыша.

— Дорогой мой, — Кунтуар старался говорить как можно бодрее и мягче, — послушай своего старого отца: слезы — плохой помощник в беде, не вешай головы. Пусть горе закалит твои силы и сердце. В годы войны люди теряли родных, любимых. Что бы случилось, если бы твои ровесники тогда, переживая личное горе, теряли и стойкость духа? Возьми себя в руки, вернись к работе над книгой.

Даниель после некоторого молчания произнес:

— Ты прав, отец. Прости меня. В комнате воцарилось молчание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Полноводная Сырдарья лениво перекачивает свои волны. Черными хребтами виднеется вдали Каратау. Эти хребты огибают огромную долину. Почва растрескалась от безводья и покрылась серой пылью. Задолго до наступления осени, а иногда с самой середины лета здесь все выгорает. Торчат лишь кое-где жухлая полынь да жесткая верблюжья колючка. Распластались по земле редкие кусты боярышника.

Эти граничащие с песками пустынные солончаки, голые, открытые зною и ветрам, не привлекают птиц. Дрофы с сине-желтым отливом перьев, коричневатые стрепеты, длинноногие фазаны облюбовали только берега Сырдарьи, густо поросшие камышом и джидой.

Зато богаты солончаки зверьем. Носятся здесь стада антилоп. Ближе к Каратау обитают горные козлы — тау-теке, горные архары с круто завитыми огром-

ными рогами, чернохвостые косули. Много темно-серых волков, огненно-рыжих лисиц.

Недра пустыни таят в себе несметные клады, открыта же человеком лишь часть из них: свинец, цинк, фосфориты...

Между Сырдарьей и Каратау вырос город. От него тянутся асфальтовые магистрали в Ташкент, Чимкент, Туркестан. По обе стороны их ветвятся колеи проселочных дорог и узкие тропы, которые ведут к поисковым экспедициям разведчиков воды, ископаемых и... памятников древности.

В этот город несколько дней назад приехали двое молодых людей: студентка последнего курса пединститута Орик — на практику и будущий ученый-историк Пеилжан — собирать материалы для своей диссертации.

...Сегодня день особенно жаркий. Сухой, обжигающий ветер бьет в лицо. Перед полуднем над горизонтом нависло дрожащее серебристое море. Волшебно переливаясь, оно манит взор всплесками моря, перед освежающей синевой которого блекнет само высокое небо. И на земле, и в воздухе все будто вымерло: ни зверя, ни птицы...

Кажется, во всем этом безмолвии жив один-единственный человек — Пеилжан.

Приехав в Кайракты по своим делам, он познакомился здесь с Орик. Пеилжан знал, что полгода назад, после окончания института, начальником одной из гидрогеологических экспедиций сюда был назначен его брат — Нурали. Оказалось, Нурали собирается жениться на этой нежной, веселой девушке. Сейчас он в отъезде, где-то в песках, с буровиками. Пеилжан под предлогом, будто разыскивает брата, стал искать встречи с Орик. Он нашел девушку в общежитии.

За первым свиданием последовали другие. Скоро

Нурали отступил на второй план не только для Пеилжана, но и для Орик. Какая-то непонятная сила поднимала ее, заставляла поступать вопреки разуму.

Сегодня Пеилжан на ногах чуть свет. День воскресный, не заполненный делами, тянулся бесконечно долго. Молодой человек то ложился на диван в своем гостиничном номере, то вставал, то брался за книгу и снова откладывал ее : читать не хотелось.

Помнил ли он сейчас о сверстнике своего детства? Родители Нурали умерли рано, и рос он в доме родного дяди, отца Пеилжана. Теперь мальчишки повзрослели. Неужели он, Пеилжан, способен причинить брату такую боль?

В собственных глазах у него готово оправдание — любовь. Да, кажется, любовь. Иначе как назвать это чувство, заставляющее его бежать к Орик, ловить ее взгляд, слово. Он не хочет задумываться о последствиях, ему просто надо, надо видеть ее глаза, губы...

Пеилжану не откажешь в силе чувства, но какого? Он готов продать душу дьяволу, лишь бы Орик была здесь, рядом.

Внешне это, пожалуй, даже обаятельный человек, мастер поговорить, душа компании. Однако за приветливыми словами и сладкой улыбкой на первом месте у него собственные прихоти. Уж если что задумал, готов помешать любому ради исполнения собственных желаний.

Вот и сейчас он уже ничуть не терзается всякими там угрызениями совести. Есть у него удивительное качество — забывчивость. В один миг он умеет отбросить нежеланные мысли, перестать думать о неприятном, забыть все, что тяготит, что вызывает к совести...

Наконец, дневной зной уступил место приятной прохладе. Пеилжан спешно оделся и вышел. Он направился к садам на окраине города. Южная мягкая ночь пос-

тепенно укрывала землю. Редкие звездочки ободряюще подмигивали в такт скорым шагам Пеилжана: “Поторапливайся, поторапливайся, молодой человек!” Он еще издали различил Орик. Девушка стояла у самых крайних деревьев сада. Сердце затрепетало, он еле сдержался, чтобы не броситься к ней. Ноги сами собой зашагали чаще. Орик тоже поспешила навстречу. Невидимое глазу — видит сердце. Пеилжан почувствовал, что Орик ждала его с нетерпением. Он пошел еще быстрее, почти подбежал:

— Я думал, ты не придешь...

— Почему? — показалось, голос девушки прозвучал серебристо и ласково, как колокольчик. Пеилжан слышал в нем затаенный призыв и нежность.

— Не знаю, я считаю это незаслуженным счастьем. Орик помолчала, потом засмеялась:

— Кажется, звезды сегодня особенно крупные и близкие, светят ярче, чем всегда.

— Это правда. Самая яркая из них находится рядом со мной.

— Звезды на небе, а не на земле...

— Тогда с чем же сравнить ту, которая стоит рядом? Она кокетливо погрозила ему.

— Со мной рядом самая красивая девушка в мире. Ее можно сравнить только с зарей, со звездой, нет, с луной! — разошелся Пеилжан и вдруг совсем тихо, почти шепотом произнес: — Я поцелую тебя...

— Нет, стыдно же...

— Почему?

— Грех на душу берешь.

— И что же будет, если согрешу?

— Будешь гореть в аду.

— Да я и без ада весь как в огне, пощади!..

Он обнял ее. Тесно прижавшись, оба брели по саду. Когда их укрыл раскидистый карагач, вокруг которого

росли душистая полынь и мягкий ковыль, Пеилжан не пошел дальше, будто невидимый груз сковал ему ноги. Он вновь притянул девушку к себе.

Луна, царившая в вышине, медленно плыла вдоль горизонта. Светло как днем. Возле раскидистого дерева — парень и девушка. Причудливые тени от веток карагача похожи на диковинных чудовищ. Звезды срываются с высоты и исчезают — будто сгорает вмиг чье-то счастье...

Тишина. Эту гармонию неба, ночи и тишины нарушает лишь девичий плач. Но почему-то он не тревожит душу.

Плачет Орик. Рядом лежит Пеилжан. Руки закинута за голову, взгляд устремлен в ночное небо. Только когда там срывается и гаснет очередная звезда, в его бесцветных глазах мелькает недобрая усмешка. Он не обращает внимания на слезы Орик. А она, не убрав рассыпавшихся волос, сидит, обхватив колени тонкими руками. Куда исчезло радостное волнение, только вчера переполнявшее все ее существо? Сегодня душу жжет горькое раскаяние. И... обида. Девушка вдруг разом поняла всю низость случившегося.

Пеилжан не утешает ее. А Орик в этот миг видит перед собой только Нурали. Кого теперь винить? Себя? Да! Но Пеилжан пренебрег даже тем, что Нурали — его брат!

Вспомнились долгие вечера, проведенные с Нурали.

...Тоже светила луна. Так же плыла она, полная и золотая, заливая просторы лучезарным светом. Так же с неба падали, срываясь и сгорая, звезды. А они успевали загадывать сокровенное желание и верили, что оно непременно сбудется. Подставляли ладони навстречу падающей звезде, и чудилось, что это летят к ним их светлые мечты...

Они с Нурали перед тем свиданием не виделись

целый год и, встретившись у реки, вот так же сидели среди желтых и красных тюльпанов.

Нурали впервые тогда сказал ей о своем чувстве.

Окончив институт, он и уехал в эту экспедицию. Орик молила судьбу лишь о том, чтобы поскорее вновь свидеться с любимым. Три месяца без него показались ей тремя годами. И именно в эту пору подвернулся на пути Пеилжан. Вместо того, чтобы как-то развеять ее тоску, успокоить, он надругался над их любовью.

Горечь и раскаяние переполняли сердце Орик. “Как же я теперь посмотрю ему в лицо? Как?!” — повторяла она.

Пеилжан лениво шевельнулся:

— Кому?! Кому тебе надо смотреть в глаза?!

Девушка заплакала еще сильнее:

— Кому? Твоему брату, Нурали!

Пеилжан подал голос:

— Он еще не скоро появится...

Орик взглянула на парня. “И это все, на что он способен!”

— Чего ты плачешь? Если сама никому не расскажешь, это еще не грех. Не мучайся попусту.

Орик стало дурно. Но слова Пеилжана вместе с тем оказались той соломинкой, за которую хватается утопающий, они внесли хоть какую-то разрядку в ее душевное смятение. Пеилжан тем временем продолжал:

— Я же... ты сама согласилась, по доброй воле...

— Как это?.. Как по доброй воле?! Как же мне теперь жить? Нурали...

— А чем я хуже Нурали? — перебил ее Пеилжан и потянулся рукой, стараясь привлечь к себе.

— Не трогай меня!

— А если я люблю тебя? — голос Пеилжана окреп.

“Любит? Правда это? Любит? Может, потому и решился... потому так поступил... Разве виноват, что любит?.. Наверное, это надо прощать...”

Но едва воображение ее воскресило образ Нурали, как сердце снова сжалось от боли, слезы комом подкатили к горлу.

А голос Пеилжана звучал уверенно:

— Ну да, люблю сильнее, чем твой Нурали! Да и какое мне до него дело! — Пеилжан опять привлек к себе Орик.

Через два дня они встретились снова, затем еще и еще. Свидания стали частыми. И когда из экспедиции возвратился Нурали, Пеилжан и Орик жили одной семьей и уже ждали первенца.

А для Нурали началась полоса невезения. Экспедиция под его началом пробурила несколько скважин в песках, близ Каратау. Но воды не обнаружила. Пока перебрасывали оборудование на новое место, наступили осенние холода. Однако, несмотря на заморозки и холодный ветер, Нурали решил не сворачивать работы до глубокой зимы. В Кайракты он приехал, чтобы послать в Алма-Ату телеграмму с просьбой разрешить вести буровые работы и зимой. К тому же надо было отчетаться на техническом совете о том, что сделано на предыдущих скважинах, не давших воды. И конечно же, не только по делам торопился в Кайракты молодой инженер. Он спешил, чтобы увидеть Орик. Худая молва всегда найдет тысячи дорог и тысячи голосов, долетит, куда и не предполагаешь. О связи Орик с Пеилжаном Нурали узнал еще две недели назад. Один молодой техник, только что возвратившийся тогда из Кайракты, сообщил во всеуслышание: “А новость в Кайракты одна-единственная: появилась молодая парочка — красавица

Орик и молодой ученый Пеилжан, скоро их свадьба!”
Нурали не верил своим ушам.

Чем ближе он подъезжал к городу, тем больше волновался. Закравшееся в душу сомнение, мысли, что все это неправда, с новой силой одолевали его.

Сейчас, устроившись в гостинице, уже собрался было идти в общежитие к Орик. Вдруг кто-то постучал в дверь номера.

— Войдите,— пригласил Нурали, завязывая на ходу галстук.

Вошел главный инженер треста Жаркын. Он закончил тот же институт, что и Нурали, только тремя годами раньше. К Нурали испытывал теплое чувство дружбы и некоторого покровительства. Его обветренное, загорелое лицо светилось улыбкой. Обнялись.

— Увидел твоего шофера — он машину ставил в гараж, узнал, что ты приехал, и поспешил сюда,— говорил, все еще радостно улыбаясь, Жаркын.

— Да, всего час назад прибыли. Решил прогуляться, по дороге позвонить тебе.

Жаркын внимательно посмотрел на друга:

— Ты, кажется, спешишь?

Нурали неопределенно улыбнулся, затем сказал:

— Ты прав, соскучился по Орик, хотел заглянуть к ней в общежитие.

— А-а...

Жаркын знал о случившемся. После некоторой заминки посоветовал:

— Чего спешишь? Сама придет, когда узнает, что приехал...

Нурали уловил в голосе Жаркына скрытый смысл. Нахмурился:

— Странный совет...

— Нет-нет, я просто так.— У Жаркына мелькну-

ло желание рассказать другу все, что знал, но он взял себя в руки. — Ладно, иди. Разберетесь сами.

— В чем?

— Что значит в чем? У молодых людей после разлуки всегда найдется о чем поговорить. Только прошу тебя: как освободишься — сразу же приходи ко мне. Не вздумай укатить, не повидавшись.

— С чего бы это? И почему ты так торопишься проводить меня в обратную дорогу? — Нурали рассердился. — У меня к тебе дела накопились. Планировал зайти завтра, после отчета. Надо о многом посоветоваться. — И поглядел прямо в лицо Жаркыну: — Кажется, хочешь что-то сообщить мне, так выкладывай!

Жаркын отвел взгляд:

— Ты устал с дороги, не хочется тебя огорчать. Да и не могу я, пусть чужие люди скажут, не я. — Он направился к двери. — Давай все же встретимся сегодня вечером, хорошо? — И ушел не прощаясь.

До сознания Нурали ясно дошло: случилось худшее... Руки забило мелкой нервной дрожью, расслабил на шее галстук, опустился в кресло.

Перед глазами поплыли картины детства, проведенные вместе с Пеилжаном.

Когда мальчишкой Нурали переселился в их дом, отец Пеилжана — Сурыкбай — не слыл богатым, но жил в достатке и был разворотлив в делах. В старину в казахских семьях было принято баловать сыновей. Этому обычаю следовал и Сурыкбай. Но сирота Нурали больше, чем праздную лень и шалости, любил слушать сказки, песни, кюи. А худощий, с вечно разбитым носом Пеилжан рос неслухом и сорванцом. Ему ничего не стоило посквернословить при гостях, приезжавших в дом отца, не раз заставлял он плакать и младшего по возрасту, более тихого по характеру Нурали. Одну драку Нурали хорошо помнит до сих пор. Доведенный

насмешками и подзатыльниками Пеилжана, он не выдержал, бросился на него и отобрал битую-кулжа¹. Заревев, разбрызгивая слюни, Пеилжан кинулся к печке, схватил кочергу и ударил ею Нурали.

Другой мальчишка тут же и испугался бы, проникся бы жалостью. А Пеилжан с ликованием захлопал в ладоши и победоносно заорал: “Так тебе и надо!”

Теперь, когда они выросли, старший брат снова перешел дорогу Нурали. Что же это за человек, его брат, безжалостный и черствый от рождения?

В это время вновь раздался настойчивый стук в дверь.

— Войдите,— собрав силы, проговорил Нурали. Дверь отворилась. В комнату вошел... Пеилжан.

Нурали всего заколотило. “Япырмай!² Да он собственной персоной явился, не стыдится говорить со мною, идет на все, лишь бы предупредить мою встречу с Орик! Нет, видно, и вправду у него камень в груди вместо сердца...”

— Хорошо ли доехал, как здоровье? — задавал как ни в чем не бывало обычные при встрече вопросы Пеилжан, удобно усаживаясь в кресле напротив.

Нурали еле выдавил в ответ:

— Как видишь, приехал.

— По слухам, ваша экспедиция работает убыточно. Не падай духом, раз решил и зимою бурить, значит, найдешь воду, если только она там есть.

Нурали опомнился:

— Ты сюда явился, чтобы сказать мне об этом?

Пеилжан несколько поежился под взглядом младшего брата.

— Нет,— он старался говорить как можно уве-

¹ Кость от ноги животного, чаще теленка, для игры в асыки (или русск.— в бабки).

² Возглас удивления.

реннее, но голос звучал фальшиво, глухо.— Нурали...

Приняв горестную позу, Пеилжан делал многозначительные паузы после каждого слова:

— Птенцы, вырастая, покидают гнездо. Братья, выросшие в одном доме, умирают в разных.

Неразлучны они тоже только в детстве, а вырастут — каждый идет своим путем. Каждый живет так, как подсказывают ему разум и сердце. Вот и мы росли вместе, а дороги в жизни выпали нам разные. Не обижайся, у меня тоже есть и сердце, и чувство сострадания к тебе, но любовь — это своенравный тулпар¹, с ним не совладаешь. У меня не хватило сил обуздать его. Мы с Орик договорились...— Он заглянул в глаза Нурали, тот молчал.— Знаю, нелегко услышать все это, но сказать тебе в утешение мне нечего.

— Отчего же, говори, скажи еще что-нибудь!

— Нет,— поднимаясь с кресла, сочувствующим голосом ответил Пеилжан.—Прошу только об одном: не волнуй понапрасну Орик, не ищи с нею встречи. Ничего не изменишь.

Он вышел.

Нурали стоял посреди комнаты бледный, покачиваясь с носков на пятки, крепко сжав кулаки, затем тяжелым шагом подошел к креслу, вновь опустился в него и так сидел, закрыв лицо руками. В нем кипел гнев от того, что с таким безразличием и вероломством втоптан в грязь его самое светлое чувство — любовь к девушке. Обида, оскорбленная гордость, стыд — все смешалось и восстало против удара, который нанес ему его собственный брат. Наконец, собравшись с силами, он откинулся на спинку кресла, в котором только что с гордостью восседал Пеилжан, стал размышлять...

¹ Легендарный крылатый конь (из казахского фольклора).

Теперь случившееся лишало его не только Орик, но и Пеилжана.

В детстве было всякое: ссоры, споры... И все-таки тяжело терять единственного брата. А вдруг... вдруг эта красавица сама соблазнила его? На беду мне, может, случилось так, что виновата Орик, а вовсе не он, не Пеилжан? Тогда... Тогда, может, и не следует его так жестоко осуждать, кто знает...

Час спустя Нурали, с трудом передвигая ноги, медленной походкой подходил к общежитию треста. Орик завидела его еще издали и... поспешила навстречу.

На лице — ни тени смущения (не то что страдания!). Выглядит она прекрасно, кажется, чуть похудела только. Но... его встречного взгляда избегает.

— Здравствуй, Нурали! — Голос осекся, задрожал, сквозь смуглую кожу проступил румянец. — Идем поговорим.

Шли молча. Обогнули общежитие, присели на скамейке чьего-то палисадника. И... ни слова друг другу. Первой заговорила она:

— Наверное, Пеилжан сказал тебе уже...

— Сказал, но хотелось бы послушать и тебя. Орик помолчала, потом заговорила опять, уже более твердо и уверенно:

— Я нашла свое счастье.

— Тогда... выходит... ты лгала мне?

— Лгала — не лгала, какое это теперь имеет значение? Порезвились, как дети, но все прошло.

— Порезвились! — Нурали не в силах был больше сдерживать себя, он почти кричал. — Если ты забавлялась, так нечего было мучить меня! Ты не верила мне? Любовь что, по-твоему, дается на один день? Ты понимаешь сама-то, что говоришь? Ты... ты...

— Хочешь сказать, что предала, так ведь? — разволновалась в свою очередь Орик. — Может, и так.

Но что теперь поделаешь? Да, потеряла совесть! Да, люблю тебя, а замуж иду за твоего брата! Да, я виновата, одна я! Ты это хотел услышать? Уходи...

Он поднялся со скамейки. Превозмогая слабость, шатаясь, побрел, сам не сознавая куда. Вдоль улицы — редкие фонари. В голове кто-то будто выстукивал одно только слово “Орик”.

Нурали оглянулся. Увидел идущую по асфальту машину, попросил шофера подбросить до гостиницы.

Открыл дверь номера, постоял в темноте. Затем включил свет, взглянул на часы. Стрелки циферблата показывали двенадцать ночи. Нурали — как во сне. Однако он понимал, что все происшедшее с ним — не сон, а явь. Не выключая света, не раздеваясь, лег на диван, уткнувшись в спинку разгоряченной головой. Сон не приходил, будто не было ни усталости с дороги, ни вымотавших силы переживаний.

Утром он не пошел в трест. Не хотелось видеть сочувствующие взгляды сослуживцев. Вот в таком, не самом лучшем, состоянии его и застал Жаркын.

— Конечно, тебе тяжело, но при чем здесь твое затворничество? — попытался начать разговор Жаркын.

В глазах Нурали была безысходная тоска. Вдруг он вспыхнул:

— Прости, но в личном горе не может быть ни советчиков, ни помощников!

— О каком горе ты говоришь?

— Может, тебе непонятно, но когда человек теряет любовь — это не радость.

— Вот сказал! Да любовь — это когда люди безгранично уважают друг друга! Настоящая любовь возвышенна, за нее, может быть, в самом деле не жаль пожертвовать и жизнью. А если это... не любовь?

— Да знаешь ли ты, что такое...

— Ладно, ладно, — остановил его Жаркын, — в

твоим положении и вправду советы излишни. Сам все понимаешь.

Он помолчал, затем добавил:

— Я к тебе по делу. Надо срочно ехать в экспедицию...

— Что случилось?

— Несчастье...

— Какое несчастье? — перебил Нурали, не дав Жаркыну закончить фразы.

— Умер молодой паренек... Казикен.

— Что, что ты сказал?! — Нурали вскочил с места.

— Да, только что сообщили радиogramмой. Убило током...

— Ка-зи-кен...

Нурали припомнился недавний свадебный вечер, всего каких-то три месяца назад. Казикен и Кунимжан. Все любовались юной парой, прекрасной, как Кыз-Жибек и Тулеген. В тот праздничный вечер Нурали считал их самыми счастливыми на свете, а сейчас представил Кунимжан в трауре и содрогнулся. Собственные страдания показались ему ничтожными и недостойными человека по сравнению с тяжелым горем Кунимжан. Он заторопился в дорогу:

— Еду! Сейчас еду!

Жаркын, придерживая дверцу машины, сказал на прощанье:

— Нелегкие дни свалились на твои плечи. Но я верю, ты выступишь, справишься...

— Спасибо, — ответил Нурали. — Я постараюсь, иначе... Разве можно иначе?

Жаркына обрадовали слова друга.

— Счастливого пути!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

По-разному складывается человеческая жизнь. Для одного она — само торжество природы, ее вершина, ее совершенство. Это — когда человек нашел свою дорогу в жизни. Он идет по ней уверенно. Не быстро и не всегда легко выпадает такое счастье, немало мужества требуется на пути к самой заветной, самой желанной цели. Горе тому, кто так и не находит в себе сил и мужества, кто так и кружит по окольным тропинкам, не сумев определить главного направления, не достигнув мечты.

Да и каждого ли озаряет мечта, эта сладкоголосая птица юности, способная на своих крыльях унести человека до заоблачных высот? Бывает ведь, что долгие-долгие годы она лишь манит, зовет в неведомое, словно огонь желанного ночлега в ночи, а жизнь между тем преподносит человеку свои сюрпризы, оборачивается тем необъезженным диким куланом, который — с какой стороны ни подойди — все норовит лягнуть тебя.

Даниель, казалось, был в числе счастливицков, но вот и ему рано пришлось испытать на себе превратности судьбы. Сердце не хотело подчиняться разуму и лишило джигита чувства радости жизни, которая превратилась теперь в тоскливое существование, полное горьких раскаяний. Он искал выхода, и как спасение каждый раз приходили на память слова отца: “Работать, надо работать...”, “Труд и мечта всегда рядом, везде должны сосуществовать друг другу. В них — исцеление...”

Даниель прислушался к мудрым отцовским наставлениям и, как мог, боролся с тоскою о Жаннат. Сегодня он приступил к невольно прерванной работе над рукописью своего романа. Читая отцу вслух страницы уже написанного, рассуждал:

— Думаю, что общественный строй саков будет более понятен и исторически верен, если подробнее описать их экономические отношения, то, как они пользовались землей, водой, орудиями труда. По сведениям Геродота, древние племена саков землю и воду делили между собой по количеству скота. Для защиты общих богатств от врага и объединялись. Причем к ним, в случае опасности, присоединялись и дружественные племена массагетов, аргипшиев, других кочевых народов. Ты знаешь, что в отличие от саков, которые осели в предгорьях Алтая и Тарбаган, сакские племена, кочевавшие от этих мест до самого Хазарского моря, пастбища и водопой считали общими, к личному имуществу причислялся скот, средства передвижения...

— Все верно, — отвечал Кунтуар, — во время войны саки защищали не только земельные угодья и водоемы, но и личное имущество. Мне припомнились слова персидского царя Кира, приведенные, кажется, у Ксенофонта. Помнишь, когда в союзе с саками Кир захватил Вавилон, на торжестве в честь победы были организованы скачки. Владыка персов тогда поставил условие: “Пришедший первым пусть возьмет себе все, мне же отдаст скакуна”. Мог ли всемогущий Кир снизить до такой просьбы к простым воинам, если скакун не был личной собственностью участника скачек? Конечно, нет.

— Я, отец, считаю, что именно благодаря своему сплочению племена саков и представляли внушительную силу, способную захватить торговые караванные пути на севере Персии. Чем же иначе объяснить попытку непобедимого Кира в 530 году до нашей эры покорить соседние с ним племена массагетов, а уже несколько позднее — в 517 году — и саков? С этой же целью пять лет спустя другой, не менее прославленный царь Персии Дарий выставил свои войска против черноморских

скифов. И что удивительно: во всех трех сражениях могущественные персы потерпели поражение и отступили. Удивляет тонкость дипломатии тех времен. Несмотря на все эти войны, в пору общей опасности саки и персы объединили свои армии. По сведениям того же Геродота, саки вместе с персами служили на кораблях персидского царя Ксеркса. Конные войска саков показывали примеры храбрости, сражаясь на стороне персов вместе с их пешими войсками в битве при Платенде. А предводитель саков Аморг дважды оказал неоценимую помощь все тому же всесильному Киру: в его сражении против царя Лидии Крева и во время ранения Кира при поражении в битве с дербитцами, когда Аморг подоспел к месту сражения с десятью тысячами пехотинцев и тысячной конницей и спас Кира от позора и верной смерти.

— Такого преданного союзника сам Кир и умертвил?!

— Да, таковы законы дорвавшихся до царского трона...

Кунтуар все еще переживал за сына, здоровье которого заметно сдало после разрыва с Жаннат. Свои страдания отец старательно скрывал, но Даниель видел все и был огорчен, что причиняет боль самому родному для него человеку. Сын так же опасался за здоровье, за жизнь престарелого отца. Порою ему казалось, что отец, дсзеденный до крайности всем случившимся за последние дни, не выдержит... Это страшило его, вместе с тем помогло усилием одной воли засадить себя за стол и... писать. В первые дни работа не клеилась, ни единой мысли, даже самой ничтожной, не приходило на ум. Слова были чужими, и он перечеркивал все написанное...

Однако мало-помалу Даниель возвращался к прежней жизни, все чаще склонялся за столом над руко-

писью, в глазах горел неподдельный интерес к тому, что выходило из-под его неторопливого пера. И первым перемену в сыне понял, ощутил каким-то внутренним чутьем старый археолог.

Сегодня, слушая Даниеля, читающего рукопись, Кунтуар особенно переживал приятное волнение. Абжур настольной лампы мягким зеленоватым светом заливал центр стола, падал на лицо сына. Отец с легкой грустью любовался и гордился им, слушая бархатистый, мягкий баритон Даниеля.

— “Свинцовые волны Жаксарта¹ вздымались и тут же обрушивались вниз невиданным ливнем. Они на мгновение разбегались и, словно набрав новые силы, кидались, как обезумевшие, друг к другу. Волны бесновались, в неистовой ярости опять вздымались к небу, не зная покоя. Вот они, зародившись где-то в невидимой дали, с нарастающим ревом таранят правый берег реки, подмытый снизу, и крутой суглинистый яр обрывается. В бурлящую воду опрокидываются огромные оползни вместе с деревьями джиды, только что украшавшими берег. Будто этого и ждало стремительное течение — подхватило добычу и понесло ее вперед, образуя глубокие воронки. Из них, вихрясь в бесовской пляске, торчат макушки деревьев. На одной — чудом уцелевшее гнездо из травы и перьев, в котором истошно пищат неоперившиеся птенцы белого ястреба... В тот самый миг, когда волна готова была поглотить несчастных, невесть откуда камнем упала в гнездо крошечная, с кулачок, птичка. Она схватила за кожу затылка одного из своих детенышей и метнулась на берег. Второго мать не успела спасти, его вместе с ветхим гнездом, захлестнул холодный вал. На месте, где только что испуганно пищал птенец, мутная, пепельного цвета вода ли-

¹Название Сырдарьи до нашей эры.

шь покачивала перья и стебли трав, из которых было свито ястребиное гнездо.

К берегам Жаксарта подступают бесконечные равнинные степи. Сейчас, в разгар весны, они покрыты изумрудно-зеленым ковром. Спешат отцвести яркие тюльпаны, гордо возносятся купола обелии. Как задумчивые девичьи очи, смотрятся в бездонное синее небо серебристые воды бесчисленных озер. Они образовались после паводка реки и ждут, изнывая, жаркого пагубного лета... Изредка воздух переполняется криками исполошившейся дичи. Ее вспугнул ястреб или сокол, молнией налетев на добычу с высоты небес.

На бескрайней равнине возвышается голубоватый Бозтайлак. Склоны этого большого холма, что богатая юрта, застланы ковром из кошмы — текеметом. Он затейливо соткан из белой шерсти, умело отделан орнаментом из звериных шкур. Рисунок то причудливо извивается в форме бараньих рогов, то переплетается как клетки остова юрты. У самой вершины холма раскинут ковер с изображением портрета сакской царицы. В руках ее — дивные райские цветы — красные, белые, желтые... Над портретом сияет трон из чеканного золота.

Трон свободен. В степь пришла ужасающая весть: владыка саков царь Аморг убит в ставке персидского царя Кира. Вчера саки провозгласили нового своего властелина, который должен ступить на трон сегодня. Вот почему все обширное пространство у подножия Бозтайлака буквально забито пешими и конными воинами. Свои войска выставило каждое союзное племя: саки Жаксарта и Джетысу, аргиппии с берегов Кокшетенгиза, массагеты, кочующие вокруг Арала, исседоны — с востока Туркестана и с Тянь-Шаня.

Вдоль северного склона Бозтайлака сели на своих каурьих и вороньих скакунов аргиппии.

Рядом выстроились воины саков Тянь-Шаня, такие же скуластые, широколицые. Они родственны тюркам. Чуть восточнее раскинули шатры саки, похожие на афганцев и индусов. Их многочисленные племена населяют междуречье Амударьи и Жаксарта и далее, по всему плоскогорью, простирающемуся до Памира. Смыкают круг войск прославленные в битвах массагеты. Они не спешили, как другие, и стоят плотным, литым строем на своих гнедых, саврасых, белых яблоках боевых конях. Хвосты и гривы коней подстрижены, словно воины приготовились к скачкам.

Чуть слышен говор собравшихся.

У каждого племени, как уже говорилось, свой язык, свой цвет и облик, но одинаковы их образ жизни, культура и обычаи.

Вооружены воины также были одинаково. На правом плече — щит из круглых струганых палок, связанных сыромятными ремнями. На всем Востоке такое снаряжение известно как “сакское”. Кони воинов широкогруды, с сухими, как у сайгаков, ногами, круто выгнутыми, что колеса арбы, шеями, с пушистыми гривами и хвостами. Они выносливы и в скачке по степи не знают усталости. Сбруя: нагрудник, петлицы, подпруги — все сплетено из кожи. Многие выделяются сверкающей на солнце сбруей, отделанной серебром и золотом.

Своеобразна и одежда саков. В отличие от народов юга — Парфии, Персии, а также севера — монголов, гольдов, нагайцев — платье саков удобно для верховой езды. Кожаные или из тонкой кошмы камзолы с короткими рукавами, кожаные или кошмовые тонкие шаровары, ичиги с валянными из шерсти длинными роскошными чулками. Верх чулок, вышитый узорами из тонкой цветной кожи, выступает над голенищем ичигов. Поверх камзолов наброшены безрукавные легкие чапаны из домотканого сукна. К седлу притор-

чены шлемы из сыромятной кожи на подкладке из кошмы, на них воины сменяли во время сражений свои обычные островерхие шапки из звериных шкур. Сакские женщины носили на запястьях золотые и серебряные браслеты, на пальцах — кольца. Они украшали себя дорогими серьгами, ожерельями и колье, накалывали на платья броши с драгоценными камнями. На головах — по-особому повязанные высокие белые накидки.

Как ни у одного другого народа, женщины саков не уступали мужчинам в своей воинской доблести. Против врагов родины они сражались наравне с мужчинами. Большая часть конницы таких племен, как массагеты и исседоны, состояла из воинов-женщин. Сакские женщины-воины в сражениях пользовались не саблями, луками и пиками, а только арканами. Мощным ловким броском они накидывали волосяную веревочную петлю на шею врага, стаскивали с коней и... волокли.

Таковыми были пешие и конные войска, со всех сторон плотной волной прихлынувшие к Бозтайлаку. И не только ради восшествия на трон царицы собрались они здесь сегодня. Была тут и другая причина.

Саки в ту пору представляли самую опасную силу на северной границе молодой, только набирающей мощь огромной Персидской империи. Царь персов Кир с неослабевающей тревогой следил за соседями. Он пускал в ход все средства, пытаясь силой или хитростью покорить саков, но ничего не добился. Лишь некоторые племена вступили в союз с Киром и поставляли войско для борьбы с врагами Персии. Более крепким этот союз был при покойном царе саков Аморге. Аморг поставлял Киру конницу. Вместе с персами саки вошли в побежденный Вавилон, одержав общую победу в великой битве с ассирийцами...”

Даниель сделал паузу, затем обратился к отцу:

— Дальше я рассказываю в романе, как Аморг спас жизнь Киру. “В битве Кира с дербитцами персы понесли невиданное доселе поражение. Сам Кир был ранен. И не подоспей к нему на помощь верный союзник — сакский владыка царь Аморг со своим войском - не миновать бы Киру позорного плена.

Своего избавителя, спасшего ему честь и принесшего победу над врагами, Кир пригласил в гости, в ставку. Хитрый и коварный император, убедившись, что тот не намерен принять подданство Персии, обезглавил Аморга. Эта страшная весть достигла необъятной сакской степи.

Многочисленные и воинственные саки Жаксарта решили немедля усадить на золотой царский трон вместо Аморга его жену Спаты, которую греки называли Спаретрой. Вот тогда-то от Алтайских гор до Хазарского моря и заволновалась, и забурлила степь. Многочисленные племена поднялись и покатили к Бозтайлаку, дружно отозвавшись на призывный клич женщины-царя, обращенный к сородичам. К сакам присоединились массагеты. Надо было срочно обсудить план отмщения коварному повелителю Мидии¹.

Кир понял, что он недооценивал саков, когда узнал об их готовности выступить под единым началом. Императору пришлось спешно стягивать свои войска на северной границе. Он не гнушался и подкупом, веруя в старую истину: “Крепость, которую не могут покорить войска, покоряет осел, нагруженный золотом”. Через своих шпионов и послов он направил переметные сумы, набитые золотом, вождям тех сакских племен, в послушании которых не сомневался. И дал им знать, что коли не выступят они против него, Кира, а пойдут против царицы Спаретры, то получают власть и новые земли —

¹Персия.

богатство не дешевле золота. Кир рассчитывал, что распри и раздор, посеянные им среди сакских вождей, ослабят силы противника так же, как открытое сражение.

Не напрасно говорят казахи: “Звон золота усладит слух самого ангела”. В мире имущих, холодном и равнодушном, что лезвие бритвы, — чей слух не ласкают лестные посулы, в чьей груди не горит огонь желания стать великим и править народом?! Ползучей змеей проникли подкупы и коварство в ряды саков и стали разъедать, как ржа железо, их сплоченность.

Одним из первых на приманку Кира клюнул Кедерей, правитель племени саков, живших у Тянь-Шаня. Помогли же ему ступить на путь предательства выходцы из племени массагетов — Архар и его друг и наставник скорее в дьявольских, чем в человеческих делах — Катергеп. Между собой эти двое были дружны. Оба усердно плели интриги и сеяли клевету против знатных вельмож. Цель корыстная — очернить тех в глазах правителя, лишить их двора и почестей и возвыситься самим. Действовали сообща, словно высунув четыре руки из одного рукава чапана, словно спаренные лошади в одной упряжке.

У Архара — и еще одна причина не отдаляться от своего дружка. Ни днем ни ночью не давала ему покоя затаенная мечта о жене Катергепа — Анрук. Так и виделся ее четкий строгий профиль, полные дивного таинственного света глаза... Архар женился рано и скоро стал равнодушен к своей рыжеволосой избраннице. Он все чаще засматривался на жену Катергепа. Анрук тоже проявила к нему интерес. Чувства их друг к другу разгорались с такой быстротой и силой, что их трудно становилось скрывать.

По случайно брошенным взглядам, невзначай оброненным словам Катергеп догадывался о не совсем

обычных отношениях между Архаром и Анрук. Однако, ослепленный жадой власти и богатства, не сразу обратил на это серьезное внимание. Когда же понял, как далеко зашли двое самых, казалось бы, близких ему людей, все существо его содрогнулось от затмившего разум и сердце гнева. Но и ему не смел он дать выхода. Гнев осел в душе черным камнем, который со временем все с большей силой теснил сердце.

А тут последыш, Атыбасар... Уродился точной копией Архара. И сердце Катергепа превратилось в лед. Иногда он, как бы желая приласкать ребенка, брал его на руки, тихо напевал колыбельную, а сам усилием воли подавлял в себе желание тотчас расправиться с малышом.

Подрастал сын, похожий на друга, все больше росла и ненависть Катергепа к Архару и Анрук. Он не раз готов был подстеречь. Но карьеризм, жажда власти брали верх. Катергеп понимал, что Архар ему еще будет нужен.

Мечь затаилась в душе. Терпеть муки, что страшнее ада, помогало собственное нутро двурушника. Зло, причиняемое ему, было в стиле его собственных дел. Потому-то Катергеп, отбросив всякие условности, как и прежде, почитал Анрук своей женой. Пришедшие же, наконец, к нему богатство и власть в орде Кедерея утешили ущемленное ревностью самолюбие. Архар, в свою очередь, прекрасно чувствовал истинное отношение к нему Катергепа и играл на слабых струнах его натуры: всячески разжигал алчность к славе и богатству, чтобы тот, ослепленный ими, не замечал ничего вокруг.

На людях Архар и Катергеп боготворили друг друга. И посмотреть со стороны — нет в мире более близких друзей, а на поверку — самых лютых врагов.

Архар хоть и носит имя неказистого с виду живот-

ного, на самом деле строен, в его умных, выразительных глазах всегда блуждает улыбка... Только трудно понять — добрая она или злая. А Катергеп всем видом своим напоминает болотную жабу”...

Кунтуар прервал сына.

— Внешность человека — зеркало души и поведен-
док,— заметил он.— Вместе с тем часто внешность и
обманчива, по ней можно и ошибиться, приняв хороше-
го человека за дурного и наоборот.

— Вы правы.— Даниель задумался.— Коварство
и подлость нередко кроются за вполне пристойной внеш-
ностью. Сколько таких примеров в истории...

— Возьмем хотя бы императора Древнего Рима
Нерона! По словам современников, внешне он был и
приветлив, и недурен собою, а на деле? Намеревался
убить даже собственную мать!

Даниель оживился, видя заинтересованность отца
в его работе, и добавил:

— А вот худющего и длинного, как жердь, Дон
Кихота и его слугу Санчо, толстого, как бочонок, Сер-
вантес рисует воплощением гуманности.

Кунтуар повеселел, слушая сына:

— Выходит, облик твоих персонажей еще не проли-
вает свет на их характеры. Психику героев следует рас-
крывать через их поступки, так ведь?

— Да, но у меня появляется третий их союзник —
Турымтай. Он тоже хочет, чтобы Кедерей прислушался
к его словам... Турымтай — маленький росточком,
рыжий, подвижный, имеет прозвище — Летучая Мышь.

— Кедерей что же, живет умом этих троих?

— Да нет, он и сам неглуп, и среди приближенных
у него есть мудрые люди.

“Сам Кедерей — человек от природы добрый, до-
верчивый, но давно правит саками и привык к власти.
В последнее время не стал терпеть ничьих возраже-

ний. Его когда-то мягкий, как пуховая варежка, характер постепенно стал жестким, непреклонным. Вместо доброты и милосердия — тщеславие и упрямство. Привычка приказывать породила другое — брать все для себя.

В орде стало неписанным законом приближать к вождю и возвеличивать только тех, кто не перечит ему ни словом, ни делом. Нащупав слабость своего покровителя, Архар, как говорят, мягко стелил ему, сам, образно говоря, став и подушкой в изголовье и кошмой под боком. Его переполняло чувство ожидания своего собственного звездного часа. До поры до времени затаившись, он безошибочно угадывал малейшую прихоть Кедерея, ловил на лету каждое его желание. Такая покорность была по нраву правителю.

Но дальше — больше: стоило кому-нибудь из приближенных смело выступить на совете, как его тут же “зажимали” и, не без участия все того же Архара, объявляли врагом трона. Недавно подобная история случилась и с одним из вождей большого племени. Все видели, что тот не представлял никакой опасности для Кедерея. Однако на совещании по военным делам Архар обрушился на вождя с разного рода обвинениями. Кедерей был восхищен дальновидностью своего любимого советника, и вождя племени тут же отстранили от власти.

В другой раз Архар не пожалел слов, чтобы расписать достоинства одного из родственников Кедерея, и тот без затруднений был поставлен на высокую должность. Этого только и надо было правителю. Своим угодничеством Архар завладел его сердцем. Хитрый придворный стал нашептывать: “Нет в мире царства сильнее Мидии. Кир, как смерч, своей силой шутя сметает с лица земли целые царства. С таким соседом надобно не тягаться, а искать общий язык, стремиться

к союзу. Войдете в милость, с его поддержкой станете властелином всех саков!” Слова как мерзкое шипение змеи. Однако они подогрели страсти в мыслях и душе Кедерея.

В ответ на советы Архара Кедерей только согласно кивал головой...”

Кунтуар подумал, что сын словно живет рядом со своими героями, пытается ярко воспроизвести обычаи, характеры, повадки людей того древнего времени. Нет, такое перевоплощение невозможно, если человек лишен таланта. Только вдохновенное творчество способно заглушить личные переживания и боль сердца. Если Даниель и дальше будет так же настойчиво трудиться, он не станет больше страдать из-за разрыва с Жаннат. Пусть не забудет ее вовсе, но прежняя боль уйдет.

Старый археолог решил еще больше заинтересовать Даниеля материалом произведения, над которым тот работал.

— Великие события рождаются во время непримиримых противоречий,— заметил он.— Как там у тебя дальше?

— Дальше...— Даниель, как бы стремясь увидеть что-то воочию, изучающе посмотрел на свои бумаги и стал читать: — “Наступил полдень, когда, наконец, съехались к вершине Бозтайлака вожди последних сакских и дружественных с ними племен. Сверкал золотой трон, инкрустированный бараньими рогами. Он стоял на самой вершине холма. Под троном был дорогой ковер с изображением тигра, впившегося в крутую шею горного тура. Из белого шатра, раскинутого в долине, вскоре появилась, гарцуя на белом иноходце, сама царица Спаретра. В окружении знатных воинов-телохранителей она направилась к вершине Бозтайлака. Золоченое оружие блестит под лучами солнца. Всадники

остановились почтительно у подножия холма, лишь двое последовали за спешившейся царицей.

Золотая ее корона — с крупным, словно ястребиное яйцо, алмазом в центре. Стройную фигуру Спаретры облачает платье из тонкой желтой материи. По подолу и рукавам — яркий тонкий рисунок: фазаны среди алых цветов. Бока платья украшены мехом выдры, впереди — пелерина из белых песцов, по краю подола — золотое шитье. На ногах царицы — ичиги из красной и синей кожи, искусно прошитой золотыми и серебряными нитями. На плечи наброшен камзол без рукавов. Он из шкурок выдры и тоже отделан золотой нитью и каймой из дорогого меха мелких зверушек. Гордая осанка, правильный, резко очерченный профиль, прямой взгляд — все говорит о царственности, воле и благородстве. Вся она будто неземная, снизошедшая к этим людям с небес.

Лишь Спаретра взошла на холм и воссела на трон. лишь по бокам ее застыли в строгой позе телохранители. наверх от подножия горы стали тотчас подниматься с правой стороны — рыжеволосая женщина со светлым лицом, с левой — рыжеватый, крупного телосложения. уже в годах мужчина.

Женщина по имени Тамерис, как называют ее греки, — супруга царя массагетов Бозрука и дочь прославленного Танира. Муж ее Бозрук тяжело болен. и царица прибыла на это великое совещание вождей саков во главе двадцатитысячной женской конницы, при ней — ее семилетний сын Спаргалис. Тамерис сейчас двадцать пять. Осанкой и благородством она не уступает царице саков. Только на голове красуется не корона, а легкая накидка из шелка. Накидка расшита золотыми попугаями, оленями, маралами и белыми сайгаками. Воздушная одежда Тамерис будто соткана из серебряных и золотых лучей солнца. Женщина эта славится

среди саков отменной красотой. Она с западного побережья моря Жейхун. У нее удлиненное, с тонкими чертами лицо, голубые глаза.

Мужчина же, который приближается к трону одновременно с Тамерис, не кто иной, как предводитель саков Тянь-Шаня Кедерей. Одежда его мало отличается от платья знатных воинов: такая же короткая дубленая шуба, украшенная настроченным орнаментом из кожи, меховые шаровары, ичиги с длинными голенищами и кошмовыми чулками. Разница только в том, что на нем белая длинная льняная рубашка, по воротнику и подолу — вышивка красной шерстью. Накинутый на плечи суконный чапан — легкий, он накрыт белым бархатом с серебряной вышивкой. На голове Кедерея — остроухий тымак, обшитый шкурой выдры, поверху сверкают драгоценные камни.

После того как эти двое одновременно приблизились к царице и сели с разных сторон трона, на холм начали восходить вожди саков, исседонов, аргиппиев, тиссагетов, даюджей и других родственных им племен. Они рассаживались на огромной кошме, каждый на своем, отведенном для него месте.

Это представители племен, которые по-разному вели свое хозяйство. Одни выращивали пшеницу, другие — овощи и фрукты, третьи занимались охотой. Общим для всех было скотоводство. В основном племена кочевали. У них были общие обычаи и традиции, единые самобытные праздники, единые неписанные правила морали и поведения, только говорили на различных диалектах одного языка. Эти люди считали себя родственными друг другу, а земли, по которым кочуют, — единой родиной. Потому-то во время опасности и вставали навстречу врагу неприступной монолитной силой. Они собирались на такие вот советы, как сегодня, на которых рождались военные планы отпора любому про-

тивнику. Традиция со временем стала законом. Сегодняшний великий совет — верность этой традиции.

Выждав время, пока все займут свои места, не спеша поднялась с золотого трона царица. Она так же неторопливо, с удовлетворением оглядела заполнившие всю степь, до самого горизонта, войска и начала говорить:

— Прославленные полководцы, вожди родственных нам племен! — Голос звучал властно, как звон кованого булата. — Царь Персии Кир коварно убил нашего супруга и предводителя всех саков царя Аморга. В действиях Кира кроется и подлое предательство и вековая мечта персов — покорить сакский народ. В главном просчитался презренный Кир. Он не учел, что мы, саки, не тот народ, который может кого-то испугаться.

Непомерна наша печаль, но эта же самая сила и поднимает в нас гнев, а не страх перед ничтожным царем мидян. Если он бросает нам вызов и навязывает войну — мы готовы к отпору! Если надо за родную землю положить жизнь на поле брани — мы готовы и к этому! Выслушать мои слова и

собрала я вас здесь сегодня, великие воины! Надеюсь, мы трезво обсудим все и плечом к плечу выступим против коварного врага. Что скажете, мудрейшие и прославленные военачальники?

Царица властно посмотрела налево, в сторону Кедерея, словно говоря: “Ваше слово!”

— Великая царица! — Голос Кедерея был звонким и смелым, как клекот степного беркута. — Прежде чем высказать свои соображения, я хотел бы выяснить два обстоятельства!

— Спрашивай, смелый полководец!

— Первое, что неясно мне: убивал ли презренный Кир нашего любимого и великого царя Аморга с мыс-

лью подчинить народ, которым тот правил, или у него была другая причина? Кто может знать теперь истинную правду?

Спаретра была немногословна в своем ответе:

— Какая может быть правда, коли один царь убивает другого? Известно: он хочет захватить власть убитого в свои руки! Кир и сам никогда не скрывает, что мечтает всю жизнь об одном — покорить вольнолюбивых саков. Мужественный Аморг дал понять — саки никогда не подчинятся его власти! Только поэтому он и погиб.

— Допустим, это и есть правда, — вздохнул в раздумье Кедерей. — Хочу узнать еще вот что: Кир, лишив жизни возлюбленного всеми нами Аморга, сам решил не давать выкупа за него и идти на саков войною? Или войну объявили мы, саки, как месть за гибель Аморга и надругательство над честью нашего народа?

Ответ Спаретры был также краток:

— Конечно, саки не смогли бы перенести покорно надругание над их честью, особенно убийство их любимого и великого царя. Но Кир опередил нас и первым начал войну. Три дня назад мы получили известие, что царь Персии ведет к нашей границе триста тысяч воинов.

— Можно ли нам, собравшимся здесь, узнать, кто известил обо всем этом великую царицу?

Спаретра посмотрела на Кедерея с явной неприязнью:

— Один человек, которому можно верить.

Она не сочла нужным сообщить, что все вести привез один из любимых слуг Кира, настоятель его гарема, некогда вывезенный персами из сакских земель. Она умышленно отступила на этот раз от правила (царь не должен что-либо скрывать от военачальников) и не назвала имени перебежчика из Персии. Кедерей при-

нял это без явного удовольствия, почувствовав открытое недоверие.

— Благодарю тебя, великая царица,— согласно поклонился вождь.— Свое мнение я скажу, дай мне лишь время на размышление.

— Удовлетворяю просьбу,— ответила Спаретра спокойно и повернула голову направо.

Тамерис, преклонив одно колено, сверкнула в окружении воинов словно бриллиант в оправе. Ее племя слыло многочисленным и храбрым. У массагетов была одна особенность. Их правителями — чаще, чем мужчины,— избирались женщины. И вообще с мнением женщины массагеты считались больше, чем другие племена. Вот и сейчас на совете не было самого царя Бозрука, но сказанное его супругой Тамерис окружающие готовы были воспринять как собственное решение царя. Потому-то разом и обернулись на голос прекрасной женщины.

— Если ненавистный Кир трусит...— начала свою речь Тамерис, и огонь ненависти засветился в ее голубых очах. Она решительным движением откинула за плечи волну своих медно-рыжих волос и продолжала: — Мы готовы первыми нанести удар врагу! Долг и горе призывают нас отомстить убийце за смерть царя Аморга. Массагеты с вами! Ставим тридцать тысяч пеших воинов и пятьдесят тысяч женской конницы.

Спаретра одобрительно кивнула Тамерис и вопрошающе обвела взглядом военачальников других племен.

Те поочередно преклонили перед владычицей колени и произнесли:

— Мы готовы к отмщению! Выставляем столько военной силы, сколько потребуется!

Лишь правители исседонов, аргиппиев, других племен, расположенных по соседству с тянь-шаньскими

саками, стояли молча, не сводя глаз с Кедерея, подтверждая ему свою преданность. Спаретра снова повернула голову в его сторону...

Кедерей, как и в первый раз, как предводители остальных племен, преклонил перед нею колени:

— Царь Кир, сын Камбиса, сотворил Персию собственными руками! Разве может простой смертный свершить подобное и завоевать столько стран, сколько захочет? Кира возлюбил сам всевышний и наделил его сверхчеловеческой мощью! — Кедерей оглядел всех, стремясь убедить каждого в справедливости своих слов, и обернулся к Спаретре. — Царь Кир — ставленник бога на земле! Можем ли устоять перед его сверхчеловеческой мощью мы, простые смертные, со своими кривыми саблями? Что случилось с парфянами, ассирийцами, дербитцами, осмелившимися выступить против индийцев? Пепел, развеянный по ветру! Вы хотите начать войну с Киром, бросить на наши степи смертоносный пожар? Давайте же хорошо подумаем, прежде чем совершить это. Царь персов непобедим!

Спаретра вспыхнула, слова Кедерея были больнее, чем удар копыта необъезженного коня.

— Эй, Кедерей! — молвила царица, побледнев. — С каких это пор ты разводишь среди нас “воду на курте”?¹ Оказывается, неспроста тут все недоговариваешь: готовишь предательство — как иголки чертополоха для табунов стелешь под снегом! Потому так искренне стараешься всех нас убедить, что черное — это белое, а белое — это черное! С каких пор пешие персы сильнее конницы саков? Саки двести лет противостояли Парфии, другим государствам и самой Персии! Не под влиянием ли саков находится сегодня половина всей Азии? Или память изменила тебе, и ты

¹В переносном смысле — “сеешь смуту”.

забыл о великой битве царицы Зарины? Забыл, как перед нашими мечами склоняли головы не только правители Персии, но и царь Египта Псамметакх? Нет, Кедерей, если, по-твоему, Кир — любимый царь бога, то, по-нашему, саки — любимый народ бога!

Лицо Кедерея сделалось пепельно-серым.

— Все так, всесильная моя владычица! Видно, не точно я истолковал свои мысли, коли вы меня превратно поняли. — Он всеми силами сдерживал готовый вырваться наружу гнев. — Я ни минуты не сомневался, что оружие саков острее булата. Наши воины останавливали на своем пути немалые силы и всегда прокладывали себе дорогу вперед. Но надобно считаться и с истиной: здравый ум всегда сильнее сабли. И бои с Псамметакхом, и битва Зарины, о которых ты сказала, тоже ведь в конце концов закончились перемирием. Если и предостерегаю от войны с Киrom, это не значит, что я против других средств борьбы с ним. И все же настаиваю на своем решении — не воевать с Персией. Худой мир лучше доброй ссоры”.

— Сын, — обратился к Даниелю Кунтуар, — психологически ты правильно рисуешь характеры. Мне сейчас вспомнились интересные факты, которые донесли до нас история. Более чем 600 лет до нашей эры, когда царем был еще Кияксар, саки завоевали Мидию. После перемирия часть саков-кочевников не покинула этой страны и по просьбе Кияксара обучала его воинов стрельбе из лука и своему языку. Значительная часть войск саков направилась дальше, дошла до самого Египта. Когда они, все сметая на своем пути, достигли Сирии и Палестины, сам царь Египта Псамметакх вышел навстречу с дарами и просил воинов остановиться, не идти дальше. Саки дали свое согласие. Они были могущественны, влиятельны и с того дня три десятилетия держали всю Азию под своеобразным контролем. В это

время началась многолетняя война бактиярцев с индийцами. Прославленная царица саков того времени Зарина после смерти своего мужа — брата Кедерея Первого — вышла замуж за принца Парфии. По традиции парфяне и все подвластные им народы должны были теперь подчиняться сакам. Этого не захотел царь Мидии — Астибар, который повиновался до сих пор Парфии. И он начал войну против саков, которая после долгих лет закончилась мирным соглашением. В словах Кедерея, которые ты приводишь в романе, надо видеть и другой, скрытый смысл: если бы Спаретра и Кир как Зарина и принц Парфии, поженились, то они вдвоем могли бы спасти народы своих стран от кровопролития.

— Ты прав, отец. Хотя Кедерей и не говорит об этом в открытую, но явно дает понять. Однако Спаретра видит тут не простой союз, ее волнует главное — не подчинил бы Кир себе саков. Вот о чем я пишу дальше:

“Гневом сверкнули глаза царицы, она произнесла угрожающе:

— Молодец, Кедерей! Наконец-то я поняла тебя! Поняла твою песню на чужой мотив! И если бы не отдавала себе отчета, что за тобою стоит твой многочисленный народ, то, может, и сделала бы то, что так хочется: прогнала бы тебя от себя, как последнего предателя! Хочешь, чтобы саки, которые вот уже семь поколений держат в страхе всех, кто хотел бы покорить их, с выходом замуж одной-единственной женщины враз лишились свободы и независимости? Вовек не бывать этому! Мне эти желтые выгоревшие степи во сто крат дороже золотого дворца предателя Кира!

У Тамерис засверкали от гнева глаза.

— Свобода народа — это свобода всех нас! — звонко воскликнула царица массагетов.

Спаретра поднялась с трона и, стоя перед воинами, объявила:

— Саки идут войной на Персию! — Голос ее звучал твердо и властно. — Слово за вами, мои военачальники! Кто сколько выставляет войска?

Тамерис взяла слово первой и вновь подтвердила:

— Племя массагетов — тридцать тысяч пеших и пятьдесят тысяч конных воинов!

Правители племен стали выкрикивать поочередно:

— Исседоны — двадцать пять тысяч пеших воинов!

— Аргиппии — двадцать тысяч конницы!

— Тиссагеты...

— А ты, великий полководец Кедерей, сколько же ты даешь войска против персов? — спросила Спаретра отчужденным, не сулившим пощады голосом.

Кедерей поспешно встал, вытянулся, как в строю, потом произнес с глубоким поклоном:

— Пятьдесят тысяч пеших воинов, моя царица и повелительница! — Однако внешняя его покорность была лишь прикрытием той бури негодования, которая бушевала в груди. Кедерея обуяла злость, и не на кого-нибудь, а на Архару. Она жгла его сердце и подстрекала к расплате. “Ну, змея, пригревшаяся на груди, погоди у меня!” — думал он.

Спаретра уже не просто говорила. Голос ее окреп, она приказывала:

— Завтра всем военачальникам вывести свои войска на западное побережье моря, к урочищу Кумтобе. Наши силы будут насчитывать триста тысяч пеших и двести тысяч конных воинов. Пусть потягается с нами на поле брани царь Кир. Где принять великую битву — обсудим после. Сейчас все свободны.

Народ стал растекаться ручейками, каждое войско — к шатрам своего племени. Сердце Кедерея разрывала на части жажда отмщения за сегодняшней позор

своему подстрекателю Архару. Он торопливо сел на коня...”

— Ты правильно здесь подчеркиваешь мужество военачальников и храбрость сакского народа,—сказал Кунтуар.— История знает, что Кир потерпел в этой битве жестокое поражение. Помнится, сакские войска пошли в наступление и встретили врага в степи, на этом месте сейчас станция Сырдарья...

— Да, только на той окраине, которая — в сторону Таджикистана.

— А-а, вот оно что?! Да там же работает моя экспедиция! — радостно воскликнул Кунтуар, но... тут же и опечалился: — Кажется, там...—Он с тревогой заглянул в лицо сына: — Да, да-а. Чтобы достовернее описать битву саков с войсками Кира, надо побывать в этих местах самому.

— Конечно.

— Однако... однако... там работает,—он не договорил “Жаннат”, не в силах был ранить сердце сына.

Даниель понял отца, тяжело вздохнул и, помолчав, ответил:

— Что поделаешь, трудно писать о сражении, не видя даже равнины, на которой оно происходило.— И вскинул решительно голову: — Поеду! Обязательно поеду!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Поджаренной чешуей свернулся суплинок раскаленной дороги, его жадно подминают под себя упругие шины колес... Машина мчится на большой скорости. На заднем сиденье в глубокой задумчивости, не отрывая взгляда от маячащих вдали холмов, сидит Нурали. Его разгоряченные мысли мечутся вокруг одного и того же, словно только что закончивший бешеную скачку

скакун вокруг коновязи: “Как недостижимы звезды на небе, так трудно дается счастье человеку на земле. Оно не идет само в руки. Оно как соболь в своей драгоценной шубке, но попробуй поймай его! Разве же человек рожден не для счастья? Почему иные люди не задумываясь позволяют себе вторгаться в жизнь другого? Почему многие рождены разрушителями радостей жизни, а не созидателями? Жизнь не возвращается, чтобы ее можно было прожить заново, чище и честнее!”

Думы, думы... Но они не ушли далеко и от Орик. “Говорят, человек переживает в своей жизни и весну, и лето, и осень с зимою. Разве сейчас у нас не светлая весна, а впереди — не жаркое лето? И когда мысленно поднимаешься над всем тем, что произошло, то невольно содрогаешься: “Чего же тебе не хватало, Орик? Как понять тебя?”

Безысходная тоска овладела им, он боялся пошевелиться, чтобы снова не ощутить боли в сердце...

Вдали, у одинокой гранитной скалы Кзыл-Тас, показался лагерь. Пока подъехали, солнце склонилось почти к самому горизонту.

Среди равнинной пустыни скала издали бросалась в глаза своей коричневато-красной массой. Нурали почувдилось, что этот бездушный камень обагрён кровью молодого батыра, что не красный цвет камня переливается под скользящими лучами заходящего солнца, а стекает с вершины к подножию — кровь...

Машина затормозила в центре небольшого поселка гидрогеологической экспедиции — несколько небольших домиков и камышитовый, под шифером, барак. Одну половину барака занимала столовая, другую — красный уголок. Снаружи и внутри помещение тщательно обмазано побелено. Поодаль от лагеря в землю вкопаны металлические цистерны с солидолом, бензином, со-

ляркой. Еще дальше — движок, который снабжает латерь энергией, левее — склады, справа возвышаются остовы буровых станков ЗИФ-150.

Экспедиция ведет изыскания для будущего здесь после возведения мощной плотины на Сырдарье — моря. Она должна представить точные расчеты всех предстоящих работ. Собственно, такую же цель преследует и археологическая экспедиция Кайракты, которая находится километрах в пяти — десяти отсюда. Хотя у нее своя задача — выявить и вывезти с территории будущего моря ценные памятники старины. Работы ведутся в быстром темпе, даже, может быть, несколько поспешно. Лишь Нурали вышел из машины, его сразу же окружила толпа. Пожилой мастер, который работал вместе с Казикеном, начал первым:

— Вот так, всего-навсего случай, а парня нет... Никто не виноват, видно, судьба. Такой был толковый электрик, опытный, а тут — на тебе: за оголенный провод под напряжением ухватился незащищенной рукой! Видно, на роду написано, иначе и не скажешь...

— Комиссию создали, чтобы установить причину смерти? — спросил Нурали еще как о постороннем деле, еще не понимая всей непоправимости случившегося.

— Нет, ждали вашего приезда, — пояснил стоявший рядом его заместитель.

— В министерство, в инспекцию сообщили? Пока летуна не придут люди, мы не сможем... — При этих словах Нурали несколько встрепелулся, словно стал ближе к реальности.

— Только что сообщили по рации. Из Алма-Аты вылетает самолет, к ночи будет здесь.

— Где установили гроб, дома?

— Нет, в красном уголке, — ответил пожилой мастер. — Там жена Казикена.

Нурали быстро шагнул вперед, за ним поспешили члены комиссии и несколько рабочих постарше. Он первым открыл дверь помещения и обмер... Черные занавески на окнах, черный креп гроба... В изголовье — жена Казикена Кунимжан. Черные волосы не завязаны, как обычно она носила, в тугой узел, а рассыпались и покрывают плечи, спину. Лицо, которое еще недавно оживляла солнечная улыбка, осунулось, посерело. Не шелохнувшись, застыв в одной позе, женщина смотрит на покойного. Нет, для нее он не обезображен и не обуглен. Он, ее Казикен, самый прекрасный, самый любимый на земле человек.

Нурали не мог собраться с силами, чтобы подойти ближе к Кунимжан, сказать ей нужные слова. В этот миг он совершенно забыл о своей горе. Оно отошло куда-то в сторону.

— Сестрица,— тихо заговорил он наконец, присаживаясь с правой стороны, — я любил Казеке, как брата. Что теперь поделаешь, крепись, сестренка, пожалей себя.

Молодая женщина подняла на него глаза, полные слез. Узнав Нурали, сказала тихо:

— Осталась я, ага¹, одна, а без него нет мне счастья на земле...— И не выдержала, зарыдала.— Почему, почему смерть не пожалела его? Он и пожить-то еще не успел...

Было за полночь, когда Нурали добрался до постели, но заснуть не мог. Вот так все эти последние дни: стоит остаться одному, как тяжелые мысли наваливаются на него, а если и забудется в тревожном полусне, подступают кошмары, какие-то видения, связанные то с Орик, то с Пеилжаном, еще более худым и бледным. Сейчас, откуда ни возьмись, Казикен окли-

¹Обращение к старшему, дословно — “дядя”.

кает его: “Ага!” — и заглядывает со своей юношеской непосредственностью в глаза. Потом все заслоняет горестный образ Кунимжан; она в глубоком трауре и смотрит с укором, словно обвиняет его, Нурали, в смерти любимого.

Нурали просыпается в холодном поту: “Может, в самом деле я повинен в смерти джигита? Не уехал бы в Кайракты, может, не было бы и несчастья... Да полно,— останавливает он себя.— Дело чистой случайности, как сказал старый мастер”.

Сон больше не приходил.

Кунимжан тоже не сомкнула глаз. Ее так и не смогли увести от мужа. Приткнувшись на стуле, она пробыла возле него всю ночь, сознавая, что эти часы с ним — последние в жизни.

Наутро приехавшие с вечера представители министерства и инспекции стали обстоятельно расспрашивать свидетелей о подробностях смерти. Лишь после обеда вынесли заключение, что смерть произошла по вине пострадавшего, а к вечеру несколько рабочих с помощью взрывчатки и ломов вырыли могилу в камне утеса Кзыл-Тас. Сделано это было по решению руководства экспедиции.

— Когда здесь будет море, оно не смоет могилу Казикена, — сказал Нурали.

Довольна ли осталась Кунимжан таким решением? Или разум и сердце ее окаменели от горя? Она ни с кем не говорила и не плакала. И тогда, когда выносили гроб и поднимали его на утес... И когда накрывали поминальный стол... И когда друзья погибшего по очереди произносили теплые о нем слова... Будто угасшая на ветру свеча, Кунимжан сидела, уставив взгляд в одну точку.

Нурали обратился к ней:

— Дорогая наша сестра, мы искренне разделяем

твое горе, не таи скорби в себе, открой нам свою душу, поделись, скажи хоть что-нибудь!

Кунимжан глубоко вздохнула, обвела окружающих горестным взглядом, будто только что очнулась от глубокого забытья или сна. Из ее глаз полились слезы. Во весь голос, не в силах сдержать рыданий, женщина заголосила:

Ты умер, мой муж, а я как будто ослепла.
Почему мое сердце — не горсточка пепла?
Люди, те, что и ангела не похоронят, закопали тебя...
Этот час разве может быть понят?
На лицо я была и румяной, и белой,
да судьба мою молодость не пожалела.
Не тебя бы туда, где живое немеет, а меня...
Только смерть выбирать не умеет.

Нурали и раньше знал, что Кунимжан сочиняет и поет собственные песни, он даже слушал их как-то на досуге, наслаждаясь ее нежным голосом. Тогда голос вызывал мечту о любимой, вселял в джигита силу молодости.

Сейчас в нем — печаль и слезы. Голос словно состарился вмиг, столько в нем слышалось тоски и муки. Плач Кунимжан был подобен песне раненой лебедушки, которая лишь машет беспомощно крыльями по волнам, не в силах взлететь. Голос словно молил: “Все, кто может, защитите, спасите меня от горя!”

Нурали будто оцепенел от этого пения. Грудь сдавило каким-то непомерным грузом. Не в силах оставаться здесь, он вскочил и пошел к двери.

...Ночь. Небо обложили сплошные тучи, только в их разрывах виднеются одинокие звезды. Они — как луч надежды в океане бушующего моря. Вокруг — ни души.

Тишина. Молчат даже перепелки, что поздним вечером веселят одинокого путника в дороге.

Шагая в темноте, только сейчас Нурали понял, что в руках у него палка, которую, видимо, прихватил машинально у дверей красного уголка. Словно борясь и угрожая кому-то, наступающему из темноты, он остервенело размахивает ею. От кого отбивается, кому грозит палкой? Он и сам не знает, наверное. Нет, нет, пожалуй, знает! Радость вызывает воспоминания радостные, горе — горестные. Страдания Кунимжан воскресили в нем его собственные. Все видят, как Кунимжан любила своего Казикена, ну а он разве меньше любил Орик? Жизнь готов был отдать за нее. И что же? Любовь такое чувство, что невозможно забыть и радость, которую она дарит в своем расцвете, и обиды, которые наносит, когда увядает. Кунимжан, возможно, до самой смерти будет верна Казикену. А будет ли он так же любить свою Орик? Можно ли вот так истязать себя из-за того, что чувство безжалостно растоптали?..

Нурали все громче выкрикивал: “Нельзя!”, “Нельзя!” — и все яростнее отмахивался палкой от кого-то неведомого...

Горе Кунимжан священно. От него нет исцеления. Только время может сгладить остроту и боль душевных мук. Чувство такой любви не состарят и годы, стоит вспомнить, и оно вновь вспыхнет, разгорится с новой силой. А что у него? Да его любовь — что заноза в сердце! Ну как он должен оберегать это чувство и любить Орик, которая нанесла такую смертельную боль и обиду?

Нурали хотел было остановиться, но ноги, не повинаясь, снова понесли его вперед. Словно околдованный, кружит в мыслях вокруг одного и того же имени — Орик. “Да что это я, нашел клад золотой, что ли, кружу вокруг нее?! Почему! Ах, да... ведь так казалось, что

и она меня любила искренне! С чего же это любовь ее так быстро угасла?”

Да, он должен забыть Орик, забыть, чтобы поскорее исцелиться от незаслуженных душевных ран.

“Все правильно, все правильно, — твердил он, — только вот как... как это сделать, чтобы — забыть?”

Перед ним, будто наяву, промелькнул образ Кунимжан, будто расступилась ночь и донеслось все то же горестное пение. Вот оно рядом, он слышит этот плач-напев... Он остановился, боясь спугнуть светлое наваждение. Перед глазами все она, Кунимжан. Он опять говорил с нею мысленно: “Ты несчастная, смерть отняла твою любовь, но она осталась в твоём сердце! И будет вечной...”

Нурали держал ориентир на мигающую вдали лампочку буровой машины, веря, что повернул к лагерю. Вдруг он расслышал нарастающий шум. Неожиданно что-то метнулось и упало под ноги. Это был беленький беспомощный сайгачонок. “Чего испугался, дурашка?!” — нагнулся к ягненку Нурали.

Только сейчас он понял, как устал. Тело сделалось тяжелым, трудно было даже двигаться, а рядом лежал, прикрыв передними лапками голову, крошечный сайгачонок. Видимо, за бедняжкой гнался какой-то хищник... Что он — ранен или раньше срока умер от страха? Нурали положил руку на спинку звереньшу. Тот не шелохнулся. Еще некоторое время сайгачонок лежал без движения, а потом начал подниматься.

Блестящие глаза малыша словно молили о защите. “Не бойся”, — проговорил Нурали и погладил ягненка по нежной, как пух, шерстке. Сайгак повернул голову к человеку. Сердце парня зашлось. Ему на миг вспомнилось, как на него смотрела огромными своими глазами, полными слез и горя, Кунимжан.

— Ойбай! — удивился Нурали, — до чего же взгляд

этого звереныша похож на человеческий! Уж не Кунимжан ли ты, принявшая облик ягненка? — Сайгачонок с благодарностью, нежно ткнулся в ладонь Нурали своей потешной мордочкой. Между тем совсем близко к ним — Нурали и не заметил — подошла машина “ГАЗ-69”, в ней — парни из экспедиции.

— Всю ночь искали, — заговорил, спрыгивая на землю, заместитель Нурали. — Недавно, на рассвете, слышали волчий вой с этой стороны. Перепугались — уж не случилось ли что с вами. Сразу и поехали... Ну, хорошо, что вы живы-здоровы...

Сайгачонок, как ни странно, не испугался людей. Он лежал все в той же позе. Сейчас, когда рассвело, было видно, что задние ножки ягненка изранены.

— Оказывается, он идти не может. — Нурали взял сайгачонка на руки. Когда доехали, солнце сияло уже высоко в небе. Переполошившиеся было жители обрадовались, увидав Нурали живым и невредимым. Чуть в стороне от людей стояла Кунимжан. Нурали бережно, как младенца, неся на руках сайгачонка, подошел к ней:

— Сестрица, я привез тебе в подарок вот этого малыша. Он, бедненький, ранен, возьми, выходи его. И крепись, дорогая, не поддавайся горю, не обрекай себя на тяжкие страдания...

Кунимжан нагнулась, погладила сайгачонка.

— Спасибо, — произнесла она еле слышно, — я выхожу и выкормлю его.

Дела на Кзыл-Тасе пошли такие, что не только страдать и думать об Орик, Нурали даже спать и есть было некогда. У Волчьего холма, что километрах в пятнадцати от поселка, гидрологи нашли воду. Анализ показал, что вода обладает редкими лечебными свойствами и содержит ряд химических элементов, которых нет ни в одной другой. И, как на грех, именно Волчий холм через два-три года должен был стать дном моря.

Медлить с исследованиями было просто невозможно. Требовалось выяснить глубину и объем залегания радоновых вод, протяженность на местности. Если результаты будут обнадеживающими, то придется, пожалуй, и перепроектировать котлован будущего моря. По крайней мере, ясно уже сейчас, что берег должен проходить метров на двадцать ниже отметки в проекте. А может, принять такой вариант — линию берега оставить на прежнем уровне, а место с подземными запасами минеральной воды сделать островом? Или — что еще выгоднее — источники по трубам вывести на поверхность моря? Короче, не кто-нибудь, а именно они, гидрологи, в самый кратчайший срок должны ответить на все эти вопросы.

Потому-то от Кызыл-Таса к Волчьему холму была срочно переброшена вся техника. Переброшена — легко сказать. На самом деле свернуть вышки таких буровых великанов, как ЗИФ-150 и ЗИФ-250, а затем перевезти их на новое место и собрать заново — дело трудоемкое и довольно сложное. Нужны и трактора, и автомашины, и люди. Много людей. Нурали был на площадке чуть ли не круглые сутки. Он лично руководил работами. Когда же к концу месяца все четыре станка были установлены и бурение началось, один из ЗИФов-150 наткнулся на такой грунт, в который еле-еле проходило победитовое сверло. Второй тоже не оправдал надежд: пробуравив метров двадцать, дошел до радонового источника всего в сорок сантиметров толщиной, а дальше — опять горная порода. Другие два станка и вовсе не смогли преодолеть гранитные толщи, захороненные под песками. Так что о каких-то результатах говорить было рано. Но Нурали не сдавался. Его даже небольшой опыт работы подсказывал, что раз есть выход минеральных вод, значит, залегают они где-то неподалеку. И он решил не приостанавливать бурения,

хотя чувствовал, что и сам измотался, и люди устали изрядно. Но если рабочие после смены уходили в поселок, отдыхали, то Нурали отдыха не знал. Он здесь, на Волчьем холме, поставил себе палатку и ночевал в ней. В поселок же навещался примерно раз в неделю. И каждый раз с особым волнением и желанием — здесь он мог повидать Кунимжан.

Молодая женщина работала в лаборатории по исследованию состава воды. В радости человек или беде, а свое дело, свой служебный долг он обязан выполнять. И Кунимжан, как ей было ни тяжело, заставляла себя работать. Хотя следы постоянного горя лежали на ее лице, незаметно она приходила в себя, оттаивала душой. Маленькие радости приносили минуты, когда она возвращалась домой. Здесь ее ждал сайгачонок.

Стоило хозяйке появиться на пороге своей комнаты, как он подбегал и следил за каждым ее движением. Животное как бы понимало настроение женщины и старалось развеять ее печаль и одиночество.

Однажды, когда из степи послышался вой волков, сайгачонок — в силу извечного инстинкта животного — мордочкой открыл дверь комнаты, где спала хозяйка, и улегся на прикроватном коврик. С тех пор так и повелось: стоило завывать где-то волкам, что было в этих местах не редкостью, сайгачонок приходил к своей покровительнице, ища успокоения и защиты.

Ягненок подрос и превратился в стройную белую сайгачиху. Она научилась сама выходить из дома на улицу, провожала Кунимжан до лаборатории и возвращалась назад. Гулять за пределами поселка — не отваживалась, словно забыла о родных просторах степи.

Как-то сайгачиху увидел возвращающийся в лагерь Нурали. Возможно, она признала своего спасителя — подошла к джигиту и ткнулась холодным носом в его руку. Это своеобразное приветствие стало повторять-

ся каждый раз, как только Нурали приезжал с работы. Только теперь он обязательно вытаскивал из кармана куртки печенье и угощал им сайгачиху. Она с хрустом ела сладости и в следующий раз с нетерпением подкарауливала Нурали у дороги.

Но в один из дней сайгачиха не взяла из рук Нурали печенье, а тихо пошла, оглядываясь на него, словно приглашая идти за ней. Нурали последовал за сайгой. Войдя в дом Кунимжан, увидел — хозяйка, больная, лежит в постели...

Он поспешно объяснил:

— Никогда еще не видел такого умного животного. Она дождалась меня за лагерем и привела к вам.

— Действительно, хорошо придумала, — ответила молодая женщина, но тут же спохватилась, испугавшись, как бы Нурали не истолковал ее слова по-своему, покраснела. Чтобы исправить свою, как ей показалось, оплошность, продолжала для ясности: — Она, как ребенок, привязалась ко мне...

Что влекло его к Кунимжан, Нурали и сам толком не знал. Почти каждый раз, направляясь к ней, он вспоминал прежние, тяжелые для нее дни и очень боялся неосторожным словом или жестом ранить ее сердце. Тем не менее какое-то смутное, безотчетное чувство не давало ему покоя, и, как только кончалась рабочая неделя, это чувство тянуло, нет, почти гнало его в поселок. В сердце, помимо воли, вселилась потребность хоть несколько минут говорить, хоть одним-единственным словом обменяться с нею... Он видел, знал точно: мысли и сердце женщины принадлежат не ему, а другому джигиту, хотя того уже и нет вовсе на свете. И все же он желал и ждал этих минут.

Однажды Кунимжан сама поспешила к нему навстречу. Поздоровавшись, с чувством какого-то внутреннего облегчения сообщила:

— Завтра уезжаю в Алма-Ату. Еще весной послала документы... хочу поступить в мединститут, получила вызов на экзамены. Собиралась пойти к вам в контору, да вот встретила...— И погладила по белой шее сайгачиху, которая стояла рядом.— Как останется здесь без меня? Собралась отпустить ее в степь, а она не уходит, обратно за мной бежит. Если вы не против, я верну вам ваш подарок, примете? Она к вам привязалась не меньше, чем ко мне.

Нурали почти ничего не слышал, что говорит Кунимжан, кроме слов “завтра уезжаю”. Он был весь в смятении, искал и не находил, каким же образом отвлечь эту новую для него душевную утрату.

— Конечно,— проговорил он наконец как сквозь сон,—оставь ее у меня.

— Если провалюсь на экзаменах и приеду,— продолжала Кунимжан, мягко улыбаясь,— вернете мне свой подарок обратно.— И снова ласково погладила сайгачиху.

— Хорошо, очень хорошо,—твердил, как заведенный, Нурали, все не находя подходящих слов. У него, честно говоря, не было сейчас более искреннего желания, кроме одного: чтобы Кунимжан не приняли в институт... Он просто не думал в этот миг, что одно дело — желание его, другое — жизнь. Не мог он тогда знать, что Кунимжан в Кызыл-Тас не вернется. Она поступит в мединститут, останется жить в Алма-Ате.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Нет для человека более святого чувства, чем любовь к Отчизне. Это чувство невидимыми нитями, крепче волосяного аркана связывает каждого с тем местом, где он родился. И как невозможно разорвать волосяной аркан, так невозможно уничтожить в серд-

це человека его любовь к Родине. Ну, а если случится, что кто-то ненароком порвет с родной землей, сердце его в тоске ни на минуту не даст забыться.

Кунтуар глубоко любил свою Родину и с тех пор, как помнит себя, бережно хранил в себе это чувство. В дни военных невзгод он не боялся отдать жизнь за родную Отчизну. И только случай привел к тому, что на передовой вражеская пуля пробила ему не сердце, а ноги.

Иной человек, не сумевший когда-то, еще в дни молодости, осуществить заветную мечту, живет потом всем на свете недовольный. Ему жизнь не в жизнь и радость не в радость. Даже если и приходит достаток или удача — ему все не то, все не так.

Кунтуар не из таких. Он умеет радоваться даже самой малой своей удаче. Если день прожит без огорчений, в труде, он считает это счастьем, потому что саму жизнь воспринимает как великий дар, как радость!

Так было и раньше, так это и сейчас.

В последние годы он успешно занимается выявлением и изучением памятников сакской эпохи не только на территории Казахстана, но и всей Средней Азии. Им открыто несколько крепостей саков или родственных с ними племен, живших за пятьсот, за тысячу лет до нашей эры. Эти крепости — на берегах Ишима, Нуры, Иртыша, Сыр-дарьи, Аральского моря и в Семиречье.

В захоронениях древних саков, в остатках стен их крепостей ученый обнаружил удивительные памятники культуры с рисунками диких зверей. Множество вопросов поставили эти находки перед учеными. Один из них — откуда у народа, вооруженного дубиной и занимающегося скотоводством, столь богатые возможности? Ведь чтобы создать подобные вещи, надобно, прежде всего, уметь добывать золото, серебро, медь, плавить их. А что, если отбросить давно установившуюся

версию, будто саки не имели культуры? Есть реальность — их памятники, вот и судить по ним!

Допустим, найденные памятники пришли к сакам от черноморских скифов... Пусть так, ну а у самих-то скифов такая высокоразвитая цивилизация — откуда? Слов нет, истории известен период относительного расцвета культуры скифов, однако многие памятники, найденные на территории сегодняшнего Казахстана, относятся к более раннему времени.

И так факт за фактом, вывод за выводом... Кунтуар невольно подошел к мысли, что в этих местах задолго до саков проживал неизвестный древний народ. Люди, несомненно, вели оседлый образ жизни, имели города и развитую культуру. Лишь потом, много позднее, казахские степи и Среднюю Азию посетили племена воинственных саков.

Нет, эту догадку Кунтуар не считал неопровержимой. Наоборот, он часто терзался сомнениями, даже порою считал свой вывод вовсе ошибочным. Однако в науке всякое сомнение — начало нового уровня исследования, это и вело Кунтуара к новым поискам. Ведь пока буквально почти все, что открыто им в археологии, относится к памятникам эпохи владычества саков.

Пока он не делился мыслями ни с одним человеком. Его идея жила в нем, двигала его сознанием и делами. Только дневнику ученый доверил свою мечту. Теперь вот — дневник исчез. Ученый помнит слово в слово все, что писал в нем: “Найдены археологические памятники, расписанные рисунками в “зверином стиле” сакской эпохи. Вместе с тем некоторые исследователи считают Кайракты местом, где добывалась руда задолго до саков, так же как в Мугоджарах, на Мангышлаке, в Джезказгане. Рад присоединиться к их мнению. Именно поэтому моя экспедиция вот уже более пяти лет ведет раскопки в Кайракты. К сожалению, еще

нет основательных подтверждений в пользу высказанного учеными предположения. Тем не менее результаты Кайрактинской экспедиции говорят о том, что здесь некогда было дно Каспийского моря. В связи с этим у меня родилась новая гипотеза...” Что за гипотеза и что дальше думает в связи с этим предпринять известный археолог, он оставил глубокой тайной.

Жарким полднем Кунтуар и Даниель приближались к Кайрактинской экспедиции. Их “ГАЗ-69” мчался по узкой дороге, которая вела на Волчий холм. Вокруг — покрытая такырами и солончаками пустыня. Редко промелькнет за ветровым окном пожухлый кустарник чингил, какая-то дикая, колючая трава. Налево, примерно в километре, единственная отрада этих мест — Сырдарья. Направо — дыбятся, наплывают друг на друга серые хребты. Они несколько неожиданны на этой бескрайней равнине. И чудится, будто это свинцовые воды Сырдарьи когда-то вышли из берегов, да и застыли серым гранитом.

Дорога теряется среди холмов и курганов, близко теснящихся друг к другу. Между ними — свежевырытые, пересекающиеся крест-накрест канавки, шурфы, около которых сложены кирпичи, кучи глины. За раскопками, на склонах холмов — шесть палаток. В них и живут члены экспедиции.

Не снижая скорости, машина остановилась у одного из рвов. Навстречу приехавшим поспешил парень — загорелый, в черных защитных очках и белой матерчатой шапочке набекрень. На бедре — заткнутая небрежно за ремень археологическая лопаточка для очистки находок от глины.

— С приездом! — сказал он Даниелю и Кунтуару и обернулся к вылезавшему из кабины шоферу: — Привет, работяга!

Это был бригадир землекопов Михайлов.

Поздоровавшись с ним за руку, Кунтуар спросил:

— Где остальной народ?

— Спасаются в воде, — рассмеялся парень. — Жарища. Ушли купаться час назад и всё плещутся.

— Идет работа?

— Порядок, двигаем науку.

— Двигать-то двигаете, но какими темпами?

— Темпы... Они, как знаете, зависят не только от одного желания. Идти вперед — ума не хватает, вернуться назад — план не выполнишь. Мы выбрали золотую середину, — бесшабашно заявил парень и снова рассмеялся, блеснув на солнце зубами, белизну которых подчеркивал густой загар лица. — Роем по бокам шурфов!

— Отлично! — Кунтуар поддержал шутку бригадира и тоже рассмеялся. — Лишь бы не стояли на месте, как эти курганы!

— Да им что, можно и постоять: они же не получают зарплату! — снова ответил в тон Кунтуару парень. Теперь смеялись все.

— Давно из Кайракты? — спросил Михайлов.

— Около двух часов назад.

— Не встретили по дороге профессора?

— Какого профессора?

— Ну, отчима, что ли, нашего Армашки.

— Кто такой Армашка?

— Да они Армана кличут Армашкой, — пояснил шофер.

— А... Вы, значит, имеет в виду профессора Ергазы Аюпова? Что же он поделывает в этих краях?

— Сдается, он и сам этого толком не знает. Два дня шастал здесь, ковырял в разных местах, что-то записывал... Потом уехал. На прощание прихватил с собой и сыночка, хочет в Кайракты пристроить на работу.

— Армана, что ли? Да ведь он же археолог?! Зачем же его забирать отсюда? — удивился Кунтуар.

— Вернее будет назвать его не археолог, а скороспелый алкоголик, — парень опять благодушно захохотал. — Месяца полтора назад приволок в экспедицию одну красотку, а сам — запил.

Даниелю сделалось дурно. Он, бледный, с помутившимся сознанием, шагнул в сторону, стараясь отвлечься от тягостного для него разговора.

Как ни горько было, но Кунтуар понял, что об Армане у него все это время было ошибочное мнение. Раньше он и предположить не мог, что на исторический факультет Арман поступил нечестно, лишь при поддержке отчима. Закончил учебу кое-как, а что касается археологии, то он ее попросту никогда не любил. И если месяца полтора находился в прошлом году в экспедиции Кунтуара, так только для того, чтобы ему зачли преддипломную практику. Кунтуар же, светлая душа, ни о чем не подозревая, искренне был рад, когда Арман изъявил желание поработать под его руководством. Он воспринял это так, будто его собственный сын пошел по его стопам.

— Да ты, оказывается, любишь археологию?! — не то спрашивал, не то радовался ученый.

— Что вы! “Люблю” — не то слово. Брежу, днем и ночью брежу памятниками старины!

Кунтуар помнит, что тогда его несколько покорило от слов парня — уловил какую-то наигранность тона. Но желание видеть все так, как хотелось ему самому, успокоило старого археолога.

— Если в самом деле все так, как говоришь, — посоветовал Кунтуар юноше, — приезжай работать к нам, когда получишь диплом. У нас, брат, здесь такие проблемы решаются — дух захватывает!

“Как же я не разглядел сразу-то, что за парень этот

Арман? — сокрушался теперь Кунтуар. — Что случилось в конце концов из моей собственной затеи? Этот самый Арман увел у сына любимую девушку... Теперь вот пристрастился к водке! А водка — ядовитая змея. Если уж наступил ей на хвост, она обязательно смертельно ужалит! Ох, Арман, Арман! Нет на тебя управы! Ведь надо же... сбежал из экспедиции в самый разгар работ!”

Весной Кунтуар был до предела загружен работой и укомплектование штатов поручил своим помощникам. Кажется, пора разобраться, что за народ подобрался в этом году в экспедиции. Отправив бригадира заниматься делом, он вместе с сыном пошел посмотреть уже отрытые объекты.

Курганы захоронения, останки в них людей — все говорило о том, что в этих местах некогда было густое население. А может, это место ожесточенной битвы? Невдалеке отрыты обрушившиеся стены и хорошо сохранившиеся фундаменты жилищ. В центре поселения — нечто вроде площади, на которой обнаружен даже грон, вытесанный из гранита. Вокруг — железные колышки, скорее всего коновязь. Но... следов печей или каких-то очагов для плавки металла, таганов, котлов нигде не обнаружено. Ни ям, ни шурфов, ни колодцев, в которых, можно подумать, добывалась руда. Осталось предположить, что памятники искусства в “зверином стиле” были либо завезены сюда, либо это наследие более древнего народа. Тогда, тогда... не прояснят ли все раскопки более нижних слоев почвы?

Вместе с Даниелем он тщательно осмотрел еще несколько глубоких рвов, шурфы, на дне которых хорошо различались полы жилищ саков, снова фундаменты... Ничего нового. Стены рвов не осыпались, и, хотя были из мелкой гальки и сероватой влажной глины, они затвердели, как камень.

— Знаешь, о чем говорит вот такая прочность стен из щебенки и глины?—спросил отец сына.—Чувствуешь, ее не то что лопатой, ломом и то не возьмешь.

— Да, крепкая, будто зацементированная,— подтвердил Даниель, касаясь краев рва.—Однако закаменел только нижний слой, сверху почва рыхлая.

— Правильно подметил, а понял почему?

— Нет.

— Верхние слои — более поздние, наносные. Нижний грунт говорит о том, что здесь некогда было дно Жаксарта.

— Тогда глубже не стоит и рыть, не могли же люди, жить на дне реки!

— Конечно, не могли. Но рыть надо, обязательно надо.

— Зачем же?

— Если мои предположения подтвердятся, узнаешь все позднее, — уклончиво ответил Кунтуар.

Со стороны моря повеяло влажной прохладой. Полуденная жара чуть спала. Мираж на той стороне реки словно вылинял и начал таять. Даниель отдыхал в тени утеса. Ему почудился смех — мужской и женский. И тут же взлетел в небо высокий, знакомый до боли в сердце женский голос:

...Давно я уже повзрослела.

А ты называешь ребенком меня!

Даниель встрепенулся, прислушался как замороженный. Нет сомнения, пела Жаннат. Только ее голос мог звенеть так высоко и чисто, и только она со своеобразным кокетством и нежностью произносила это “А ты называешь ре-бе-нком меня!”. “Чего это я расселся-то здесь, где проходит тропинка? Сейчас все будут по

ней возвращаться с купанья!” И тут же в мыслях мелькнуло: “Эх, зачем себя обманывать? Сижу, чтобы хоть одним глазком увидеть Жаннат!”

Не успел Даниель принять какое-либо решение, как из-за поворота показались парни и девушки. Все в джинсах и вязаных безрукавках, на головах — одинаковые белые панамы. Даниель сразу узнал Жаннат. Да, он узнал бы ее и среди тысячи таких! Она, как горящий уголек, так и светится вся радостью, весельем. И до чего идет ей это имя — Жаннат! Она — настоящий златоцвет, пышно распустившийся ранним июльским утром, когда на каждом лепестке, на каждой его тычинке играют и переливаются под лучами солнца изумрудные капли росы... Даниель и Жаннат учились в одной школе. Только когда она в первом классе, Даниель — уже в третьем. Жили по соседству. Родители их частенько навещали друг друга в гости. Бывало, мать девочки просила Даниеля: “Айналайын¹, рано стало темнеть, дочка боится одна идти из школы. Проводи ее, пожалуйста, сделай милость”.

Даниель выделялся среди сверстников своей воспитанностью, просьбу старшего, да еще соседки, не выполнить он не мог. Иногда женщина даже подшучивала над ним: “Молодец, айналайын. Привел дочку живой-здоровой. Береги ее, чтоб никто не обидел. Вырастет — невестой будет!” Даниель краснел от этих слов и дня два-три стеснялся даже подходить к Жаннат.

Но вот у девочки случилось непоправимое горе — умерла мать. Жаннат училась уже в пятом классе. Теперь Даниель считал своим долгом охранять девочку и каждый день провожал ее из школы до дому. Частенько Жаннат и сама забегала к Даниелю: то просила помочь решить трудную задачку, то придумывала другую при-

¹Милый.

чину. Дело находилось всегда. Если же случалось, что они долго не виделись, оба скучали.

Даниель, как наяву, видит перед собой потешные давние картины: и то, как они играли в снежки, как гонялись друг за другом, стараясь отобрать книжку или карандаш... Так, в детских играх, шутках, крепла дружба. А когда вместе бывали на праздниках, когда отмечался чей-нибудь день рождения, Жаннат предпочитала сидеть только рядом с Даниелем и танцевать только с ним. Она искренне сердилась, если ее друг оказывал внимание другой девушке.

В душе Даниеля проснулось и крепло большое чувство к Жаннат. Разве забудется, как он приглашал ее на выпускной бал. Они тогда до рассвета бродили по площадям и проспектам Алма-Аты. Помнится, уставшие, присели на скамеечку у какого-то дома, и Даниель впервые осмелился поцеловать Жаннат...

Было близко к полудню, когда они вернулись домой. Всякий, кто видел их в тот момент, был свидетелем поистине счастливых минут — любовью были озарены каждый взгляд, жест, каждое слово.

Осенью Даниель успешно выдержал экзамены в университет. Спустя два года туда же поступила и Жаннат. Они снова виделись каждый день, и так хотелось верить, что это счастье надолго, навсегда.

А потом Даниель получил диплом, его оставили работать в Алма-Ате. Они уже мечтали о свадьбе. И вдруг, будто снег на голову, случилось невероятное! Жаннат... ушла! И с кем? С Арманом!

Конечно же, уезжая с отцом сюда, в Кайракты, юноша надеялся повидать Жаннат и от нее самой услышать ответ на раздирающий все его существо вопрос: “Почему? Почему она так поступила?...”

Между тем парни и девушки, возвращавшиеся с купания, приблизились к месту, где стоял Даниель.

Вот они уже поприветствовали его и, не задерживаясь на узкой тропе, прошли дальше. Остановилась только Жаннат. Стоит, смотрит в землю, молчит. Потом все так же, не поднимая головы, сказала:

— Здравствуй, Даниель!

— Здравствуй!

— Ты... сердишься, ты в обиде на меня?

— С чего это ты взяла? — запальчиво, будто и не он это вовсе, звонким, чужим голосом спросил Даниель.

— Не обижаешься?! — обрадовалась Жаннат. — А я-то переживаю, совесть замучила.

Даниель успел справиться с нахлынувшим волнением:

— Мне, конечно, тяжело от всего, что ты сделала...

— Знаю. Но разве я властна сейчас над собой? Настоящая любовь может делать с человеком все, что захочет...

— Вот как! А я, признаться, и не подозревал о твоих способностях говорить так красиво!

— Все прежние слова — не от сердца. Жаль, поняла это поздно. Прости меня, Даниель, если можешь...

— За что же тебе просить прощения? Обидно только, как сам я раньше не видел ничего и не чувствовал.

— Мне всегда казалось, что люблю тебя. И вдруг поняла — ошибалась. Постарайся забыть прошлое...

— О чем ты говоришь?! Как можешь мне советовать?!

— Верно, советы давать поздно. Но знай, мне всегда так хотелось, чтобы ты... ты ведь ясно видел, знал, что Арман не дает мне проходу, и... даже не попытался защитить меня, а может, и нашу любовь. Потом... потом уже было поздно думать и об этом. Я вынуждена была поехать за ним сюда, в Кайракты.

Даниель стоял молча, низко опустив голову. И нельзя было понять, смутила ли его такая откровен-

ность Жаннат, или он корил себя за нерешительность и ложную деликатность, обернувшиеся бедой.

— Да,— наконец произнес он,— как все-таки несправедливо устроен мир. Мало того, что жизнь человеческая коротка, но надо еще перенести в ней и вот такие тяжкие муки!

Девушке в этот момент было искренне жаль парня.

— Зачем так терзаться? Пусть я не оценила, не поняла тебя, но ты же молод и полон сил! Ты такой талантливый, перед тобою открывается блестящее будущее!

— Откуда вдруг столько мудрости? — вскинул голову Даниель.— Опять красиво говоришь: “молод”, “полон сил”!..

— Ты... забудь меня, Даниель!

— Что же остается желать?

— Если ты так любишь или, вернее, любил меня, то, наверное, не сможешь не радоваться,— ведь я нашла свое счастье.

— Счастье, говоришь? Ты в самом деле счастлива? — спрашивал Даниель девушку, не отдавая ясного отчета, зачем он это делает. В то же время явственно ощутил, что в голосе ее послышалась скорбная, тщательно скрываемая нотка. Жаннат, однако, смотрела на него прямо и говорила громко:

— Конечно, счастлива! Иначе разве бы я об этом говорила тебе?

— Что же, и на этом спасибо,— рассеянно ответил Даниель и поймал себя на мысли, что подделывается под ее фальшивый тон.

Послышался шум приближающейся машины. Даниель и Жаннат враз обернулись. Со стороны города в клубах пыли мчалась “Волга”.

— Кажется, едет Пеилжан,— заметил Даниель.— Его машина. Всего доброго, Жаннат!

— До свидания! Значит, останемся друзьями? Ты согласен?.. Постараешься?..

— Попробую, — пообещал Даниель, сознавая, что все еще продолжается фальшивая игра, навязанная Жаннат.

Гениальное открытие порой кажется очень простым. Иной человек недоумевает: “Как же я-то не сказал миру об этом, ведь все лежало так близко, все так просто”. Несведущим людям со стороны и невдомек, что для того, чтобы сделать истину ясной, как солнце, и доходчивой, как его лучи, надо найти свой волшебный ключик в море фактов. Именно в этом ключике за семью печатями и кроется весь секрет.

Предположение ученого-археолога Кунтуара Кудайбергенова, что Кайракты — центр древней цивилизации, имело веские основания. Ими служили вот эти раскопки, которые указывали, что когда-то на бывшем дне реки селились сакские племена.

Если вспомнить историю, то Александр Македонский со своим многочисленным войском дошел до Сырдарьи, а значит, был он и на земле Кайракты¹. Об этом говорят многие находки археологов. Здесь найдены походные казаны, пики, щиты, другие воинские доспехи греческого происхождения. Но вот загадка! Зачем потребовалось великому полководцу забираться в эти далекие края? Скорее всего затем, что здесь некогда было не просто поселение саков, а их орда, их столица.

Кунтуар предположил, что в далекие времена, три

¹ В 329 г. до н. э. Александр Македонский разбил армию персов и вышел к левому побережью Сырдарьи. Там он заложил крепость Эскендер, Эсхату, теперешний Ленинабад. По сведениям историка Древнего Рима Квинта Курция, великий завоеватель переправился на правый берег реки и воевал с саками. Саки отступили, затем ушли в глубь страны.

тысячи лет назад, Жаксарт протекал по северной окраине Кайракты, где и ведутся сейчас работы его экспедиции. Ведь Сырдарья, как и ее сестра Амударья,— реки капризные. Они часто меняют свои русла. На севере тянется базальтовая гряда хребтов, сложившихся еще в мезозойскую эру. Река, конечно же, не станет пробивать себе путь в горах, коли рядом — мягкие, как пух, почвы: глина, солончаки, песок.

Итак, раскопки подтвердили, что поселение возведено на бывшем дне реки. Но тот ли это желанный для ученого населенный центр с высокой культурой, который стоял на берегу реки и привлек к себе когда-то Александра Македонского? Или, если следовать все той же версии, Сырдарья в свое время могла пробить русло еще южнее и скрыть под водой и наносами ила и песка тот самый мифический город, в существование которого так верит старый археолог?

Сырдарья, видимо, делала постепенно все более крутой изгиб к югу. В этой-то излучине, поверх прежнего, скрытого под наносами реки города и построили саки свою орду. Месторасположение центрального своего поселения древний народ выбрал не случайно. География его была чрезвычайно выгодной: здесь перекрещивались торговые караванные пути Запада и Востока.

Надо срочно искать подтверждение второй части гипотезы — под речными наносами захоронено более раннее поселение и с более высокой культурой его жителей. Откроют ли эту тайну дальнейшие раскопки?!

Вечером Кунтуар собрал всех членов экспедиции. После подведения итогов работы сказал:

— В дальнейшем, товарищи, будем рыть на этой же глубине, но на два метра севернее.

С места поднялся тот самый бригадир, по фамилии Михайлов:

— Говорите, надо еще рыть. Но видите же, мы дошли до речного дна. Какой смысл рыть дальше? Кости рыб ищем, что ли? — засмеялся он беззлобно, разводя руками.

Кунтуар было хотел пояснить свою мысль, но тут же сдержался: “Вряд ли все, что скажу, будет понятно людям. Ведь это только моя догадка, подсказанная всего-навсего интуицией”. И сказал так:

— Друзья, планы требуют исследования грунта дальше, севернее произведенных раскопок.

Открыто ему не возражали, но люди расходились с шумом, о чем-то горячо спорили между собой.

Кунтуар присел к столу у отведенной им с Даниелем палатки. Стол — грубо сколоченный, из свежеструганных досок. Ученый разложил на нем свои бумаги, углубился в записи, сделанные за день. Вдруг за спиной услышал девичий голос.

— Коке, — позвал голос и смолк, словно оборвался.

Кунтуар обернулся. Жаннат. Он уже видел ее, даже поздоровался мимоходом. Девушка в крайнем смущении, стыдливо опустила голову.

— Коке, — повторила она, все еще называя его ласково, как прежде, — вы уезжаете или останетесь?

— Пока останемся.

Кунтуар снова склонился над записями. Жаннат не отошла, так и стояла, смущенная, в прежней позе. Ученый поднял на нее взгляд, пытаясь понять: чего она ждет?

— Хочешь сказать что-то? — спросил он.

— Да.

— Говори, я слушаю.

— Вернули вам рукопись?

— Э-э, вот ты о чем. Кто же ее вернет?!

— Это должен сделать один человек, по имени не то Меилжан, не то Сеилжан.

— Откуда ты все это взяла? Может, пояснишь?

Девушка растерялась: в порыве нахлынувшего волнения она, кажется, выдала то, о чем должна была молчать. Потом решительно встряхнула головой и заговорила быстро, сбиваясь и горячась, словно боялась, что ей не поверят:

— Перед самым нашим отъездом в Кайракты к нам позвонил какой-то парень. Армана дома не было, трубку взяла я. Незнакомец говорил сердито и резко: “Передай своему мужу, что я уже неделю таскаю дневники археолога, который не только выкупать, но даже и разыскивать их не помышляет. Сколько мне еще с ними возиться? Если выбросить — найдет кто, будет шум, дойдет до милиции. Уж кому-кому, а твоему Арману не поздоровится. Это точно. Я решил отдать рукопись одному человеку”. Дальше он назвал имя... или Сеилжан, или Меилжан. И добавил: “Это молодой ученый, тоже археолог, должен знать Кудайбергенова. Приложу записку, пусть отдаст рукопись старику. И еще скажи мужу, пусть меня не ищет”. Я не успела даже спросить, кто звонил, трубку бросили. Когда пришел Арман, рассказала ему все, но он ничего не понял, потому что ни о какой потерянной рукописи не слышал.

— Интересно, очень интересно,— ошарашенно повторял Кунтуар.— Никто пока ничего не приносил, никто не звонил. Ну, дела!

— Должны принести,— уверяла Жаннат.

— Если принести, то уж пора бы: прошло больше двух месяцев с того дня. Так что сомневаюсь. Это не простая рукопись, а дневник. Там есть и ценные записи: научные предположения, мысли, выводы. Попадет дневник в руки заинтересованных людей, вряд ли они расстанутся с ним добровольно.— Археолог вдруг быстро встал, озорно улыбнулся: — Ничего, украли-то

всего-навсего рукопись, а не меня! Восстановлю записи по памяти.

На самом деле все обстояло так.

Как-то Арман, уже перед самым отъездом в экспедицию, заглянул к одному из своих приятелей. Тот не изъявлял большого желания где-либо трудиться, любому делу предпочитал вино и карты. Однажды парень проигрался, как говорится, до последней нитки, но азарт брал свое, и он задолжал. Наступил момент, когда он готов был на все, лишь бы добыть денег и отдать долг заседавшим на него партнерам. Арман подсел к нему и сказал, посмеиваясь:

— Разве деньги для такого человека, как ты, проблема? Могу подсказать, если сам не соображаешь. Вот в доме напротив проживает одна знаменитость — археолог. Окна всегда нараспашку, а на столе — ценнейшие бумаги. В доме ни души, дворняжки тоже нет. Заходи, бери чего хочешь. Если прихватить важную рукопись, бьюсь об заклад, завтра же в “Вечерке” прочитаешь объявление, что ученый готов дать вознаграждение тому, кто принесет эту самую писанину. Так что можешь не считать меня своим другом, если через день-другой не положишь в карман тыщонку.

— Уж до чего же у тебя все просто, расписал как по маслу! — невесело улыбнулся парень в ответ. Сам же смекнул, что, пожалуй, это дело может выгореть.

Что было дальше — известно. Не случилось одного: человек, которому была подброшена рукопись, не спешил отдать ее автору. И Кунтуар постепенно свыкся с мыслью, что дневники для него утеряны навсегда.

Правда, сразу после кражи он, можно сказать, лишился покоя, звонил о пропаже в милицию. Но ему и в голову не приходило, что рукопись может быть возвращена за вознаграждение. Он был убежден: раз ее не вернули, значит, она попала в руки человека, во

всяком случае, не желавшего Кунтуару добра. И соби-
рался зимой, когда полевых работ нет, сесть за восста-
новление дневника по памяти. Это решение несколько
успокоило археолога, и утрата самого дорогого для него
труда переживалась уже не так остро.

Кунтуар еще некоторое время посидел над своими
записями, что-то перечеркивая в них, что-то добавляя.
Потом подошел к сыну, который стоял с незнакомым
джигитом, только что прибывшим на “Волге” из города.

Даниель обратился к отцу:

— Знакомься, папа. Кандидат исторических наук
Сурыкбаев. Мы вместе учились в университете.

Молодой человек протянул руку старому ученому:

— Пеилжан!

— Кунтуар...— Археолог пристальным, изучаю-
щим взглядом окинул парня: бледное, болезненное лицо,
худющий и сутулый. “Нет, я никогда не видел этого чело-
века, но имя его где-то уже слышал...”

— Давно защитились?

— Около трех лет назад.

— Где работаете?

— В Институте истории Академии наук.

— А-а... Хорошо. Ваша машина?

— Да.

— Сами и водите?

— Да вроде бы пока рановато обзаводиться шофе-
ром, — Пеилжан старался вести разговор шутливым,
непринужденным тоном.

Кунтуар в раздумье, словно сам себе, говорил:

— В ваши годы у нас, в лучшем случае, имелся
собственный простенький костюм. А сейчас... Это же
просто замечательно: и кандидат — значит, серьезно
занимаетесь наукой, и шофер — значит, смыслите в
этом деле. Размах!

Даниель отметил про себя, что отцу явно не по

душе этот самый Пеилжан. Археолог между тем спрашивал:

— А в наших краях по какому делу? Даниель, словно защищая Пеилжана от резких вопросов отца, поспешил ответить:

— Коке, он думает работать над докторской, по археологии.

— Тема?

— Тема пока не определилась,— Даниель снова принял на себя роль посредника.— Он как раз и приехал просить тебя проконсультировать его относительно темы, а потом быть его первым оппонентом на защите.

Кунтуар был зол теперь уже не только на Пеилжана, но и на своего сына.

— Раньше работали в археологии?

— Нет. Думаю заняться этим после утверждения темы: не объять необъятного, надо бить в цель:

— Короче, у вас на первом месте цель — стать доктором, не так ли?

— Честно говоря, вы правы. Все уже, кто со мною защищался когда-то, — доктора. Даже неудобно ходить среди них в кандидатах.

— Если думаете заняться докторской по археологической теме, надо несколько лет поработать в археологии, разобраться, что к чему. Только тогда можно серьезно говорить о каких-то неразрешимых проблемах в нашем деле. Докторскую защитить никогда не поздно: вы молоды и у вас впереди еще много времени.

— Но разве хороший историк не может быть хорошим археологом? Разве одно другому мешает?

— Вы, кажется, верны заповеди дилетанта: “Ученым можешь ты не быть, но доктором ты быть обязан”, — Кунтуар не на шутку рассердился.— Нет, молодой человек, благословить вас на подобное, не могу, не зыщите! Я помогал и помогаю многим молодым уче-

ным. Но это всё парни, которые готовы иголкой рыть колодец, если на дне его скрыта истина. Вы же, догадываюсь, не из их числа. Как вам нравится: подавай ему доктора, да и только! Наперед скажу: доктором, возможно, вы и станете, но ученым — никогда! Извините, но таким, как вы, я не консультант, не оппонент... У меня нет нужды в подобных учениках... Наши взгляды на науку крайне расходятся!

Кунтуар задыхался от охватившего его негодования. Он не стал дожидаться приезжающих утром техников и прорабов и этой же ночью выехал.

Пеилжан же, наоборот, остался и около недели дотошно разбирался в делах экспедиции. Примерно через месяц в центральной газете появилась статья за его подписью — “Заблуждения и ошибки обладателя таланта”. В ней были довольно глубокие и серьезные раздумья и выводы о делах Кайрактинской археологической экспедиции. Анализируя факты, автор подводил читателя к мысли, что экспедиция бесперспективна, что впустую летят огромные денежные средства. “Погосударственному ли подошел руководитель работ археолог Кудайбергенов, развернув их в таком огромном масштабе? Или же его заботы — только о собственной славе, для чего и понадобилась вся эта шумиха о поисках древней цивилизации, не имеющих под собою никаких научных основ?” Таким выпадом против Кунтуара заканчивалась статья. Читая ее, старый археолог старался отбросить личное и оценить написанное как можно объективнее. В основном он был доволен теоретическими выкладками автора. Много в них перекликалось с его собственными мыслями, которыми сам он ни с кем не делился, считая их сокровенными. У него даже шевельнулось в душе сомнение: правильно ли поступил, отказав Пеилжану в своей помощи? И в это самое время вспомнились слова Жаннат: “Кажется,

ния этого джигита похоже на то, которое назвала девушка? Но если это он, почему не отдал мне рукопись?.. Нет, нет, не хватало еще, чтобы я стал подозревать! Без сомнения, автор такой статьи не нуждается в чьих-то мыслях. Ясно, что это не тот парень, о котором говорила Жаннат”.

Через месяц Кунтуар услышал, что руководителем докторской диссертации Пеилжана назначен Ергазы. “Лишь бы не попал, — сокрушался археолог, — лишь бы не попал в руки этих двоих мой дневник!”

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В тот год, когда Кунимжан уехала в Алма-Ату, зима выдалась на редкость суровой. Сайгачиха, оставленная на попечение Нурали, ночевала обычно в сарайчике рядом с домом. А с середины марта вдруг исчезла. Видимо, инстинкт природы был сильнее привязанности к человеку. “Убежала в степь искать стадо”, — решили люди. Поговорили, да и стали забывать о ней.

Однако с наступлением новых холодов сайга вернулась в поселок. Как-то утром рабочие увидели поразительную картину: у ворот дома Нурали стояла сайгачиха с двумя маленькими, белыми, как снег, сайгачатами.

— Яныр-ма-ай! — удивились рабочие. — Не напрасно говорят, что птица стремится туда, откуда впервые взлетела, животное — туда, где выросло. Не забыла сайгачиха, как ей было здесь хорошо.

— Смотрите-ка, сама нашла лагерь!

— Да еще и детенышей привела с собой!

— Скорее всего, сайгачата и заставили ее идти к людям: помнит прошлую суровую зиму, боится, что ягнята погибнут.

— Что значит материнство!

Больше всех ликовали ребяташки. Они наперебой

носили животным теплую воду, хлеб, печенье. Радовался возвращению сайги и Нурали. “Может, это предвестие того, что явится к нам и сама хозяйка?” — вспоминал он Кунимжан. Ожиданием встречи с нею он жил все это время.

Однажды, совершенно неожиданно, мечта его сбылась. Стояло лето. В ясный, знойный полдень неподалеку от лагеря приземлился самолет, на котором в Кзыл-Тас прилетела Кунимжан.

Весь прошлый год отряд гидрогеологов работал в две смены. Днем и ночью ревели буровые винты, вгрызаясь в землю. И наконец — как вознаграждение людям за их труд и упорство — удача! Около Волчьего холма на глубине ста метров обнаружили целое море радоновых вод! Подсчитали объем месторождения, и оказалось, что целебной воды хватит на несколько курортов. Разве можно допустить, чтобы рукотворное море под своими пресными водами похоронило навек такое богатство?! Эта проблема заботила не только членов поискового отряда, но и тех, кто планировал работы.

Всю осень в Кзыл-Тасе прожил руководитель и автор проекта академик Вергинский. Взвесив все “за” и “против”, он изменил в чертежах границы будущего затопления пустыни. По прежнему проекту море должно было подойти к Кзыл-Тасу и затопить Волчий холм. Теперь же Волчий холм останется островом, на котором раскинутся в будущем пляжи и санатории. Море, обойдя остров, разольется дальше, за Кзыл-Тасом, до самого Кайракты. Гранитная скала уйдет под воду. Но лучше всего — чтобы не мешала судоходству — ее взорвать. Отряд гидрогеологов трудился день и ночь, бился за выполнение этих планов до наступления холодов.

О новом проекте Кайрактинского моря прочитала в центральных газетах и студентка второго курса Алма-Атинского мединститута Кунимжан. Она потеряла

покой: как же согласиться, чтобы была взорвана не только могила мужа, но и развеяны по ветру его останки? Молодая женщина решила во что бы то ни стало перевезти гроб с прахом мужа в Алма-Ату и похоронить здесь. На могиле поставить памятник. С этой просьбой она и обратилась в министерство, в системе которого они с Казикеном раньше работали. Там поняли горе вдовы и оказали помощь. Когда вопрос был решен, направили для перевозки гроба санитарный самолет. На нем-то и прибыла сегодня Кунимжан в Кзыл-Тас.

Экспедиция уже получила весть о ее прибытии. Нурали с двумя рабочими заранее пришел на посадочную площадку, расчищенную неподалеку от лагеря. Когда самолет приземлился и сбросили трап, сердце Нурали затрепетало. И было от чего: по трапу, прижимая к груди младенца, осторожно сходила Кунимжан. “Бог ты мой! Что же это? Не успела похоронить мужа... Вот она, женская природа. Все, видно, одинаковы! А я-то, глупец, проклинал Орик, считая только ее выродком из всех остальных, святых. Самое большее, на что способны милые создания, — это увлекаться, но не любить! А любовь требует постоянства на всю жизнь!” Так размышлял Нурали, с трудом заставляя себя приближаться к женщине с ребенком... И тут у него отлегло от сердца: “Ойбай, да это же, наверное, ребенок Казикена!..”

Один из сопровождающих Нурали парней подхватил чемодан, другой — почти на вытянутых руках понес малыша.

А к самолету уже спешили люди: все еще с вечера знали, что приезжает вдова Казикена. Вчера звонил в Кзыл-Тас помощник министра и просил помочь Кунимжан. Нурали, слушая его по телефону, лукаво улыбался: “Ах, дорогой ты мой! Если бы ты знал! Если бы ты только ведал! Тогда не произносил бы этих самых казенных слов: “Оказать должное внимание!” Да

позволь она только, разреши, я бы и шагу не дал ей ступить по земле, понес бы на собственных руках... Удастся ли повидаться с глазу на глаз и сказать, открыть ей самое заветное?!"

Когда подъехали к лагерю, навстречу вышла сайгачиха, ведя за собой подростков за зиму детеньшей. Сайгачата бежали за степенно вышагивающей матерью, прыгали, резвились.

— Неужто она узнала Кунимжан? — удивлялись люди.

— Говорят, олени, косули, куланы друзей и врагов распознают по запаху...

Кунимжан ласково погладила сайгачиху по шее, приласкала сайгачат.

Гостью поселили в специально приготовленной для нее комнате общежития.

— Устала... Отдохни с дороги, — сказал ей Нурали.

— Пожалуй, ты прав. Самолет сильно качало, а завтра надо чуть свет вылетать обратно...

— Не беспокойся ни о чем. Отдохнешь, сходишь на могилу, а об остальном позаботимся мы с ребятами.

— Спасибо, — поблагодарила Кунимжан. Она не хотела лишний раз тревожить людей своим горем и присутствовать на вскрытии могилы. Боялась, что сердце не выдержит, если она увидит все снова.

Нурали без слов понимал, какую тяжесть судьба взваливала на плечи этой женщины. И, как бы успокаивая ее, давая понять, что готов разделить с нею горькое бремя, повторил:

— Отдохни с дороги! — И вышел, пригласив следовать за ним всех, кто толпился возле Кунимжан и ее малыша.

Вечером Нурали с несколькими рабочими и двумя летчиками с самолета отправился к утесу Кзыл-Тас. Осторожно вскрыли могилу, гроб поставили в другой,

цинковый, и бережно перенесли останки покойного в самолет.

Уже вспыхнули над лагерем электрические огни, когда Нурали, управившись с делами, заглянул к Кунимжан. Она с малышом стояла возле дома. Нурали взял ребенка и, как драгоценную ношу, осторожно держал его на сильных руках, ощущая тепло и легкое дыхание младенца.

Они медленно пошли к краю поселка. Раздвинув облака, луна будто указывала им дорогу. Чувствовался легкий прохладный ветерок. С ближней заводи слышались трубные, мелодичные, как звуки флейты, клики лебедей — птицы устроились на ночь в густых зарослях прибрежных камышей. Дорогу то и дело перебегали выскакивающие из-под кустов тушканчики: они словно летели, распластавшись по земле, лишь мелькали пушистые кончики их длинных хвостов.

— Моя белая сайгачиха так рада была встрече, — грустно рассмеялась Кунимжан. — Удивительно, как все еще помнит меня. А эти ее крошечные ягнята — потешные. Мы обе с ней вернулись в родной Кзыл-Тас со своими малышами.

— А я, признаться, подумал о тебе неладное, пока не разглядел личико сынишки.

— Как это понять — “неладное”?

— Ну, как... Ты молода, а молодость, известно, стремится к радостям жизни.

В ответе Кунимжан звучали скорбь и упрек.

— Так волен думать только тот, кто совершенно не знает меня. Ему безразлично, какой болью отзовется во мне его подозрение. Но почему же подумал так обо мне ты? Ты, который знаешь все?! Разве забудешь вчерашний день, если он был радостнее и счастливее, чем сегодняшней? Ты, наверное, никогда не любил по-настоящему, потому тебе и легко судить меня. Бывает,

чувства молодых стареют от несбывшихся желаний раньше их самих. И мечты, что дерево без воды, уга-сают.

— Но как же тогда жить-то тебе? — горячо заговорил Нурали, покоренный скорбью и поэтичностью Кунимжан. — Ты молода, слишком молода. А молодое деревце, даже если оно и погибает от лютых морозов, весной вновь от корней пускает побеги! Не верю, никогда не поверю, говори что хочешь. Жизнь имеет такую над нами силу и власть, что уж если позовет, то не устоит ни один из смертных.

— Вольному воля. Мне, собственно, безразлично, веришь ты мне или нет. Я потеряла для себя слишком много, даже не хотелось жить. Спас меня вот он, жеребеночек, единственный мой. Успокоение я нашла в материнстве. Воспитываю теперь нашего с Казикеном сына. В нем все — и настоящее, и будущее мое. Только ради него теперь и дышу и хожу по земле.

Они присели у тропинки, чтобы отдохнуть и затем возвратиться в лагерь. Воспоминания всколыхнули в Кунимжан уже далекие дни любви, и она заговорила снова:

— Прошлое навечно осталось со мною, потому что ни радость тех дней, ни горе вернуть невозможно. Если и случится, что встречу в жизни достойного человека... Но разве тот, кого я любила, не одинокая чинара над утесом Кзыл-Тас, к которой, сколько бы я ни простирала руки, не дотянуться? Казикена нет. Я тогда поклялась, что никого не полюблю никогда и замуж не выйду. Это не потому, что была в горе. Просто поняла: разбито такое чувство, на которое я больше сама не способна.

Нурали ничего не сказал на это, лишь пообещал разыскать ее, когда зимой приедет с отчетом в Алма-Ату.

Наутро самолет улетел. Кунимжан провожали все. Сиротливо было на душе Нурали: ему казалось, что он прощается с Кунимжан навсегда.

Похоронив мужа во второй раз, бедная вдова снова чуть не слегла. Однако правду говорят: время — лучший лекарь. Постепенно боль сердца притуплялась, жизнь брала свое. Кунимжан определила ребенка в круглосуточные ясли. До начала занятий в институте оставалось больше месяца, за это время она устроилась на работу. Сейчас молодая женщина только что вышла из каменотесной мастерской, где изготавливают памятник на могилу мужа. Для нее стало потребностью ежедневно хоть на минутку, но зайти в мастерскую, посмотреть, как продвигаются дела. Вышла, рассеянно взглянула вокруг и... остановилась как вкопанная, чуть не закричала, будто с ног до головы ее ошпарили кипятком. Навстречу шел парень — точная копия Казикена. Густые вьющиеся волосы, смуглая тонкая кожа лица, щегольские усики над твердым разрезом губ. Тот же рост, та же фигура, наконец походка... Кунимжан вдруг сразу забыла все. Она видела, жаждала видеть... своего Казикена! Вот уже шагнула навстречу!..

Незнакомый парень прошел мимо. Она готова была крикнуть, остановить: “Казикен! Куда же ты, постой!”

Но сил не хватило. Онемело, словно после колдовского наваждения, стояла она на месте, глядя вслед удаляющемуся, как мираж, незнакомому и страшно знакомому человеку. Сознание снова вернуло ее к действительности и напомнило, кольнув иглою сердце: Казикена на свете больше нет.

Бежать за парнем вслед Кунимжан постыдилась. Но поспешила обогнуть квартал с другой стороны, надеясь опередить джигита и встретить его еще раз.

Она решила, что тот вошел в какой-то дом, когда, выскочив из-за угла, нигде не увидела его. Однако уже через несколько минут заметила снова и... медленно пошла навстречу, с невероятным усилием переставляя вдруг отяжелевшие ноги...

Молодой человек тоже, видимо, обратил внимание на незнакомку и, поравнявшись, пристально взглянул ей в лицо.

“Кто она? Какая необъяснимая притягательная сила в этом взгляде!” Печать искреннего глубокого страдания на всем облике молодой женщины делала ее поособому возвышенной и одухотворенной. В глазах словно застыло ожидание несбывшейся прекрасной мечты.

Джигит оказался эстрадным певцом, уже завоевавшим признание публики. И сейчас в его душе зазвучала песня, тревожная и протяжная. Такую мелодию он еще никогда не исполнял сам и не слышал ни от кого другого. Но эта зазвучавшая обжигающая мелодия начала угасать, как только девушка прошла мимо.

Не осознавая ясно, зачем и что он делает, джигит пошел вслед за девушкой.

Кунимжан не оглядывалась, но каким-то внутренним чутьем поняла, что парень, так удивительно похожий на ее Казикена, идет за ней; она боялась даже оглянуться, боялась услышать его шаги. Наконец почти побежала и, задыхаясь, не в силах унять гулкового биения сердца, остановилась у высоких тополей возле самого общежития. Миг — и джигит стоял рядом. Он заговорил, не скрывая волнения:

— Простите... я понял, что с вами что-то случилось. У вас, видимо, большое горе? Может, я смог бы чем-то помочь?

Искреннее участие слышалось в его словах. Кунимжан грустно улыбнулась в ответ: показалось — даже голос джигита был похож на голос Казикена...

— Никто не в силах помочь моему горю.

— Люди бессильны только перед смертью.

Кунимжан поняла искреннее желание молодого человека облегчить ее страдания. И отвечать старалась так же искренне и правдиво:

— Смерть и принесла мне горе. Умер муж, а с ним умерло для меня и все вокруг.

— Но разве нет силы, чтобы воскресить радость жизни для вас?

— Не знаю, не знаю...—отвечала задумчиво Кунимжан.—Как не оживить черный камень, так, наверное, не воскресить радость жизни в моем сердце. Смерть любимого превратила его в черный камень.

— А я знаю силу, которая оживляет даже камень!

— Что же это за сила?

— Сама жизнь.

И снова печально улыбнулась Кунимжан в ответ на слова незнакомого джигита. Она было хотела спросить: “А если угасла для меня сама жизнь, тогда что делать?” Но сдержалась, опять подумав: как же похож на Казикена. Тот так же вот, если был с кем-то не согласен или сталкивался с несправедливостью, с горем, призывал на помощь саму жизнь: “Да, чего только не бывает в жизни!” Или: “Жизнь покажет, кто прав”, “Жизнь, она мудрее человека”.

Не наваждение ли?

Боясь одной лишь фразой, одним-единственным словом ранить сердце этого чуткого человека, Кунимжан произнесла как можно мягче:

— Спасибо вам на добром слове!

Так произошло их неожиданное знакомство. Назавтра он снова встретил ее. Кунимжан, и теперь в своих грезах вспоминая Казикена, хранила в душе преданность. А в сердце юноши с самой первой их встречи вспыхнуло большое, настоящее чувство.

Однажды они возвращались с прогулки. Возле одного дома джигит придержал Кунимжан за локоть и сказал:

— Я живу здесь. Один... Могу ли просить тебя войти...

Кунимжан ответила на сердечное желание парня:

— Какая тебе радость приглашать в дом меня, убитую горем?

— Я надеюсь развеять твое горе!

И неожиданно он запел известную песню “Макпал”:

Бархатно-черный
Косяк лошадей.
Гривы — ветер.
Глаза — свет вечерней зари.
Не жалея коня,
Прискакал я
Из далеких степей.
Эй, Макпал, не косись,
На меня посмотри.

Слова и мелодия смягчили раненное горем сердце Кунимжан. И к певучему баритону джигита непринужденно и ладно присоединился ее звенящий высокий голос. Песня полилась. Она будила и звала Кунимжан к жизни и любви.

Я остался совсем одинок,
Что теперь без тебя я значу?
Я остался один без тебя, Макпал,
И поэтому горько плачу.
О тебе, дорогая,
Слезы лью я, Макпал!
Мой ровесник счастливей
Меня оказался.
Сердце жжет как в огне,
Не утешить тоски...
На призывы твои
Поздно я отозвался!

Песня согрела и как бы объединила сердца молодых людей, сблизила их. Парень доверчиво и тихо, как заклинание, говорил:

— Вдвоем мы в силах одолеть любую беду!

Кунимжан слушала молча, потом как-то очень поспешно распрощалась и ушла.

Сколько ни возвращалась она мысленно к пережитому сегодня, ничего обидного ни в чем не находила. Оказывается, просто испугалась проснувшейся в сердце неодолимой тяги к этому джигиту, своего расположения к нему. Она с затаенным страхом и укором ловила себя на том, что иногда даже тоскует о парне, если им не удавалось повидаться. Она ходила на его концерты. “Что же со мной происходит?” — спрашивала порою себя Кунимжан. Мысли путались. Постепенно она убедилась в том, что симпатичный певец лишь напомнил, будто вернул бесконечно дорогого ей Казикена, что тоскует она только от разлуки с мужем...

В день, когда памятник был готов и установлен на могиле, Кунимжан не сдержала слова, данного своему новому знакомому, и не пришла на условленное место. Она решила раз и навсегда покончить с этими свиданиями, потому что обманывать не могла ни себя, ни его. Будни по-прежнему до отказа заполнили работа, думы и заботы о сыне...

Проводив Кунимжан, Нурали почти круглые сутки занимался делами. К зиме надо было закончить все исследования и перебросить экспедицию на новое место.

И опять не так-то просто — погрузить на тележки тягачей четыре огромных “ЗИФа”. Их перебросили на другой участок, довольно далеко от Кзыл-Таса. Завершили последние подсчеты, заполнили до единого штриха чертежи будущего моря. Нурали стремился поскорее уехать из этих мест. Слов нет, итоги работ

превзошли ожидания. Но сколько горя хлебнул за это время сам Нурали! Навсегда потеряна первая любовь — Орик, погиб прекрасный человек — Казикен, далеко уехала Кунимжан... Удастся ли встретиться с нею? И не будет ли поздно? Может быть, придется пожалеть, что не сумел вовремя сказать Кунимжан самых желанных слов? Да и решится ли он произнести их когда-нибудь, а каков будет ответ? Он уверен, своей клятвы Кунимжан не нарушит. Но неужели никогда не встрепнется ее душа? Ведь все проходит со временем, и беда — тоже. “Вот тогда, — думалось ему, — она и выслушает заветные мои слова”.

А белая сайгачиха, видно, не надеялась больше встретить свою приемную мать: увела сайгачат в степь и больше не возвращалась.

Наконец, ничто больше не держало Нурали в Кзыл-Тасе. Он готов был выехать к новому месту изысканий. Но неожиданно пришла телеграмма, в которой сообщалось, что в Кзыл-Тас едут академик Вергинский и один из руководителей Академии Амирбек Камбаров. Ничего не поделаешь, пришлось ждать. Высокое начальство по дороге прихватило с собой из Кайракты еще двоих — главного инженера треста Жаркына и Пеилжана. Гости подкатили к лагерю на двух легковых автомашинах. Камбаров, видимо, рассчитывал отдохнуть и поохотиться, потому что Пеилжан, последним вылезая из своей машины, угодливо подал ему зачехленное ружье.

Вергинский — мужчина лет шестидесяти, с густыми седыми волосами, голубоглазый, худощавый. Амирбек — рыжеватый. Ему под сорок. Это плотный и высокий человек.

Вергинский вырос в семье простого рабочего. Собственный упорный труд и незаурядные способности — вот что помогло ему стать крупным ученым. Амирбе-

ка считали человеком справедливым, умеющим держать слово.

В руках этих людей сейчас ключ всех решений, связанных со строительством плотины и рукотворного моря здесь, в знойной и сухой пустыне. Они в последний раз объедут колхозы и совхозы, земли которых будут затоплены. По пути проверят, как идет подготовка к эвакуации хозяйств и населения, выяснят, кто в какой помощи нуждается.

Когда Нурали увидел, что из машины вышел Пеилжан, он отнесся к нему, как к человеку чужому, не было чувства омерзения, обиды, зла. Все это время, после разрыва с Орик, он вспоминал только ее, забыв о своем братце. В последние же дни работы некогда было думать и об Орик. А ведь какие муки он испытывал совсем недавно! Да, теперь у него нет больше брата, с которым когда-то вместе резвились мальчишками, как стригунки-однолетки. Человек, что идет сейчас навстречу, вовсе не его брат. Как же, оказывается, бывает велико чувство оскорбленного самолюбия — совершенно уничтожает обидчика в глазах потерпевшего. Нурали не подошел к Пеилжану даже поздороваться и, как положено, справиться о здоровье. Жаркын, свидетель событий, разыгравшихся между Пеилжаном и Нурали, заметил это. Он подумал: “Вот как бывает, братьев, даже выросших вместе, судьба разводит в разные стороны, как бита разбивает надвое плотный строй асыков”.

День прошел в хлопотах. Вергинский и Камбаров ознакомились с отчетами по экспедиции, объехали границы будущего моря.

Утром Амирбек с Пеилжаном собрались на озеро, в надежде поохотиться на уток. Нурали, который в присутствии Пеилжана со вчерашнего дня еще не проронил ни слова, сказал, обращаясь к Амирбеку:

— Одно названье, что озеро. Это старица реки, она давно почти заросла камышами. Там и дичь-то не водится. Только ночует пара лебедей, не подстрелите их ненароком.

— Мы что, не знаем, что лебедь — птица особая и стрелять в нее не положено?! — вклинился в разговор Пеилжан.

Нурали промолчал. “Уж кто-кто, а я-то знаю, что для тебя положено и что не положено”, — подумал он про себя. Амирбек не знал о случившемся между братьями, но понял, что родственники не в ладах.

— В лебедей стрелять, конечно, не собираемся. Нурали ответил:

— Не все так понимают. Некоторые ради минутного удовольствия готовы пойти на все.

Пеилжан понял, о ком эти слова. И без того бледное его лицо стало пепельно-серым от злости.

Любители охоты уехали. Вергинский ушел в палатку, отведенную под контору. Жаркын и Нурали остались наедине.

— Я рад видеть тебя, старина, в добром здравии, — ободряюще сказал другу Жаркын.

Нурали в ответ улыбнулся, не скрывая горечи:

— Я убедился, что ни один из них, ни Орик, ни Пеилжан, не стоят того, чтобы о них долго страдать. Это в какой-то мере помогло обрести равновесие. Непонятно только одно...

— Что же?

— Как эта связь, эта любовь, купленная ценою подлости, может приносить радость?

— Ты же сам говорил, что Орик называет свое увлечение несчастьем?!

— Называть-то называет. Но ведь они же довольны друг другом!

— Э-э, пустое. Помяни мое слово: такая, как Орик,

ради собственного благополучия еще не раз наставит рога этому самому Пеилжану.

— Все-то ты знаешь наперед, дорогой мой дружище,— засмеялся Нурали невесело.

— Поверь, кто ступил на путь подлости, не сразу свернет с него. Трудно предать лишь первый раз, а потом — пошло-поехало. Тут надо хоть что-нибудь иметь святое за душой, чтобы остановиться.

— Да неужели же у Орик ничего за душой святого? Неужели она потеряла веру в чистоту и преданность?!

— Успокойся, не кипятись, прошу тебя!

— Как бы я хотел еще верить в нее! Ведь тот, кто утратил чувство чести и стыда,— несчастный на всю жизнь.

Жаркын снова удивился, что Нурали забыл о нанесенном оскорблении.

Оба направились к Вергинскому. Когда вошли в контору, академик из груды чертежей доставал какой-то один, нужный ему сейчас. Он интересовался последним проектом, по которому выходило, что бассейн водоема требуется углублять против прежнего еще на метр. Академик обратился к вошедшим инженерам:

— Сколько грунта необходимо взять дополнительно? Сколько на это уйдет средств и времени?

— Думаю, углублять бассейн нет надобности,— отвечал Нурали, всматриваясь в чертежи.— И по прежнему проекту Волчий холм остается незатопленным.

— Меня заботит не только Волчий холм,— в раздумье продолжал Вергинский. Он взял в руки другой чертеж.— Вот здесь, на восточном берегу моря, много лет ведет изыскания археолог Кунтуар Кудайбергенов...

— Знаю, это около Кайрактов,— сказал Нурали.

— Так вот... Кудайбергенов возлагает большие надежды на кайрактинские раскопки. Он надеется — ни

больше ни меньше — открыть миру неизвестную доселе эпоху, предшествующую сакской. По его планам, работы здесь еще на два-три года. И если согласиться с вашей точкой зрения, то с плотиной можно управиться где-то к маю следующего года. Таким образом, уже летом вода зальет окрестности Кайракты. Если же углубить бассейн на метр-полтора, мы дадим возможность археологам завершить раскопки. Кудайбергенову удастся проверить свои предположения.

— Вряд ли на это пойдут в министерстве, — вступил в разговор Жаркын. — Люди ждут не дождутся здесь воду. Не потратим ли впустую золотое время?! Мы и так из-за дополнительного бурения на Волчьем холме немало его ухлопали!

— Я вас понимаю. Но ведь и обводнение пустыни, и сохранение радоновых источников — все на благо народа, — несколько наставительно отпарировал Вергинский. — Все потом окупится с лихвой. О проблемах же археологии с легкостью может судить только несведущий человек. Все не так просто, дорогие мои друзья. А поиск в науке всегда сопряжен с риском. Вот и давайте посчитаем, во что обойдется государству этот самый риск.

Снова сели за подсчеты. И когда закончили, стало ясно, сколько времени и средств уйдет на дополнительные работы по углублению моря, насколько возможно продлить археологические раскопки.

— Если бассейн углубим на метр, археологи могут работать еще год и семь месяцев, — подводя итоги, заключил Нурали.

— Вот и преотлично! — обрадовался Вергинский. — Теперь можно сделать перерыв. Остальное решим потом.

Они успели пообедать и отдохнуть, даже прогуляться, когда с заходом солнца возвратились охотни-

ки. По их виду можно было догадаться, что охота оказалась удачной. Пеилжан с азартом начал расписывать, как он метко стрелял. Тут же не забыл, однако, добавить, что Амирбек стрелял лучше его.

— На озере полно дичи. Амирбек ни одного патрона не истратил впустую. Мало того, единым выстрелом сразу срезал вон тех красавцев, — кивнул Пеилжан на двух серых гусей, которых шофер волоком тащил из машины. — Потом — чуть успокоился переполох на озере — с лёта застрелил еще пару вот этих уток. Я еле вытащил их из воды, такие жирные и тяжелые. Можно было настрелять птицы сколько душе угодно, но Амирбек Мынбаевич — это же человек! Какой, я вам скажу, человек! Не стал ведь больше стрелять. “Довольно, — говорит. — Иначе распугаем птицу, и дичь покинет озеро”. Как мы там отдохнули! И поохотились, и искупались, и позагорали. Собрались было уже уезжать, вдруг видим невдалеке стадо коз приближается к водопою. Прямо везло нам, да и только! Ветер — в нашу сторону, камыши прикрывают нас своей тенью. Разве выпадет в жизни другой такой случай? Мы — в машину и в обход стада!

— Неужто животные не испугались шума мотора?

— Да я же говорю, что машина шла с подветренной стороны. Пока стадо почуяло нас — мы были рядом. Козы повыскакивали из воды и понеслись в открытую степь! Вмиг исчезли вдаль. Только одна, не то слишком жирная, не то ноги у нее когда-то были подбиты, не спешила за стадом. И не ушла-таки от пули! Мы ее прямо из машины на полном ходу! Смотрите: огромная, как теленок. А с первого же выстрела перекувырнулась через голову и замерла! — Пеилжан указывал на тушу... белой сайги.

Нурали первым бросился к животному и воскликнул сокрушенно:

— Это же наша белая сайгачиха!..

— Да, вот у нее и метка на ушах, сам ее делал, — подтвердил, подойдя к сайге, пожилой рабочий. Он с презрением поглядел на Пеилжана.

— Как мы ухаживали за ней... — вздохнул кто-то. Люди смотрели на незваных гостей с неприязнью.

— Бедняжка, из-за своей доверчивости к людям ты от них же и пострадала, — продолжал жалеть общую любимицу рабочий.

— Откуда ей знать, что за человек на ее пути...

— Успокойтесь, товарищи! — посчитал нужным вмешаться Вергинский. — Ребята застрелили сайгу, не зная, что она ручная. Такое с каждым может случиться.

Все замолчали. Только тот же пожилой рабочий сказал, выступив вперед:

— Пусть в другой раз поостерегутся так охотиться в наших местах. Иначе найдем на них управу!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Сакскую эпоху еще изучать и изучать, — говорил Кунтуар сыну. — Возьми, например, язык, на котором племена разговаривали. О саках сохранились легенды, герои которых носят имена: Таргытай, Липексай, Аргымпас, Фагимасад. Ты знаешь уже, что Сырдарья, на побережье которой жили саки, в древности называлась Жаксарт. Известны многие слова тех времен: акынак, сауран и другие. В каком значении употреблялись эти слова в те далекие времена? Очень интересный вопрос. Узнать бы это, можно было бы объяснить многие “белые пятна” истории. Как видишь, история нашего народа — прекрасная, полная драматизма и страсти поэма. Это благодатный материал для тебя как писателя. Жаль, что памятники древней письменности — большая редкость. находка одного-единст-

венного, на мой взгляд, стоит всех памятников сакской эпохи, которые обнаружены мною за целую жизнь. Да и нельзя пока еще с уверенностью утверждать, что абсолютно все находки — сакского происхождения. А какие надежды в этом плане я возлагал на раскопки в Кайракты! Однако до сих пор и здесь — мало существенного...

Кунтуар вдруг спохватился и заметил:

— Извини, я, кажется, увлекся... Думаю, в твоей книге довольно ярко выписана картина битвы воинов Спаретры с войсками персидского царя. Бой, победа, ликование, скорбь... Нет, не жалею, что второй год подряд беру тебя сюда, в Кайракты. А вот то, что ты рассказал о жизни джигита и девушки, об их любви, я не встречал ни в одной из легенд. Знаю только, что бытовал такой обычай: девушка не имела права выходить замуж, пока не уничтожит на поле брани хоть одного врага. Этот древний закон был вызван к жизни суровыми условиями борьбы племен за свое существование. У тебя получилось очень интересно, не прочтешь ли мне еще раз это место?

Даниель, довольный вниманием отца, начал читать:

— “Закон предков не велит мне выходить замуж, пока не убью врага своего народа,— сказала Дария.— Только поэтому, Саргар, я отвергаю твое предложение соединить наши жизни.

— Любовь превыше всяких законов! — отвечал юноша.— Есть один выход, если согласна...

— Какой же?

— Надо бежать.

— Нет, Саргар, закон предков запрещает мне это делать. Ты можешь забрать мое сердце, но только не меня.

— Как же заберу сердце? Убить тебя я не способен, потому что ты мне дороже всего на свете.

— Коли любишь, исполни мою единственную просьбу!

— Хорошо,—согласился Сартар.

— Приди ко мне через пять лет. За это время я, конечно же, убью своего врага. Да и проверю твою верность. Свою же любовь к тебе сохраню навеки. Поверь мне!

— Верю,—сказал юноша. И отправился в дальнее путешествие по Парфии, Мидии и Лакидонии. Но уже на следующий день после его ухода на аул девушки напали враги. Дария исполнила долг перед племенем — убила одного из них. Прошел год, другой, третий... Девушка, как говорят, вошла в пору полнолуния и не стала больше ждать любимого, вышла замуж за его друга.

Ровно через пять лет возвратился в родные края Сартар.

— Я не сдержала слова, данного тебе, вышла замуж,— сообщила ему Дария.— А ты верен ли остался обещанию?

— Да, мое слово нерушимо. Меня окрыляли любовь к тебе и вера в твою взаимность.

— Что же теперь будешь делать? Ведь ты говорил, что жить без меня не сможешь?

— Да, жить без тебя не смогу. И в надежде, что ты меня снова полюбишь, буду ждать теперь не пять, а целых десять лет.

Через десять лет Дария и Сартар встретились снова.

— Прошли долгие годы. Они отложили на нас свой отпечаток — мы начали стареть. Не сожалеешь ли ты о бесплодно прожитом времени?

— Не сожалею,— спокойно ответил Сартар.— Я прожил счастливейших пятнадцать лет, потому что каждый их миг был озарен светлой любовью к тебе.

— Если так, ты и вправду счастливейший из смерт-

ных. А я загубила свою молодость и теперь день и ночь жалею об этом. Я несчастна, потому что не знаю, что такое любовь”.

— Таким однолюбом родится не каждый,— сказал Кунтуар. — Для любви надо иметь возвышенное и благородное сердце...

— Как ваше, отец,— добавил сын, и в этом он был глубоко прав.

...Кунтуар женился рано. Жену любил искренне и был счастлив. Беда пришла неожиданно. Фатима скончалась от сердечного приступа, когда Даниелю было всего двенадцать лет. Немало достойных женщин Кунтуар встречал на своем веку — и в молодости, и в зрелые годы. Ему расхваливали их, советовали, сожалели о его личной неустроенности. Сам же он был глубоко уверен, что жениться второй раз — не имеет смысла. Друзьям-товарищам на все их сетования по поводу его одиночества отвечал: “Я не одинок. Со мной наш с Фатимой сын. И никакая даже самая хорошая женщина не заменит ему родную мать. Да и я разве забуду когда-нибудь Фатиму? Зачем же отравлять жизнь сразу троим: себе, сыну и безвинной женщине?” Убеждение Кунтуара не было тайной для сына. Поэтому он так свободно и говорил с отцом об этом.

— Нас разлучила смерть,— продолжал Кунтуар.— А вот твое сердце Жаннат разбила по собственной прихоти. Думаю, не стоит всерьез переживать разрыв с девушкой, которая не сумела тебя оценить.

Даниель не только понимал то, что говорит ему отец, но и то, что он недоговаривает. И ответил прямо:

— Мое чувство к Жаннат приносило мне счастье. Я и сейчас, отец, люблю ее, только ее.

— Но нельзя же, чтобы каждая неудача в жизни так глубоко ранила и выбивала из колеи. Писатель должен уметь подняться над своим личным.

Кунтуар смолк и задумался. Не слишком ли он бьет по самолюбию сына? Но тут же решил, что никто не сможет говорить с Даниелем прямее и честнее, чем он.

— Конечно, — как бы оправдывался Кунтуар, — советовать легче, чем пережить все самому. А человек — чем более талантлив, тем глубже раним. От писка мышей в сарае со страху падает даже слон. Вот почему надо выработать собственную житейскую философию, надо идти вперед, несмотря ни на какие неудачи. — И, как бы торопясь сказать сыну самое главное, добавил: — На своем веку я повидал всяких людей. Встречались и честные, искренние, благородные люди. Счастье они видели в служении своему народу. За это боролись, ради этого жили. У других словно заморожена в жилах кровь. Они злы и завистливы. Но с этими злопыхателями не так уж трудно было бороться, потому что на всякий яд есть и противоядие. А вот если тебе встречается человек, которого не сразу поймешь, не сразу распознаешь, — это куда опаснее, потому что такие безучастно созерцают, зло творится на их глазах или добро.

— Для меня сейчас самое главное — моя книга, превыше всего — чувство ответственности за нее.

— Я верю в тебя. Но знай, что своей мечты достигает только мужественный человек. Это не так легко, как вскочить на коня. Для писательского труда мало быть талантливым и работоспособным. Ты должен открыть для себя какую-то заветную тему, разобраться в ней досконально и сделать ее своею. Точно так, как в археологии. Сколько надо перерыть земли и провести исследований, чтобы найти ответ на одну-единственную загадку истории! Приходится ведь раскопать несметное количество курганов и могильников, прежде чем наткнешься на один нужный. Археолог очищает от грязи и песка уйму черепков, разной утвари, наносит краски

на поблекшие от времени картины... И далеко не все найденное имеет хоть какую-то ценность для науки. Я встречал очень талантливых археологов. Но за всю свою жизнь они ничего стоящего в археологии не открыли! Так и у писателя. Пусть он строчит и даже выпускает книги. Но если не нащупал, не откопал собственную тему, его талант не разовьется. У тебя тема большая, интересная. Она, пожалуй, ближе к науке, чем к литературе...

— Работы предстоит много. Хочется, конечно, чтобы книга получилась интересной и нужной. Сознаюсь тебе, когда я писал вот этот рассказ про Дарию и Саргара, мне казалось, все это я пережил сам. Саргар любил всю жизнь Дарию. И я горевал его горем, любил его любовью и страдал его страданиями...

Зазвонил телефон. Кунтуар подсадовал, что прервали его беседу с сыном. “Кому-то нет покоя и в воскресенье”, — ворчливо произнес он и поднял трубку:

— Да, слушаю. Да, я — Кунтуар Кудайбергенов...

На том конце провода говорили нервно и торопливо. Затем — пауза. Лицо археолога побледнело, напряглось. Сын понял: отцу сообщили неприятную весть. Кунтуар переспросил в трубку:

— Говорите, на ученом совете?.. Значит, на повестке дня один вопрос: “О закрытии Кайрактинской экспедиции”? Ну что же, хорошо. И кто докладывает? А-а, знаю, знаю я его. Кто будет вести совет? Сам Ергазы? Вот это честь! Значит, снизошел до нас, грешных, проявил заботу. Передайте ему за это мою искреннюю благодарность. Да, так и передайте, я благодарю его за внимание к решению столь сложной проблемы. Хорошо. Завтра в пятнадцать ноль-ноль буду на совете.

Кунтуар осторожно положил трубку на рычажок.

Филиал института здесь, в промышленном городке Кайракты, открылся совсем недавно. Ергазы, у которого были постоянные распри с директором головного института, наметанным глазом сразу же оценил обстановку: “Лучше иметь синицу в руке, чем журавля в небе”, — и сумел, устроился директором филиала, решился с насиженного места переехать с семьей в Кайракты. Археологическая экспедиция, которой руководил Кунтуар, была теперь в ведении филиала, а значит — и Ергазы.

Кунтуар все свое время в основном проводил в экспедиции. Направлялся он туда вместе с сыном и сейчас. И лишь на время остановился в гостинице Кайракты. Завтра утром предстояло следовать дальше, на место раскопок.

— Оказывается, на совете будет разбираться мой вопрос, докладывает автор недавней статьи — Пеилжан. Судя по всему, работу экспедиции хотят свернуть...

— Неужели это их серьезные намерения? — участливо справился Даниель у отца и тут же попросил: — Разреши мне присутствовать на совете. Ведь я же пишу о Кайракты! — Уловив несколько недоумевающий взгляд отца, поправился: — О том, что было на этом месте две с половиной тысячи лет назад... Я добьюсь, чтобы разрешили...

— То-то, — улыбнулся отец и произнес в раздумье: — Не разрешать кому-либо заниматься научными проблемами, над которыми трудишься сам, это то же самое, что навязывать собственную оценку произведения. Так что решай сам, как поступить.

Кайрактинский филиал археологического института Академии наук размещался в большом светлом новом здании. Сопровождение проводили в конференц-зале. На возвышении в виде подмостков сцены, за длинным столом, накрытым зеленым сукном, сидел (в единственном числе) сам Ергазы. Людей в зале немного. Видимо, все —

специально приглашенные. Кроме членов совета, еще двух-трех кандидатов наук, несколько известных археологов из Москвы. Их исследования близки к проблеме Кунтуара. Пришли студенты, аспиранты, соискатели. К своему удивлению, Кунтуар увидел в зале даже несколько рабочих экспедиции. Среди них — Михайлова.

Чуть расселись по местам, Ергазы поспешно объявил повестку дня, дал слово докладчику, кратко представив его собравшимся:

— Молодой ученый. Думаю, услышав его мысли, раздумья и выводы, содержащиеся в докладе, вы согласитесь со мной, что перед вами — зрелый, сформировавшийся исследователь.

Пеилжан оправдал выданную ему авансом характеристику. Доклад прозвучал довольно солидно. Справедливости ради надо отметить, что кроме доводов, которые приводил раньше в своей статье, Пеилжан высказал довольно дельные соображения. Основной его тезис: пора, наконец, средства, отпускаемые государством на исследования, распределять не в зависимости от прежних заслуг ученого, а от его пользы в науке сегодня. Затем начал страстно напоминать аудитории, как были открыты известным археологом Окладниковым петрографы Сакачи-Аляна на Амуре, не менее известным Руденко — памятники древних саков в Пазырыкских курганах на Алтае, как были найдены сокровища Парфии в Каракумах, древнего Хорезма...

И вдруг Кунтуара осенило: “Не мои ли дневники он читает этой почтенной публике?” И тут же: “Э-э, парень, видно, сам не дурак. Преотлично знает древнюю культуру Средней Азии и Казахстана. Да мало сказать “знает”, он во многом разбирается и делает правильные, ценные для науки выводы. Чего это мне взбрело в голову оттолкнуть человека от себя только потому, что он решил стать доктором?! Сам-то я... До сих пор не

собрался, не оформил материалы, чтобы защитить диссертацию. А жизнь проходит. Хватит, надо садиться и работать. Легко быть умным, когда даешь советы сыну, а сам давно уже упустил свое время”.

— Все названные открытия,— между тем изрекал Пеилжан, — конечно же, имели под собой глубочайшую теоретическую основу. Но позвольте спросить, уважаемые коллеги, на какую же теорию опирается при планировании работ Кайрактинской экспедиции авторитетный ныне исследователь Кунтуар Кудайбергенов? Обнаружить таковую нам при изучении вопроса не удалось. Да вряд ли знает ее и сам старейший археолог! Четыре года летят на ветер огромные средства, летят только по той простой причине, что они — не из собственного кармана Кунтуара Кудайбергенова, а государственные! Полагаю, пора прекратить это варварское хищение. Экспедицию необходимо закрыть, и надо сделать это немедленно!

Он не спеша, почти торжественно, влажными от волнения глазами осмотрел присутствующих. Вид у оратора был такой, будто он только что закончил нелегкое дело. С чувством исполненного долга Пеилжан сошел с трибуны и сел на свое место в третьем ряду.

Слово взял начинающий ученый, закадычный друг Пеилжана, весь всклокоченный, с непомерно большими очками в роговой оправе. Смысл его выступления сводился все к тому же: за четыре года работ Кайрактинской экспедицией ничего не открыто. То и дело поправляя настойчиво сползавшие с его носа тяжелые очки, выступавший закончил:

— Если основная цель экспедиции — найти остатки культуры древних саков, то безрезультатности поисков нечего и удивляться. Всему миру известно, что памятники культуры саков открыты и, следовательно, изучены. Вряд ли возможно найти что-то новое в расчете

на сенсацию. Конечно же, раскопки экспедиции надо свернуть, и как можно скорее.

Затем слово получил археолог Танысбаев:

— Не каждому человеку дано вкусить сладкие плоды своей мечты, хоть бейся он над этим всю жизнь. К сожалению, в науке подобные неудачи не редкость. И постигают они исследователей лишь определенного плана, потому что, как хорошо известно присутствующим, одного только желания для успеха мало.— Сделав многозначительную паузу, академик пристально посмотрел поверх очков на Кунтуара.— Еще много лет назад я предвидел подобный финал и по-дружески предупреждал тебя, Кунтуар. Но, как говорят, глухие гласу не внимают. Самое лучшее, что я бы сделал на твоём месте, — это набрался бы мужества признать свою ошибку. Тебе, дорогой Кунтуар, пора уже понять, что археологические памятники — это не сокровища твоего сундука. И на нет, как говорят, суда нет. Мираж остается миражем, потому что еще не родился такой скакун, чтобы его нагнать.

Танысбаев долго говорил еще что-то, но Даниель уже не слушал его. С детства он привык верить, что отец честен. Без тени сомнения верил он и в то, что отец по-настоящему талантлив. Именно поэтому сейчас отлично понимал и танысбаевых, и пеилжанов, и их прихлебателей — завистников всякого истинного таланта. Это их и им подобных совсем недавно так метко охарактеризовал ему отец. Теперь Даниель, почти довольный своим открытием, злорадствовал про себя: “Так-так... А где же тараканы? Сейчас и они под шумок повылазят из своих щелей, сейчас осмелеют!”

Подобным же образом — как тот, кудлатый в очках, дружок Пеилжана, и как многословный Танысбаев,— выступили еще несколько человек. “Ай да Ергазы, ай да пеилжаны,— горько усмехался юноша

про себя.— Все разыграно у вас как по нотам. Ну, а где же легкая кавалерия? Ну, ну, вылезайте, нападайте, самое время для вас!” И когда слово попросил бухгалтер экспедиции, Даниель отметил: “Вот она, пошла...”

Бухгалтер прочитал по бумажке, сколько за четыре года израсходовано экспедицией денег, бензина, продовольствия. В заключение обратился к сидящим:

— Граждане, я не ученый и, может быть, поэтому никак не пойму: зачем и кому нужна эта бессмысленная трата огромных государственных средств?

Следующим говорил с багровым от запоя носом завскладом..

— За все четыре года моей работы в экспедиции не было ни единого случая, чтобы нам не выдали вовремя зарплату. Государство четко финансировало нас. Но, оказывается, мы-то сами государству за все это время не принесли никакой пользы. И мне стыдно за те деньги, которые я брал у государства ни за что ни про что. Стыдно так, что готов провалиться на этом вот самом месте!

Да, этих понять можно. У них свое на уме: показать себя честными. Они как бы хотели людям внушить: “Я хороший. И если закроете экспедицию, то не увольняйте, а возьмите на равноценную работу”.

Почувствовав настрой, идущий от начальства, один прораб строительного отдела почти кричал:

— Вместо того, чтобы транжирить такие деньги впустую, лучше бы отпустили их на строительство! Мы два года подряд перевыполняем план!

— Средства надо отпускать перспективным экспедициям! А тут роешь, роешь — и все без толку. Тратим денежки государства, как воду льем в песок!

— Это же настоящее вредительство — бросать на ветер такие бешеные деньги!

Предложение было единым — закрыть экспедицию.

Бывает, в сезонные экспедиции волей-неволей подбираются люди, уволенные с другой работы, солидарные друг с другом в одном — “зашибить деньгу”. Даниель это знал. Видел он и то, что эта шумиха устроена “под занавес” с помощью все тех же любителей длинного рубля. Но его, однако, охватили неподдельный испуг и отчаяние. Он понял, что экспедицию закроют. “Что же будет с отцом?!”

— На этом заседание совета считаю закрытым. Или... вы что, собираетесь говорить? — спросил Ергазы решительно направляющегося к трибуне Кунтуара.

— Конечно, — ответил тот.

Даниель видел, как отец неторопливо поднялся на трибуну, снял очки, протер их белоснежным платком, снова надел:

— Древние жители черноморского побережья — эллины имели развитую культуру. Они больше других народов оказывали влияние на искусство соседей — скифских кочевников. Сегодня мы с уверенностью можем утверждать, что большинство памятников культуры скифов — это подражание искусству эллинов. И если мы интересуемся самобытной культурой кочевых народов, то надо обратить свой взор дальше, на восток, — говорил, по своему обыкновению неторопливо и спокойно, Кунтуар. — Скифы же — всего лишь западное ответвление многочисленных племен, кочевавших в древности по нашим степям. Восточнее скифов, дальше по территории современного Казахстана и Средней Азии, кочевали саки и массагеты. В южной части Сибири проживали племена, родственные сакам, имеющие подобную им культуру.

— Э-э, все это давно известно, — буркнул, нахмурив брови, Ергазы.

— Интересно же, дайте послушать! — раздался вдруг мощный голос с заднего ряда.

— В многочисленных захоронениях сакской знати найдено большое количество бус, кольцо, колец, браслетов, искусно отлитых из золота и серебра, других украшений. Кроме того, на рукоятках ножей, кинжалов и мечей, на казанах и разной домашней утвари удивительно сохранились изображения животных — коней, маралов, тигров. Выполнены они искусно и реалистично: четко выписаны глаза, уши, копыта, гривы, хвосты. Кажется, что животные вот-вот оживут под лучами дневного света и устремятся в родные степи! К величайшим открытиям XX века относятся памятники Пазырыкских курганов и Башадыр на Алтае. Там, как известно, в слоях вечной мерзлоты остались в своей первозданности захоронения 5-4 веков до нашей эры. В них, кроме золотых и серебряных сокровищ, были обнаружены многочисленные предметы домашнего обихода. Сделаны они из отлично сохранившихся материалов: кожи, кошмы, дерева. Самобытность, высокое художественное мастерство, техника изготовления не уступают находкам в захоронениях вождей южных скифов. На рисунках — та же борьба двух тигров, охота на диких зверей или диких куланов, то же приручение диких животных. Многие напоминают и искусство Ближнего Востока, Ирана. Но... Одно здесь непонятно. Как же это народы, кочевавшие в далекой древности по земле нашей, породили искусство, отражающее идеологию этого самого Ирана и Ближнего Востока, с которыми они не только соперничали, но и враждовали?

При раскопках на территории Кайракты не обнаружено ни золотых, ни серебряных сокровищ. Видимо, захоронения были разграблены в те же самые древние времена. Однако найдено много домашней утвари — посуды, очагов, обломков инструментов из железа и олова. Основная задача археологов состоит вовсе не в том, чтобы откопать золотые и серебряные вещи, а от-

ветить на вопросы, возникающие при их исследовании. И вот все найденные нами в Кайракты дешевые предметы оказались дороже любых сокровищ.

Правда, результаты исследования находок мы пока еще не опубликовали. Характеристику, анализы, собственные мысли и выводы мы в течение многих лет заносили в отдельные тетради. Жаль, но... подшитые все вместе, они... затерялись.

— Есть слухи, у вас их украли?

— Не могу с уверенностью утверждать это, — отвечая Кунтуар.— Потому что кража чужого труда — это кража чужой жизни, чужого интеллекта. Но разве возможно сделать чужой ум — собственным? И если кто-то сделал это, то непременно со злым намерением подорвать мои силы. Что еще можно сказать? Потерялись записи, но сохранилось основное — вещи. И если не будет обнаружена рукопись — не беда, напишу все заново. На это, слава богу, пока сил моих хватит.

— Ладно, — словно его уговорили, Ергазы перебил Кунтуара.— Давайте, товарищи, будем снисходительны, — обратился он к присутствующим, — и запишем в протокол, что работы экспедиции первых лет оправдали себя. Насколько я понял из ваших сегодня слов и из прежних отчетов, — Ергазы снова повернул голову в сторону Кунтуара, — исследования эпохи саков на территории Кайракты вами завершены. Так чем же, позвольте спросить, можно объяснить ваше распоряжение углубить шурфы и колодцы, продлить работы? Вы, надеюсь, отдаете отчет, что продлить работы — значит приостановить и затопление этих мест?

— Я отвечу на ваш вопрос, — произнес Кунтуар.— Вспомните, что до саков засвидетельствовано существование таких развитых культур, как Карасукская — на побережье Енисея, на склонах Саяно-Алтайского

хребта, Кузылкабинская — на территории Крыма... И правильно ли утверждать, что развитие культуры здесь, на земле казахов, началось лишь со времен саков, а не раньше? По моим предположениям, очаг этой досакской культуры находился на берегу Жаксарта. Там и работает сейчас Кайрактинская экспедиция. Как видите, ничего непонятного нет в том, почему необходимо углубить и продолжить земляные работы именно на северной окраине Кайракты.

Поняв, что разговор клонится не в его пользу, Ергазы переменился в лице. Он, не стесняясь, снова перебил Кунтуара:

— Это всего-навсего предположение, не имеющее под собой достаточного теоретического обоснования, и самовольно вести поисковые работы вам никто не давал права. Планы, как известно, прежде всего необходимо представлять в совет института и только после их утверждения начинать изыскания. Этого же, насколько я знаю, вы не сделали. Ну, а представьте противоположные планам результаты? И действительность подтверждает это: ваши предположения оказались бесплодными, по вашей прихоти затрачены впустую огромные государственные средства. Кто же в ответе за это? Мало того, в последнее время по вашему распоряжению ведутся работы сверх утвержденной сметы. Сколько государственных средств израсходовано за это время? Или они не из вашего собственного кармана?! Поэтому вам все безразлично?

— К сожалению, из моего.

— Дело касается чрезвычайно серьезных вещей, так что шутки здесь неуместны! — наставительно заметил Ергазы.

— А я и не собираюсь с вами шутить, — спокойно ответил Кунтуар. — Смета должна быть утверждена. Будет утверждена. И было бы неразумно приостанав-

ливать поиски, распускать сезонных рабочих только потому, что получилась задержка с оформлением документов. Да, временно я оплачиваю расходы из своего кармана. В нарушение, конечно. Но нарушение — во имя дела. Разве такой уж это большой порок? Да и речь идет всего-то о трех-четыре-х тысячах...

Ергазы побелел:

— Коли вы так богаты, то, возможно, и дальше будете содержать экспедицию за свой счет?

— Нет, самое большее — продержусь еще месяц. Надеюсь, не сегодня-завтра получу разрешение на продолжение работ. Все свои планы и выкладки я направил туда несколько недель назад.

— Допустим, разрешат. Но что будете делать, если все-таки ничего не откроете?

— Уверен, открою!

— Это же голословное утверждение! А все же...

— Будет очень жаль, если труд коллектива окажется потраченным напрасно.

— А собственных денег?

— Ничего, перенесу как-нибудь.

— Ну-ну, вот и свет включили! Сейчас тараканы раз-бегутся! — ликуя и смеясь, воскликнул Даниель. Его никто не понял. Улыбнулся один Кунтуар.

Василий Михайлов родился в войну. Отец его Иван, мастер-краснодеревщик, погиб в дни обороны Ленинграда. Воспитывала мальчишку мать, которой ко времени смерти мужа едва минуло восемнадцать...

Трудолюбивая Пелагея работала не покладая рук. Даже в самые трудные годы мальчишка не знал, что такое нужда. Дома, в свободное время, женщина, бывало, не посидит ни минутки. Вяжет то варежки, то шапочку, то шарфы из отходов шерсти. Вещи продавала — и деньги у нее водились.

Беда в дом тоже пришла от матери. Не выдавшая

в молодые годы ни радости, ни веселья, она в свои тридцать лет пристрастилась к легким развлечениям. Вскоре познакомилась с неким Антоном. И когда сынишка пошел учиться в третий класс, мать вышла за Антона замуж. Огромный грубый мужчина, он бросил больную туберкулезом жену с двумя детьми и переехал к ним в дом.

Васе отчим не понравился сразу. Душа мальчика взбунтовалась против всего, с чем он столкнулся. Вася не принимал отчима, но отвернулся и от матери. После школы он теперь частенько шел не домой, а к кому-нибудь из мальчишек-друзей. Дома чувствовал себя чужим, оскорбленным и обманутым, старался приютиться где-нибудь в уголке и читать книгу. Не раз хотелось крикнуть матери и отчиму решительные слова. От злости и неутешного горя все кипело внутри.

В это-то время он нечаянно и прочитал валявшийся на столе листок. Это была весточка от фронтового друга отца, которая впоследствии многое решила в его судьбе. В письме рассказывалось, как геройски сражался и отдал свою жизнь за Родину рядовой Иван Михайлов. Пелагея и Антон были на работе, когда Вася, заинтересовавшись, прочитал все письмо. Потом завернул в обложку тетради и спрятал в старенький портфель. В этот день он забыл все невзгоды и переживания, был самым счастливым человеком.

Но уже на завтра радость будто рукой сняло. Придя из школы, мальчик увидел, как отчим грубо содрал со стены фотографию отца и матери в день их свадьбы и вместо нее, маленькой, начал прибивать огромный портрет, где красовался рядом с Пелагеей он сам. Вася не успел даже положить портфель на обычное место, на пол, в углу. В нем все запротестовало и взорвалось истошным криком:

— Не смей снимать фотографию!

Отчим не ожидал ничего подобного и вначале рас-
герялся:

— Почему?

— Это фотография моего отца!

— А я, по-твоему, кем тебе довожусь?

— Ты? Пьяная свинья...

До этого отчим не бил мальчишку. Сейчас он резко
рванул его к себе, ударил по лицу...

Василий безуспешно рванулся, потом... впился
зубами в волосатую руку Антона.

— Ой, сукин сын, что делает! — заорал верзила-
шофер.

Пелагея в другой комнате дремала в постели. Спро-
сонья, не разобравшись, что произошло, лишь заслышав
крики и возню, проговорила: “Успокойтесь! Да успокой-
тесь же, прошу!”

Вася схватил со стола книги, сунул их в портфель и
опрометью выскочил из дома.

До полуночи он бродил по улицам, а потом забрел
в детский парк и устроился на ночь в игрушечном до-
мике. Злость и волнение не давали заснуть. Да и мо-
роз не щадил, пробирал до костей сквозь легкую оде-
жонку.

Чуть свет выбрался из своего укрытия. Умылся
из арыка и, голодный, поплелся в школу. А там... Словом,
беда никогда не приходит одна.

На первой же перемене на него ни с того ни с сего
налетел мальчишка из третьего класса и сбил с ног.
Невыспавшийся, злой на весь мир, Василий поднялся с
полу, нагнал обидчика и надавал ему тумаков. Теперь в
свою очередь упал на пол с разбитым носом мальчиш-
ка-задира. Размазывая по лицу кровь и слезы, озорник
с воплем кинулся на второй этаж, где в седьмом классе
учился его брат.

На следующей перемене братья грозно надвину-

лись на Василия. Семиклассник не раздумывая кинулся с кулаками. Под конец пригрозил:

— Попробуй тронь его еще хоть раз!

После этого Василий не пошел ни в школу, ни домой. Скоро пристроился к какой-то уличной компании, научился воровать, курить. И однажды попался...

Исправительно-трудовая колония, казалось, наставила парня на путь истинный. Однако, выйдя на свободу, он не смог отойти от бывших дружков, снова взялся за старое ремесло и снова оказался на скамье подсудимых.

Этой весной Василий вышел из заключения. Ему исполнилось девятнадцать. Тревожные мысли все чаще не давали покоя: “Неужели так будет всю жизнь? Неужели человек не волен сам распоряжаться своей судьбой?” Не проходила тоска по книжкам. Увлечение далекого детства жило в нем. Порой он грезил книжками. Все чаще на память приходило заветное письмо однополчанина, его рассказ об отце, геройски погибшем. Крепла вера в свои силы и желание быть достойным памяти отца. Он твердо решил честно трудиться. Никакой другой работы не подвернулось. Подвернулась вот эта — Василий по договору нанялся рабочим в археологическую экспедицию.

И именно в это время судьба еще раз столкнула его с бывшими приятелями. Как Василий ни старался, а отойти полностью от прежних своих привычек еще не мог. И, в ожидании отъезда на полевые работы, ночи напролет пил и играл в карты.

Вот на таком-то сборище ему однажды и предложил полушутя-полусерьезно Арман — выкрасть рукописи Кунтуара. Этой писанине старика, по словам все того же Армана, не было цены. И Василий, как выразались в его кругу, клюнул. Не имея ни гроша за душой, решил: “Почему не получить “легкие деньги”? Старик

всю жизнь откапывает клады с золотом. У него денег, конечно же, куры не клюют. Ну, поволнуется немного, что пропали рукописи, зато вознаграждение на радостях отвалит, когда принесу его писанину обратно...”

С этого дня он начал вести наблюдения за квартирой Кунтуара. Подходящий момент для ограбления никак не подворачивался. Однажды сидел в своей засаде за кустами. И вдруг увидел: двое хулиганов напали на девушку, направляющуюся в дом археолога. Василий воспользовался всеобщим переполохом в саду и выкрал дневники Кунтуара. Дальше события развернулись точно так, как рассказывала старому археологу Жаннат.

Работая в экспедиции, Василий находил время и для чтения. Книги потрясли его, впервые раскрыли перед ним и удивительную жизнь археологов. И теперь стоило парню взяться за кайло и лопату, начать рыть землю, как ему казалось, что он вот-вот откроет ни больше ни меньше как золотую гробницу самого Тутанхамона!

Сегодня Василий Михайлов услышал, что руководитель их работ Кунтуар Кудайбергенов пожертвовал своими сбережениями ради того, чтобы все-таки разгадать правду жизни древних саков! “Вот это ученый!” — подумал он. А тут еще ребята рассказали, что старик защищал в годы Отечественной войны Ленинград! Василий и вовсе проникся к Кунтуару сердечным уважением, как к родному отцу.

“Кто знает, может, и встречались они с моим отцом на фронтовых дорогах? Оба ведь защищали Ленинград, оба из Казахстана...” — размышлял юноша. Но больше всего он теперь не прощал себе, что ввязался в эту грязную историю с дневниками. “Как же это я мог так обидеть человека!” — злился Василий на себя.

Он решил во что бы то ни стало разыскать рукопись и вернуть ее Кунтуару. С этой целью поехал в Алма-

Агу. Осторожности ради надел темные очки и явился к Пеилжану домой, вызвал его в коридор.

— Дорогой, вот на этом крыльце, у этой самой двери ты однажды взял рукопись. Прошу возвратить ее мне, — заявил Василий.

— Что за рукопись? — неподдельно удивился Пеилжан. — Чья рукопись?

— Кунтуара Кудайбергенова.

Бледный всегда, Пеилжан стал сейчас блее полотно:

— Шутите? При чем здесь я? Не понимаю.

— По глазам вижу, что лжешь, дорогой. Рукопись у тебя. Предупреждаю: отдай добром, иначе...

— Отстань-ка ты, парень, со своей выдумкой. Никакой рукописи я в глаза не видел.

— Хорошо, — внушительно произнес Василий. — Не хочешь отдать добром, не помни потом и лиха! — И вышел из дому.

Три дня бывший преступник следил за Пеилжаном, надеясь встретить его в темноте один на один. Но тот оценил грозящую ему опасность и пешком не ходил — до самого крыльца дома подъезжал на “Волге”, и всякий раз с ним в машине сидел еще кто-нибудь.

Сегодня Василий снова подстерегает Пеилжана в узкой аллее, ведущей к дому. Дом стоит на отшибе, вокруг пустынно. Тихо. Лишь шелестят над головой листья осенних деревьев да слышится шипение шин проезжающих по соседней улице машин. Солнце скатилось за горизонт, торопливо сгущается мгла, вот и совсем стемнело, а Пеилжана почему-то нет и нет. Но Василий не из простаков — не покинул своего укрытия в кустах... “Ничего, дорогуша, другой дорожки к дому не видно...”

Наконец, в просвете аллеи выросла фигура Пеилжана. Нет, скорее это был даже не он. Из-за поворота показался только огромный портфель, а уж затем —

сам Долговязый, как прозвал про себя Пеилжана Василий. Преследователь, затаившийся за толстым дубом, насторожился. Лишь только Долговязый миновал его засаду, вихляясь и вытянув вперед голову на длиннее, Василий нагнал его.

— Ойбой! — испуганно вскрикнул Пеилжан. Василий ухватил Долговязого за ворот белой рубахи с галстуком:

— А ну, подлец, гони рукопись!

— Сейчас, сейчас, только не трогай!

— Не сделаешь, что прошу, пеняй на себя, — шипел в лицо Долговязому Василий. — Я жду пять минут. Ну, живо!

— Ладно, — произнес Пеилжан и побежал в дом.

Василий не таясь стоял на месте. Буквально через пару минут Долговязый вынес знакомую Василию папку, положил на крыльцо у двери и стремглав кинулся назад. Василий не спеша взял папку и так же не спеша удалился.

“Вещицу-то чужую, дорогуша, пригрел, так что в милицию, знаю, звонить не будешь”, — смеялся он про себя.

Утром следующего дня Михайлов явился к Кунтуару, приехавшему в Алма-Ату, чтобы узнать окончательное решение о судьбе экспедиции. Парень отдал ему рукопись и чистосердечно признался, как все произошло. Перед этим уважаемым человеком он не хотел выглядеть ни чудачком, ни хулиганом, а чтобы Кунтуару было понятно все происшедшее, рассказал коротко и свою биографию. Старый ученый слушал со слезами на глазах.

— Да, война разбила многие судьбы, — произнес он.

— Я слышал, что вы участник обороны Ленин-

града. И мой отец воевал под Ленинградом, погиб там... Призывался на фронт тоже из Алма-Аты.

— Стой! Стой! — почти закричал Кунтуар. — Как, говоришь, имя и фамилия отца?

— Иван Егорович Михайлов!

— Бог ты мой! Мы же однополчане! Он последнее время служил в моей ротке! Я и похоронил его, как земляка! Об этом написал его жене. Так ты его сын?

— Выходит, так, — отвечал Василий. Он весь горел как в огне. По щекам текли слезы, которых парень не стыдился. Это были слезы очищения, первые за все десять лет, как покинул он отчий дом...

Конечно, как только Кунтуар услышал из уст Пеилжана свои собственные, выношенные в течение многих лет, сокровенные мысли и выводы, он все чаще стал задумываться над тем, что тот знаком с его дневниками. И все чаще не давал покоя вопрос: “Неужто этот молодой человек все-таки способен на подобную подлость?!” Старый археолог скорее жалел Пеилжана, чем утраченный труд. Теперь, когда рукопись нашлась и все обошлось без ругани и скандала, он радовался как ребенок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В жизни нередко случается, что двое влюбленных, которые не могли насытиться, насмотреться один на другого, вдруг охлаждаются вроде бы без причин. В чем тут дело? Кто из них виноват? Или виноваты оба — не воспитали их в святости к любви и браку? Или развод — результат брака без любви, результат случайной встречи...

Орик расцвела рано, и тут же ее подстерегла любовь... В шестнадцать лет девушка встретила с лучшим, по ее мнению, джигитом. Он учился в деся-

том, она — в девятом. Не было случая, чтобы, выйдя после звонка из класса, она не увидела возле двери Срыма. Он ждал ее вот так каждый день, несколько раз в день... Это было время, когда сердце наполнилось любовью, когда хотелось, чтобы и вокруг все были так же любимы и счастливы, но... гремела война. И однажды в холодный февральский день Срыма призвали в армию и отправили на фронт. Его письма с передовой были патристическими и полными веры в победу. Живое воображение уносило Орик на поле боя, когда читала она слова любимого, когда жила ожиданием каждой весточки от него, словно встречи. Чем дольше была разлука, тем крепче становилось чувство Орик.

Шли уже последние дни войны, девушка твердо верила в скорую встречу со своим суженым. И вдруг пришло известие о его смерти. В этот миг словно померк белый свет, словно наступило вечное затмение солнца.

Однако в молодости сердце быстро справляется с бедою, быстро заживают и сердечные раны. Прошло три года после войны. Орик училась на втором курсе пединститута, когда повстречала Нурали. Сердце будто только и ждало его. Теперь все помыслы — о нем, вся жизнь — для него... Но появился Пеилжан, которого она встретила в Кайракты.

С того дня прошло еще три года. Три года совместной жизни. За это время в семье появилось двое детей — сын и дочь. Пеилжан оказался хорошим семьянином. Был и хозяйственным, и заботливым. И на службе — расторопным. Как говорится, одной спичкой умел поджечь сразу два костра. Пусть не отличался он особыми талантами или способностями. Но говорят же: терпение и труд все перетрут. И Пеилжан, недосыпая, не зная отдыха, строчил диссертацию. В ней одной он видел цель своей жизни, удовлетворение своих

честолюбивых желаний. Старания оправдались: Пеилжан стал ученым. Изворотливый характер его тоже сыграл не последнюю роль в том, что в семью поплыли большие деньги, появились своя “Волга”, дача. Был и почет. Но им с Орик казалось этого мало.

В годы благополучия и покоя Орик похорошела еще больше. Она ласкала глаз мягкостью и округлостью форм, в голосе слышались томность и загадочность. Хотелось новых знакомств, новых удовольствий. Скоро она попросту охладела к Пеилжану. Конечно, для внутреннего бунта Орик была своя причина: ее внимание привлек лучший друг мужа — Амирбек. Его как бы случайно оброненные реплики, лукавые, горящие, как угольки, черные глаза говорили больше, чем иные длинные, пространные объяснения.

Нет, их нельзя обвинить, что они специально искали друг друга. Как говорится, хоть и имеет джут семь помощников, но и на него заготовлена рогатина. Все несчастья в дом принес хозяин. Он сам познакомил Орик с Амирбеком. Галантный в обращении, лет на пять постарше Пеилжана, Амирбек с первого взгляда понравился Орик. Она, энергичная, жаждавшая новых развлечений, тоже была симпатична ему... Но... скоро Амирбека отправили на повышение квалификации в Москву.

Уже после, когда он возвратился и получил повышение по работе, будучи в прекрасном расположении духа, Амирбек позвонил Пеилжану. Трубку подняла Орик. Узнав, что звонит не кто-нибудь, а лучший друг мужа, обрадовалась.

— Как здоровье? Давно приехали? — забросала она Амирбека вопросами. — Поздравляю с повышением!

Разговаривали долго, расспрашивали друг друга обо всем на свете: о здоровье, о детях, о жите-бытье. И уже одно это говорило о том, как они сильно соску-

чились. Наконец Амирбек попросил пригласить к телефону Пеилжана.

— Пееке¹ в командировке, — весело сообщила Орик. — Вернется через неделю, не раньше. Но я и без него приглашаю вас с женге² в гости. Приходите в воскресенье.

— К сожалению, — почти радостно отвечал Амирбек, — ваша женге на курорте. Может, разрешите заглянуть без нее? — шутливо бросил он.

— А что, боитесь?! — подзадоривая, звонко захохотала Орик. — По-моему, ни вы, ни я пока еще не вышли из доверия у своих супругов!

Амирбек с удовольствием вошел в роль и заговорил с намеком:

— Боюсь все-таки, что навлеку подозрение Пееке, если приду к вам в его отсутствие.

Орик отвечала тоже игриво, хотя в ее шутке была истинная правда:

— Пееке знает, на кого стоит обижаться, а на кого нет. На вас он ни за что не обидится, бьюсь об заклад!

“Ну и женщина! — восхитился Амирбек. — Пеилжан, конечно же, закроет глаза на любую проделку жены ради моего покровительства”. И согласился приехать к Орик.

Пеилжан и в самом деле отреагировал на поведение самых близких ему людей — жены и друга — точно так, как они предполагали. Когда Орик сообщила, что в гостях был Амирбек, Пеилжан равнодушно спросил:

— Вместе с женге?

— Нет, один. Женге на курорте.

— Он что же, пришел сам, без твоего приглашения?

— Нет, я пригласила его.

¹Уважительно-ласкательное от Пеилжан.

²Жена старшего брата.

— А еще кого?

— Конечно, никого. Он ведь в таком теперь чине, что я подумала, захочет ли с кем встречаться у нас...

Пеилжан обернулся к жене. На его бескровном лице не дрогнул ни один мускул.

— Умница. Он очень нужный нам человек.

С этого дня Амирбек стал самым уважаемым гостем в доме Пеилжана. Если случалось, что хозяин был в командировке, а дома в его отсутствие праздновали день рождения, скажем, одного из детей, то возвратясь, он осведомлялся у жены:

— Амирбека не забыла пригласить? — и продолжал, — довольный: — Хорошо сделала. Что же, если его жена болеет, так ему, бедняге, и в гости теперь не ходить?

Орик про себя удивлялась: “Говорят же, язык любви бессловесен. Неужели он не видит, что Амирбек и я разговариваем меж собой глазами и душою, понимая без слов друг друга? Конечно, он все, все видит и понимает, но как тогда объяснить его отношение к происходящему на глазах?!” И однажды спросила об этом прямо:

— Амирбек нужен тебе? Для чего?

— Нужен, еще как нужен!

И рассказал: предстоит длительная командировка в Москву. Кого пошлют — пока неизвестно, но предлагают многих. Надо бы еще до того, как Амирбек завтра пойдет на работу, поговорить с ним...

— О чем?

— Пусть предложит меня.

Все внутри Орик содрогнулось, от стыда и унижения она похолодела. Но виду не подала.

— Вы же друзья. Не лучше разве тебе поговорить с ним об этом самому? — почти прошептала она, опустив голову.

Пеилжан — хоть бы что, ни тени смущения, все тем же бесстрастным голосом, не изменившись в лице, произнес:

— Я не думал об этом. Но... он больше послушается тебя, за себя всегда просить трудно.

Орик ясно поняла, для чего нужна Пеилжану ее связь с Амирбеком. Однако она по-прежнему сдержалась, не выдала возмущения. Все так же, не поднимая головы, согласилась:

— Хорошо.

Сразу же после окончания университета Пеилжан ясно определил себе путь, по которому следует идти, и точно наметил двери, которые стоит открывать на этом пути. Он был упрям и делал все возможное, чтобы двери открывались перед ним как можно доброжелательнее. С дипломом преподавателя истории он мог бы ехать в аул или, в лучшем случае, в райцентр и трудиться там на ниве народного просвещения школьным учителем. Пеилжану это представлялось скучным, трудным и долгим в достижении его сокровенных желаний.

Другой возможной для него дорогой была наука.

Он знал, что ученым называют в жизни того, кто открыл неизвестный до сего времени закон природы и бытия, внес в науку что-то новое и полезное. Но он также успел заметить вокруг себя и другое: порой ученым слыл и такой человек, который ничего не мог возложить на алтарь науки. Пеилжан уверенно ступил на этот второй, скользкий путь, имея диплом о высшем специальном образовании, довольно легко открыл двери одного из научно-исследовательских институтов.

Взойти на следующую ступень было уже проще. Пеилжан захотел быть кандидатом и вскоре стал им. Нельзя, конечно, сказать, что обошлось ему это не-

дорого, хотя в науке он и не сказал своего слова. Защита далась с большим трудом и потребовала невероятного психического и физического напряжения. Сколько он перерыл архивных материалов, сколько времени просидел в библиотеках, сколько раз, махнув на совесть, как на “пережиток прошлого”, просил помощи и совета у видных ученых. С кем только не заводил близкого знакомства, кого только не угощал у себя в гостях, кого не поддерживал, выступая на различных совещаниях! Он наловчился подлаживаться к любому нужному, влиятельному человеку...

Теперь все его мечты о том, как стать профессором и академиком. Он знал: лучше иметь у себя подчиненных, чем подчиняться кому-то. Однако к этому времени своим поведением, своими поступками уже многим доказал, что за его серой внешностью кроется не менее серое нутро. Пеилжана не торопились продвигать по службе, и он метался, вынашивал и обдумывал хитроумные пути, но все безрезультатно. Тут-то и попался ему Амирбек.

Пеилжан так и не понял, когда и каким образом Орик успела передать его просьбу “другу семьи”. Только через неделю тот пригласил его к себе на прием. Пеилжан вошел в кабинет, они тепло поздоровались, даже обнялись. Хотя Амирбек и не особенно терзался угрызениями совести, но смотреть прямо на Пеилжана избегал.

Он молча сел в мягкое кресло. У него было правило — не обижать никого, хотя бы внешне, пусть видят его человечность и широту натуры. Сейчас он сидел перед Пеилжаном как бы в некотором смущении, вежливо расспрашивал о делах и здоровье, будто готовился попросить у него единственного коня. Когда же убедился, что друг настроен миролюбиво, преобразился и начал с готовностью:

— Говорят, ты хотел поехать в Москву? Я специально пригласил тебя, чтобы поговорить об этом.

— Да, у меня есть такое желание...

— Но ведь не я один решаю вопрос, у меня тоже есть начальство.

— Если будете рекомендовать меня настойчиво, кто возразит?

— Возможно, найдутся такие.

— Зачем же допускать до этого, если знаете заранее, кто — против? Я уверен, если будете просить вы, возражающих не найдется.

— Все так, но...

— Что значит “но”? — вовсе расхрабрился Пеилжан.— Если это ваше собственное мнение, что моя кандидатура не подходит, тогда, конечно, другой разговор.

— Нет, нет, что ты, я сделаю все, что в моих силах. Успокойся, пожалуйста.

Просьба Пеилжана далась Амирбеку нелегко. Он даже задумался: “Сегодня друг просит об этой поездке, а что попросит завтра?”

Жизнь Пеилжана и Орик шла своим чередом. О любви давно не было речи, но супруги сохраняли видимость благополучной семьи. Орик обычно успокаивала себя: “Это еще надо спросить, кто в супружестве живет влюбленным. Хорошо и то, что у нас все идет спокойно”. Она привыкла к нарядам, к беззаботности, к тому, что Пеилжан избавил ее от всех житейских невзгод. Орик почти открыто устраивала свидания с Амирбеком, который повстречался ей вовсе не случайно, она теперь понимала это сама. Иной раз искренне удивлялась: как могла до сих пор терпеть сложившееся у нее в семье положение? Но тут же и отгоняла эти мысли. Новая любовь опрокинула все запруды и запреты, пришла, словно наводнение. Еще более добро-

желательным стало ее отношение к мужу. Если у Пеилжана было неважное настроение и он хмурился, Орик тотчас спрашивала: “Тебе нездоровится?” Заметив в глазах жены эти огоньки искреннего участия, Пеилжан вначале был прямо-таки сражен: “Вот это превращение! Как расцвела, похорошела! Даже морщинки на лице разгладились, а походка чего стоит! Неужто и в самом деле влюбилась в Амирбека?” И сам же укорял себя: “Япырмай, стоит ли ревновать? Это нужно, прежде всего, мне самому, нужно для дела”. Но сегодня все шло не так. Орик металась по квартире, не находя себе места. “Или с Амирбеком у них разлад, или еще какая причина?” Стараясь разрядить гнетущую обстановку, Пеилжан осторожно спросил:

— У нас, кажется, завтра день рождения Жанночки?

— Да, завтра ей три года.

— Вот я и думаю,— продолжал Пеилжан, внимательно всматриваясь в ставшее почти чужим лицо жены,— надо бы отпраздновать... У меня, правда, в эти дни много работы.

— Конечно. Кого пригласим? — охотно отозвалась Орик.

— Смотри сама. Только не забудь позвать Амирбека с женой.

Орик встрепенулась:

— Разве он уже вернулся из командировки? Говорили, что уехал надолго.

“А-а, оказывается, она не знает, что несколько дней назад Амирбек возвратился. Но странно, почему же он медлит, не позвонит ей?” Так и не найдя ответа на свой вопрос, Пеилжан, как бы очнувшись от мыслей, равнодушным голосом произнес:

— Сам я не видел, но слышал, будто приехал дня три назад.

В действительности же Орик не стоило так тревожиться. Пеилжан напрасно испугался, будто Амирбек уходит из его ловких сетей. Оказалось, тот простудился в командировке и прихворнул. Что же касается его увлечения Орик, которое он вначале расценивал как баловство, то теперь оно перешло в нежное искреннее чувство. Амирбек с каждым днем открывал в этой женщине все новые достоинства.

...Гостей собралось немного. В этом доме не принято было приглашать тех, от кого мало проку. Амирбек, как почти всегда, явился один. Лишь вошел — Орик в какой-то миг переменилась: зазвенела веселым смехом, вся в радостном смущении. “Нет, у них все в порядке. Отношения прямо как у Ромео и Джульетты! — подумал Пеилжан. — Но что же тогда так угнетает Орик?” Узнав, что званый обед устроен в честь дня рождения Жаннат, Амирбек проговорил:

— Как же это так, друзья мои? Даже не сказали, в чем дело, — и я пришел без подарка! Так что, айналайын Жанночка, от души поздравляю тебя, расти большая. А подарок — за мной. — Он с удовольствием взял на руки и расцеловал в щечки пухленькую девочку, как две капли воды похожую на мать.

— Для Жаннат, для всей нашей семьи лучший подарок — ваш приход к нам! — угодливо произнес Пеилжан.

Амирбеку стало неловко от этих явно льстивых слов, он даже оглянулся — не слышит ли кто. И успокоился, увидев, что другие гости увлечены беседой, а на реплику хозяину ответил почти шепотом:

— За честь большое спасибо, но подарок Жанночке — на моей совести.

Пеилжан, чтобы занять гостей до прибытия остальных, вытащил из ящика стола карты, принялся ловко тасовать их.

— Давайте развлечемся немного, пока подойдут

еще два-три человека,—предложил он собравшимся, усаживаясь за столик в углу комнаты.

— С удовольствием,—первым отозвался Амирбек. К ним присоединились еще двое. Остальные, окружив игроков, стали с интересом наблюдать.

Пеилжан был опытным картежником. Однако с тех пор, как в дом зачастил Амирбек, хозяин все чаще проигрывал гостю. Амирбек же хотя и любил карты, но особым умением играть не отличался. И поскольку теперь все одерживал победы, то обычно хвастал: “Меня только и хватает что на Пеилжана”. Этот же посмеивался про себя: “Выигрывай, выигрывай пока. Скоро придет время моего выигрыша, покрупнее этого!”

Сегодня Пеилжана почему-то одолевала досада и проигрывать не хотелось. “Пора ему и честь знать!” Амирбек, заметив особую настойчивость хозяина, разволновался не на шутку. И Пеилжан не выдержал — взяло верх желание угодить. “Да ладно, не обеднею— пусть выигрывает”,— решил он и, как бы случайно, сделал неправильный ход.

В это время Орик пригласила всех к столу, и гости не заставили себя ждать.

Один тост сменялся другим: за Жаннат, родителей, за гостей... Пили, танцевали, затевали игры.

Довольные, расходились за полночь...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Желанным занятием Кунтуара оставалось все то же — работать над своими дневниками. Как с самым близким другом, делился он на их страницах мыслями, предположениями и сомнениями. Эти светлые часы приносили большое внутреннее удовлетворение, и не было тогда на свете человека счастливее. Все дела и заботы, волнения и тревоги отодвигались на задний план, забывались.

Прошло уже три года с тех пор, как нашлась рукопись. По многим соображениям в народнохозяйственный план были внесены ценные изменения и работы по сооружению Сырдарьинского моря продолжены. Это позволило продлить и археологические раскопки в Кайракты, хотя, увы, до сих пор они не принесли желанного результата. Зато Кунтуар преуспел в другом: он почти написал книгу о культуре и хозяйстве саков. Археолог планировал после выхода этого труда в свет защитить на его материале диссертацию. О саках ему уже было что сказать людям. Правда, что касается Казахстана, то памятники эпохи саков оказались здесь большой редкостью. Да и, честно говоря, не занимались в Казахстане изучением непосредственно столь ранней эпохи.

Кайрактинская экспедиция — первая ласточка в этом поиске, начало начал. И он, ученый Кунтуар Кудайбергенов, душа и зачинатель большого дела, возлагал на раскопки самые горячие надежды. Вот почему с нетерпением ждал результатов работы. Не завершив исследования, он не мог браться за окончательный вариант задуманного труда.

Но жизнь есть жизнь. И время мчится, как бурные

воды Сырдарьи... Удастся ли завершить начатое? И как это устроен человек?! Все, кажется, понял, только успел разобраться, что и где самое главное, а жизнь уже на исходе..

Хорошо, когда в большой, благородной работе рядом с тобой настоящий друг, который помогает и делом и советом. У Кунтуара сейчас такого очень верного друга не было. Добрую половину жизни он считал самым близким человеком Ергазы, но тот — вон каков!

Спустя полгода после их размолвки все же состоялся разговор с академиком Вергинским, который внес абсолютную ясность, успокоил Кунтуара:

— Что ты? Что ты?! Разве я нуждался в твоей характеристике на Ергазы?! Да я и без тебя отлично знаю, что это за человек. Но если он не остановился в своем ослеплении, если посмел оговорить нас обоих, это и вовсе не делает ему чести.

В тот же вечер Кунтуар решил позвонить на квартиру Ергазы. “Что скажет он теперь?” Но хозяйина дома не оказалось, трубку подняла Акгуль. Расспросив о житье-бытье, Кунтуар не стал тревожить ее своими переживаниями и неприятностями. Про себя же опять подумал: раз не дороги Ергазы ни честь, ни дружба, что ж?.. И снова заставил себя не думать о бывшем товарище. Возможно, так бы все и обошлось.

Но вот Ергазы вновь встал на его пути. Не сам, нет. Он противопоставил Кунтуару молодого, полного силы и рвения своего ученика Пеилжана. И Кунтуару, хочешь не хочешь, пришлось вновь задать себе все тот же вопрос: что за человек Ергазы? Конечно, куда правильнее было бы разрешить этот вопрос не сейчас, а тридцать с лишним лет назад. Но что поделаешь, честному человеку, ему и товарища хотелось считать таким же.

Тот, кто умом и сердцем может понять другого, кто умеет многое увидеть и осознать, по-настоящему счастлив. Щедрость души и разума делает человека богаче, возвышеннее и прекраснее. И конечно, жалок тот, кто создал в душе свой мирок, маленький, всего с собственный кулачок, и живет в нем, любит себя им. Собственная слава, корысть и карьера — вот боги, которым молится этот несчастный. Он не может смириться с тем, что талантом, и призванием природой награждает не каждого, что эти качества нельзя купить ни за какие сокровища. Изводиться черной завистью к таланту человека, организовывать мелкую травлю и ранить его душу сплетнями и наговорами — удел таких грешников.

Ергазы оказался именно таким человеком. Червь ревности и черной зависти стал точить его рано, еще с юных лет. Он завидовал другу во всем. Казалось, все удачи жизни — все для него, для общего любимца — Кунтуара. Взять хотя бы начало их работы. Еще тогда, в годы войны, когда оба вернулись с фронта и заняли равные должности, смелая, яркая мысль Кунтуара всегда возвышала его в глазах сослуживцев. Уделом Ергазы нередко было — оставаться в тени, никем не замеченным. Даже Акгуль, собственная жена, и то... Чуть что — один Кунтуар на устах. У него и ум, и доброе сердце... Ничего предосудительного вроде не замечал за ним Ергазы. Да ведь и ненависть к кому-то рождается не потому, что человек совершил дурной поступок. Чаще — это порождение своего же собственного самолюбия.

И Ергазы, как мы знаем, не стал ждать, когда его заметят. Теперь если уж он что-то говорил, то старался подчеркнуть во всеуслышание непререкаемость сказанного. Если покупал в магазине точно такой костюм, как и кто-то другой, то заявлял, что его костюм все-

таки лучше. Если его служебная машина была серого цвета, Ергазы выдавал этот цвет за самый модный...

Грустные думы обуревают сегодня Кунтуара, как ни гонит он их от себя. Картины прошлого сменяют одна другую. Он словно переживает все заново. Помнит, все отлично помнит. И как хлопотал за Ергазы перед своим начальством, когда тот, раненый, возвратился с фронта. Как удивился, посчитав мальчишеством выходку Ергазы, который в первый же день, придя на работу, потребовал уступить ему стол у окна, за которым раньше работал он, Кунтуар. И как этот же Ергазы краснел, сдавая отчет,— кто-кто, а Кунтуар-то видел его беспомощность в делах и болезненное самолюбие. Конечно, и тогда нельзя было не отметить мелочность и карьеризм в характере Ергазы. Но серьезно все это Кунтуар не воспринимал. Он уступил другу свой стол, пошутив при этом: “Что ж, садись на почетное место!”

Когда Ергазы сообразил, что “бронь”, из-за которой он сидел в этом учреждении, теперь, после войны, ему не нужна, то не мешкая перешел на другую работу. Да на какую! Возглавил крупный научно-исследовательский институт. Кунтуар тогда сказал: “Ты же способный человек! Почему не остаешься работать в науке или не идешь непосредственно на производство? Это же прямой путь к защите диссертации, о которой ты так мечтаешь?!” Ергазы ответил, не кривя душой: “Административная работа — тот конек, сидя на котором защитишь не только кандидатскую, но и докторскую!”

Как он тогда сказал, так и вышло. Ергазы стал доктором наук и профессором. Одного не учел он — звания еще недостаточно, чтобы быть настоящим ученым. Собственный карьеризм и обернулся для Ергазы домокловым мечом.... Когда его сняли с поста директора НИИ там, на юге, он появился в Алма-Ате. Здесь ему предложили руководить одной из лабо-

раторий. Но такая работа Ергазы не устраивала. Как же?! В бытность его директором все шли к нему, просили принять, перевести, устроить судьбу... И вдруг — стать вровень с теми, кто когда-то целиком зависел от него!

А главное — новая работа требовала поистине усилий каменотеса. И Ергазы снова пошел по начальству.хлопотал, стремился заручиться поддержкой влиятельных лиц. Вергинский, когда к нему обращались с просьбой дать Ергазы “достойный его пост”, протестовал: “Он же ни дня не работал на производстве!”

Но таков уж Ергазы — несмотря ни на что, добился своего. Теперь, как мы знаем, он — директор Кайрактинского филиала головного института. Конечно, далековато от центра и размах не тот... И все же он — первый руководитель. Ергазы был доволен собою: “Хорошо, очень хорошо. Директор — это не зав лабораторией! Снова поближе к влиятельным людям, снова зависимость подчиненных... Спасибо и на этом, в будущем — будет видно. Рыба ищет где глубже, человек — где лучше...”

Вот только многое, очень многое в его положении зависит от Вергинского. А он, Ергазы, теперь точно знает, что шеф неважного о нем мнения, не только как о специалисте, но и как о человеке... “С чего бы это?” — раздумывал новоявленный директор и твердо решил во что бы то ни стало изменить о себе мнение академика.

Он стал добиваться приема у Вергинского — и сам, и через посредников. Опять — посредники. Когда-то одним из таких просителей был Кунтуар. Убедившись, что Вергинский верен себе, Ергазы усомнился: уж не посредники ли здесь виноваты?! Да и этот Кунтуар... Не оговорил ли он его перед академиком? Заподозрив друга, Ергазы сам себя убедил: так оно и есть. Он опять

припомнил, сколько раз приходилось сталкиваться по работе и как всегда больше признавали и восхваляли Кунтуара, а его, Ергазы, будто и не замечали. Они вдвоем приходили на ученый совет или на собрание, выступали перед аудиторией по одному и тому же вопросу, но прислушивались собравшиеся только к Кунтуару, а слова Ергазы словно пропускали мимо ушей. Кунтуару — внимание и уважение, за ним всегда последнее слово. “Нет, пора всему этому положить конец!”

Знакомство с Пеилжаном потому и было для Ергазы настоящей находкой. Задетый за живое отказом Кунтуара консультировать его по диссертации и быть оппонентом на защите, тот как нельзя лучше понял Ергазы. Директор же филиала наметанным глазом определил, что Пеилжана надо придерживать возле себя.

А тут еще Акгуль. Мягкая по характеру, мудрая женщина сумела стать для черствого и самолюбивого Ергазы и другом, и опорой в житейских невзгодах, умела влиять на его настроение, на его убеждения. Приметив, что Пеилжан и Ергазы стали единомышленниками в своих злых кознях против Кунтуара, Акгуль насторожилась. У Ергазы же за долгую совместную жизнь выработалась привычка ничего не предпринимать, не посоветовавшись с нею. Выслушивал он ее мнение обычно молча, не высказываясь ни за, ни против. Но пойти против воли жены не решался.

Правда, полноты счастья между супругами не было: Акгуль не дала мужу радости, которая согревала бы его на склоне лет, — у них не было детей. Но ради спокойствия жены Ергазы баловал и делал вид, что любит, как родного, ее сына от первого брака — Армана. На самом же деле душа его вовсе не лежала к этому хулиганистому мальчишке.

Пеилжан, следя, как за барометром, за настроением своего шефа, прекрасно понимал смятение его чувств и пользовался этим. В тот самый момент, когда Ергазы был особенно недоволен всеми и вся, Пеилжан появился в его кабинете.

— Куда это вы скрылись, давненько не вижу вас, дорогой! — радостно приветствовал Пеилжана Ергазы.

— Всю неделю напряженно работал. Дело в том, что Даниель, сын Кунтуара, написал исторический роман. Издательство, зная, что я изучаю эту эпоху, прислало рукопись на рецензию мне. Вот целую неделю и читал эту писанину.

— Ну как, о чем она?

— Снова — саки...

— Тьфу, что за молодежь пошла! Не хватает современности, лезут в старину!

Оставили бы это увлечение на долю стариков, так нет... Что же там, в романе?

— Налицо влияние отца... Вещь получилась неплохая.

— Говоришь, неплохая? По-моему, не в наших это с вами интересах! Если вещь и отличная, все равно должна быть плохой! — вдруг вспыхнул Ергазы. — Что он, щенок, знает о саках, об этом древнейшем периоде истории?! Это может быть доступно только нам, крупнейшим исследователям! Вы слышите? Нам, нам! Это наша эпоха, мы владельцы ее тайны! Слышите? — И, уже чуть успокоившись, деловито спросил: — Стойте, а каковы издательские правила? Решает что-нибудь ваша рецензия?

— Решает она немало: если будет отрицательная, книга не увидит света. Моего имени, авторитета в этой области достаточно, чтобы преградить ей дорогу.

— В таком случае...

Ергазы задумался. Не может же быть приоритет

в решении проблемы, над которой он работает как ученый, быть признан за молодым писателем! Даниель — сын Кунтуара. Эти два человека очень близки духовно. Когда от Даниеля отвернулась Жаннат, Кунтуар тяжело переживал измену. Так что *любая* пуля, направленная в сына, непременно ранит и отца.

Ергазы посоветовал Пеилжану писать... отрицательную рецензию. Тем более что сакский период — все-таки еще белое пятно в исследовании истории Казахстана. Относительно изучены лишь памятники “звериного стиля”, а в общественном строе, жизненном укладе саков много спорного и просто неизвестного. Так что всякий невежда пусть не сует свой нос в эти сложные проблемы. “Пиши отрицательно! — почти приказал он. — Кто докажет, что ты не прав?”

Несправедливость и коварство, видимо, и рождаются с легкой руки таких вот пеилжанов и ергазы!

В издательстве сочли нужным ознакомить с отрицательной рецензией на роман и Кунтуара, как специалиста по проблеме и... близкого автору человека. Конечно, при этом была соблюдена тайна авторства, но Кунтуару без лишних слов стало ясно, чьих рук это дело. И вопрос: “Чего же ты добиваешься, Ергазы?” — в который раз встал перед ним.

В своей работе Кунтуар руководствовался золотым правилом — не спешить с выводами. Как бы ни была привлекательна внешняя позолота орнаментов памятников старины, он всегда стремился увидеть за этим нечто более значительное. Исследователь понимал, что археология такая наука, в которой одна деталь, единственный штрих может дать в руки ниточку от затерявшегося во времени запутанного клубка исторических событий. Надо только быть настойчивым, последовательным и скрупулезным. Он не торопился сказать слово в науке сам, не позволял торопиться и сыну.

Но молодость всегда нетерпелива. И Даниель спешил, чтобы роман увидел свет, как будто его содержание могло устареть.

Ознакомившись с рецензией и придя домой, Кунтуар снова от первой до последней странички внимательно перечитал труд сына. Два-три дня обдумывал что-то, наконец пригласил к себе Даниеля:

— Книга получилась у тебя хорошей. В ней не только история прошлого земли нашей, но многое добротню увязано с сегодняшним днем. Именно это и делает роман интересным для современного читателя. Так что, дорогой мой, прежде всего сам знай цену сотворенного тобою и не спеши переживать из-за этой так называемой закрытой рецензии. Рецензия-то “закрытая”, а вот автор ее выступает открыто. Во-первых, это явно человек, хорошо знающий эпоху саков. Во-вторых, он недружелюбно настроен не только к тебе, но, скорее всего, и ко мне. В-третьих, нас, специалистов по проблеме, раз-два и обчелся. Кто мои противники — тоже не секрет. Так что смекай. Однако разговор я затеял с тобою сейчас не об этом.

— О чем же? Я слушаю, говори! — подбодрил отца Даниель.

— Коли слушаешь, то советую тебе уяснить важную истину: ни один из великих людей никогда не делал открытий и не создавал творений в короткие сроки. Этому они посвящали долгие десятилетия, а то и всю свою жизнь. Вспомни хотя бы того же Исаака Ньютона. Знаменитые “Математические основы натуралистической философии” он вынашивал в своей мудрейшей голове двадцать лет. Чарльз Дарвин свой единственный труд писал всю жизнь. И тебе известно, конечно, что в результате — ученый совершил революцию во взглядах на природу! Но труд увидел свет только после смерти своего гениального творца. Вот в этой книге

написано,— Кунгуар поднялся и взял с полки огромного — во всю стену кабинета — стеллажа одну,— что Дарвин, выявив закон и создав классификацию эволюционного развития животного мира, боялся упомянуть об этом в маленьком очерке даже в нескольких словах. Контролировала и останавливала его сделать это одна и та же мысль: “Как бы не ошибиться!” Испытание временем самое суровое, но и единственно верное для всего истинно нового и ценного. Я — живой свидетель твоего нелегкого труда над романом. Знаю, сколько бессонных ночей и тяжелых сомнений пережил ты, помню, как ездил и в далекую экспедицию и изучал труды многих ученых. Однако, несмотря на все, не кто иной, как я, прошу тебя: поработай над рукописью еще. Проблемы ее требуют осторожного подхода, серьезных, глубоких раздумий, осмысления во времени, хотя твоей книге уже и сегодня нет цены!

— Коке,— взволнованно обратился Даниель к отцу, — ты, без сомнения, прав, тысячу раз прав во всем, что сказал. Но ведь нельзя забывать и о том, что любое творение больших художников порождено вдохновением! Бальзак, Джек Лондон, Тургенев писали быстро и вдохновенно. И произведения их, как известно, от этого не проиграли. Нет, создать книгу — это вовсе не то, что, скажем, построить дом: вот — фундамент, вот — окошечки, а вот это — крыша над головою...

— Безусловно, сын, все так. Романы, повести, поэмы, — все творения мастера-художника порождены его творческим порывом. Но прежде чем этот священный огонь вспыхнет в сердце писателя, он многие годы вынашивает свое детище в душе до полной зрелости. Время порождает своего читателя, современника автора. И возможно, твой читатель-современник давно уже ждет от тебя книгу под стать своим помыслам и делам. Помни, что читатель и писатель — два самых близких

сопереживателя тех событий, о которых повествуется в произведении. Читатель никогда не простит “своему” писателю ни единой фальшиво звучащей ноты. Поэтому если уж ты решился вынести свою книгу на суд народный, то хорошенько обдумай все. На то ты и писатель.

— Хорошо, хорошо, понял тебя.

— Я хотел еще уточнить — откуда ты взял события с участием Архара, Катергепа и Анрук? Помнишь то место в романе, где Кедерей обвиняет Архара... Ведь он именно в подстрекательстве Архара видит причину своих собственных предательских намерений. Хорошо помню эти строки. Правитель изгоняет Архара, и тот умирает от жажды в пустыне. Допустим, все это было в те времена. Архар получает по заслугам. Удел предателей и завистников всегда один. Думаю, правдивы и другие факты. Мы уже говорили с тобой, что эта линия в романе небезынтересна...

— Я работаю над художественным произведением. И это оправдывает определенный авторский вымысел, хотя роман и посвящен истории. Однако жизнь сегодня — главный материал для писателя. Да и сам ты мне, собственно, говоришь об этом постоянно. Вот я и ввел эту линию. Цель была одна, чтобы читатель, угадав в своем современнике хоть одну выписанную мной отрицательную черту, беспощадно осудил его.

— Да-а-а. И после этого ты хочешь, чтобы такой человек, как Пеилжан, не настроил на твою рукопись отрицательное заключение?!

— Кто же знал, что роман отдадут на рецензию именно ему?

— Ну, а если, предположим, ты бы знал? Неужели поступился бы ради этого правдой жизни?

— Не знаю.

— А теперь представь другое. Допустим, ты испу-

гался, что обыватель, против которого выступаешь в книге, узнает себя, навредит тебе, и — убрал резкие места. Тогда какая же будет разница между этим самым обывателем и тобою? Вот за то, что ты не испугаешься и выступишь смело, многие люди скажут тебе спасибо. Среди них я — первый.

Волнение отца передалось сыну. Даниель с благодарностью и любовью взглянул на Кунтуара:

— Эх, почему же не все люди рассуждают так правильно и глубоко?! Те же пейлжаны и арманы? Сколько бы горя и слез можно было предотвратить?

Кунтуар понял сына. Понял не только то, что тот высказал вслух, но и о чем умолчал, что оставил за душой.

— Я видел в прошлый раз в театре Армана с Жаннат. Ты прости, но так счастливые люди не выглядят...

Даниель ответил не сразу.

— Да, — произнес он наконец в раздумье. — Счастье — вещь особая. Перехватить его, продать, купить... разве можно?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вся забота Акгуль была о счастье единственного сына — Армана. Мальчик рано потерял отца. Слепленная любовью к малышу, мать прощала ему любые шалости. Годы шли, и вот уже из подростка сын превратился в юношу. Он успел понять, что мать питает неодолимую слабость к нему, и стал пользоваться этим. Словно в отместку за ее слепую любовь, сын вырос алкоголиком и картежником.

Эгоистичный и легкомысленный, он поступал обычно так, будто весь мир, все на свете люди рождены для исполнения его желаний.

Как нередко бывает, мать последней поняла, нас-

колько трагично все, что случилось с сыном. “Видимо, судьба покарала меня, — сокрушалась женщина, — за то, что забыла молитву предков: “О аллах! Дай мне дитя да надели его рассудком и трудолюбием!” Акгуль готова была отречься от всего земного, лишь бы жизнь смилоствилась и послала ее сыну здоровье и благополучие.

Но нельзя сказать, что судьба до конца была безжалостна к Акгуль. В утешение за терпение и материнскую любовь она дала ей прекрасную сноху. И с тех пор, как в дом вошла Жаннат, мать мечтала о том, что невестка многое повернет в жизни сына к лучшему. И утешала себя: “У хорошей жены и муж всегда хорош”. Эта вера укрепилась окончательно, когда в семье появились два ясноглазых внука. Словно черный камень свалился с плеч Акгуль.

...Приближался день рождения хозяина дома — Ергавы. Акгуль готовилась к юбилею мужа давно. Хлопот полно, каждый день дорог. Но в сегодняшний, видно, многого не удастся сделать. Акгуль нездоровится.

День выдался серый и промозглый. Конец ноября, а земля голая, какая-то неуютная. К ноябрьским праздникам выпал было снежок, но уже через два дня растаял. Город укрыли тяжелые, грозные тучи. И зарядили дожди.

В последнее время Акгуль дважды побывала в больнице: сердце сдает заметно. Ей и сегодня трудно дышать. Она думает о предстоящем праздновании, о сыне, о невестке...

Жаннат только что выкупала малышей и одевает их в своей комнате. Вдруг раздался звонок в передней. Акгуль не стала тревожить сноху, сама подошла к двери. На пороге стояла незнакомая худощавая, скромно одетая женщина.

— Простите, здесь проживает профессор Ергазы Аюпов? — спросила она.

Акгуль стояла, прижав руки к груди.

— Здесь, проходите.

— Не супруга ли вы его будете? — женщина говорила, словно извиняясь. — Если разрешите, мне поговорить с вами надо.

— О чем же? — заволновалась вдруг Акгуль. — Пройдите, чего же стоять у порога. Это плохая примета.

Женщина медленно вошла вслед за Акгуль в переднюю, присела на диван.

— У вас... болит сердце? — спросила незнакомка. Акгуль утвердительно кивнула головой и тяжело вздохнула:

— В такую погоду у каждого что-нибудь болит... Что же вас привело в наш дом?

Женщина смутилась, подыскивая слова, чтобы начать разговор. Потом решила:

— Я мать, и пришла к вам как к матери. Очень прошу выслушать. Только простите заранее...

— О чем вы? Говорите же толком!

— Сейчас... Все по порядку... Поймите меня правильно. Я вдова, мужа убили на фронте, когда мне было двадцать лет. Замуж больше не выходила. Все силы, всю жизнь отдала единственному сыну — Жагыпару, — женщина говорила, не обращая внимания на слезы, которые градом катились по ее лицу. — Мальчику был годик, когда убили отца... Трудно приходилось. Образования нет, специальность до войны приобрести тоже не успела. Пока были силы, работала на заводе, потом пошла техничкой в школу. Сын закончил десятилетку, получил аттестат и уехал в Алма-Ату учиться. Прошло пять лет. Жагыпар вернулся в родной аул учителем. Привез и красавицу жену. Биби зовут. Но красота-то ее

только внешняя. Видно, от излишнего достатку родители разбаловали свое единственное чадо. Я сразу поняла — вряд ли Биби будет почитать за мужа моего сына. И как в воду глядела! Переехали сюда, в Кайракты. Сноха устроилась на работу во Дворец культуры. С тех пор Жагыпар мой стал на глазах худеть, словно на него чахотка напала. Вы же знаете, мать если и не видит глазами, то чувствует сердцем... Я поняла, что у сына на душе какое-то горе. Да и отношения со снохой не те, что в первое время. Спрашиваю, что случилось, — отмахивается: “Ладно, мама!..” Сам все вздыхает, молчит. А потом выяснилось — сноха-то наша... с вашим сыном, с Арманом...

Акгуль, собрав все свои силы, вскрикнула:

— Не может быть! Вы ошиблись!

— Я молила бога, чтобы было не так. И все-таки это правда... Сегодня сноха сама заявила: “Я за твоего сына вышла случайно. Слава богу, поняла вовремя. Завтра уйду к Арману”...

— Боже... Что вы такое говорите... У Армана семья — жена, два сына.

— Молодежь нынче не та... Многие и знать не хотят ни любви, ни уважения. — Женщина заплакала: — Не хотела приходить к вам, но вот, не сдержалась. Жагыпар мой любит эту непутевую. Страшно смотреть, как мается. Живу в страхе: уйдет она — как бы чего не сделал над собой. Потом подумала — вы ведь тоже мать. Вам ведь тоже не хочется горя своему сыну!

— Япырмай, хотя бы не слышала Жаннат... — почти прошептала Акгуль и без сил опустилась на диван.

Видя это, незнакомая женщина в ужасе склонилась над ней:

— Милая, милая, не надо! Я же не хотела...

В комнату вошла Жаннат, ведя за руки Сакена и

Даулета. Чистые, розовощекие после купания ребяташки недоуменно смотрели вокруг. Жаннат стремглав бросилась к свекрови, беспомощно уткнувшись лицом в подушку дивана.

— Что случилось? Что с вами? — спрашивала она в тревоге.

Рядом, с лицом бледным, почти безжизненным, сидела незнакомая женщина и молчала.

Жаннат знала о больном сердце свекрови. Поняв, что это очередной приступ, она бросилась вызывать “скорую”. Потом подала ей какие-то сердечные капли. Не зная, что еще предпринять, снова подбежала к телефону, сообщила кому-то о несчастье.

Вошли соседи, которых успел позвать старший из мальчиков — Даулет. Они тоже растерялись и только всплескивали руками, все время повторяя: “Что же делать, что же делать, япырмай!”

Когда прибыла карета скорой помощи, пульс у Акгуль прощупывался совсем слабо. Молоденькая врач сделала нужный укол. Помощь пришлось оказать и незнакомой женщине. Больше того, ее, как и Акгуль, нельзя было оставить дома, и врач распорядилась, чтобы внесли двое носилок.

Акгуль очнулась в больнице. Скоро узнала, что незнакомой женщине становится все хуже. Ей не помогали никакие старания врачей и сестер, никакие лекарства...

Акгуль дня через три стало чуть легче, и ей разрешили свидания с родными. Пришли Ергазы и Жаннат. Врач попросила их не утомлять и не волновать больную излишними разговорами. Но Ергазы не удержался и как бы в шутку заявил:

— Как это тебя угораздило слечь перед самым моим юбилеем?

— Ничего, я поднимусь!

— Смотри поторапливайся, а то и без тебя справим той. Потом не пеняй, если останешься на бобах.

Жаннат даже удивилась. Она вроде бы не замечала раньше подобной резкости Ергазы по отношению к жене. А сегодня... Что это с ним? Будто нарочно пытаются досадить. И слова-то нашел какие...

Акгуль снова попыталась смягчить обстановку, произнесла с печальной улыбкой:

— Пусть будет по-твоему! Сделаю тебе подарок — выздоровею ко дню рождения!

Жаннат не обрадовали эти слова. Грустная, она сидела возле больной и вдруг предложила:

— Может, лучше на время отложить той? Поправитесь, тогда и...

Но Ергазы перебил ее и, обращаясь к Акгуль, твердо произнес:

— За банкет в ресторане уплачено полностью. И гости приглашены.

Акгуль быстро подстроилась под мужа:

— Конечно, конечно, откладывать не стоит. Да и я, слава богу, почти здорова. К торжествам обязательно выйду.

— Зачем вы так рискуете? — обратилась к ней Жаннат.— Ясно, что рано вам еще выходить из больницы. Вы и в прошлый раз недолечились, поспешили домой. Вот это и обернулось новым приступом. С сердцем шутки плохи...— Жаннат помолчала, потом, желая перевести разговор в другое русло, спросила: — Да как же это все случилось-то? Расстроились вы, что ли? И кто та чужая женщина?

Акгуль пощадила Жаннат и сказала в ответ:

— Мы с этой женщиной росли вместе. Много лет не виделись. Вот и сидели, вспоминали свое детство, родных. Много причин было для того, чтобы расстроиться...

— Я и говорю, что вам нельзя волноваться. А вы еще торопитесь домой,— произнесла Жаннат, поправляя выбившуюся из-под платка прядь волос.

Она пожелала свекрови скорого выздоровления, сказала, что завтра придет к ней с Арманом, и вышла вместе с Ергазы из палаты. Акуль вообще расстроилась. “Золото, не человек! Неужто беда отнимет у меня такую сноху?” Она тихо плакала, и это приносило облегчение. “Не может, не может быть, чтобы Арман способен был на такое... Завтра же, как только придет ко мне, все выведаю у него сама. Пора поговорить с ним серьезно...” И, несколько успокоившись, стала ждать прихода сына.

Акуль считала, что сообщила невестке святую неправду о своей напарнице по несчастью. Но слова эти пришились к месту. Ее новая знакомая и в самом деле стала выздоравливать. Этому в немалой степени помог собственный сын. Жагыпар, как только узнал, что мать увезли в больницу, многое передумал и пережил, и потом круглые сутки не отходил от постели больной. Когда же мать пришла в сознание, то первым ее вопросом было: “Как, сынок, у тебя дела?”

Честно говоря, с Биби у Жагыпара был полный разлад. Но он, улыбнувшись, произнес:

— Все хорошо, мама. Тебя, конечно, беспокоит Биби? Она все по дому хлопочет, собирается прийти к тебе. Мать посмотрела на сына изучающим взглядом:

— Тогда чего же ты такой грустный?

— До веселья ли мне, если ты так больна? А с Биби мы во всем разобрались. Это она обиделась на меня — вот и намолочила вздор. Чуть поправишься — она придет и попросит у тебя прощения...

В потухших было глазах матери блеснула искорка надежды.

— Ну, дай-то бог! Будьте счастливы оба...

Мать верила сыну, знала — он с детства не лгал ей.

Положение же Акгуль было все еще незавидным. Как и обещала, Жаннат на следующий день пришла к матери вместе с Арманом. Тот попросил в конце свидания: “Ты иди, Жаннат, дети ждут, а я еще побуду здесь”.

— Мама, — сказал Арман, как только они остались вдвоем, — разреши мне сказать тебе одну вещь.

— Говори, если не тебя, то кого же мне слушать?

— Ты не сердись на меня за то, что услышишь. Я не могу больше с Жаннат... решил бросить.

— Бросить? Как это “бросить”? Она что, вещь, что ли, для тебя?

— Прошу, не сердись. Я нашел свое счастье.

— Опять “нашел”, да еще и счастье! Ты что же, все время был несчастен?

— Да, был несчастным, только и сам не знал этого. А теперь — счастлив. Я встретил женщину... ее зовут Биби. Мы любим друг друга.

— Что ты говоришь, дорогой мой? Опомнись! Куда же ты денешь тех двоих, которые слаще, чем мед, дороже, чем зрачок глаз наших?! Неужто ты способен на такое злодейство и сумеешь бросить Сакена и Даулета?!

— Ну, если они вам так дороги, я оставлю их вам...

Акгуль задохнулась от негодования. Она не могла больше вымолвить ни слова и лишь тихо застонала.

Вбежала дежурная сестра и выпроводила Армана.

Назавтра пришла Жаннат. Не подозревая о беде, нависшей над ее головой, невестка долго рассказывала о приготовлениях к тою. Свекровь, слушая, так и не смогла сообщить ей горькую весть. На прощание промолвила: “Вижу, праздник удался. Вся надежда на тебя, дорогая”. А сама опять заволновалась: “Что же станет с ними, моими бедными детьми и внуками? Хоть

бы одумался Арман! Может, эта Биби найдет в себе хоть искру человеческой жалости и не станет отнимать отца у детей...”

Жаннат ушла, а Акгуль как лежала не шелохнувшись, так и осталась в той же позе.

Арман больше не приходил. Зато часто у постели матери была Жаннат с детьми. Разговаривали об одном и том же: как лучше отпраздновать юбилей Ергазы. Но Акгуль торопилась теперь выйти из больницы уже не ради этого праздника, а чтобы воспрепятствовать несчастью, которое грозило семье. “Отвести беду, отвести беду!” — эта мысль не оставляла ее ни на минуту.

Слов нет, похвала подбадривает человека. Она — хорошая поддержка в работе каждого. Поддержка нужна и всякому таланту. Хотя бывает, что стимулом для вдохновения иному человеку служит его честолюбие. Именно честолюбие, желание славы, почета, желание быть первым среди первых любой ценой — владело сейчас Ергазы. Он не без дальнего прицела решил во что бы то ни стало с шиком отпраздновать свой юбилей. И ничто не могло отвлечь его от этой затеи, даже тяжелая болезнь жены, многие годы преданно делившей с ним и радость и горе. В предвкушении ожидаемых тостов, он представлял, как люди после тоя будут говорить: “Смотрите, Ергазы-то уже шестьдесят, а каким молодцом выглядит!” Наконец, наступил день праздника. Чествование проходило во Дворце культуры. На плечи юбиляра накидывались один за другим дорогие, с оторочкой и галунами, халаты. Дарились магнитофоны, транзисторы, приемники. В приветственных речах можно было слышать лестные обращения к Ергазы, вроде: “энциклопедия знаний” или “тулпар науки”. Подчеркивалось: “столько-то людей вывел в науку”, “столько-то человек под его руководством защитил кандидатские диссертации”. Были использованы

все похвальные эпитеты и метафоры. Все добродетели юбиляра, величиною с булавочную головку, раздувались непомерно. Два старинных друга, которых Ергазы когда-то выгнал с работы, расчувствовавшись, обнимали и целовали его.

Юбиляр отдавал себе отчет, что все слова — пустые. Но мало-помалу они делали свое дело. В какой-то момент Ергазы подумал: “А почему, собственно, пустые?” Он вдруг почувствовал, как вырос в своих глазах. Выпрямился и оглядел собравшихся, словно хотел сказать: “Вот я каков!”

После каждого очередного приветствия в его адрес Ергазы приподнимался и почтительно кланялся кому-то в зале. Оказывается, этим он давал понять: “Ваша очередь говорить”.

Праздничный банкет проходил на следующий день в ресторане. И хвала в адрес именинника, произносимая накануне, померкла по сравнению с той, какая слышалась здесь.

Длинные столы, накрытые белоснежными накрахмаленными скатертями, ломились от яств. Чего здесь только не было! И казахские блюда — казы, карта, чужак, копченая печень. И румяный алма-атинский апорт вперемешку с янтарными лимонками, и лимоны-апельсины, и бананы-ананасы! А напитки — на вкус каждого!

Гостей встречала Жаннат с подругами. Два-три дружка Армана принимали подарки для Ергазы. Сам именинник восседал в удобном кресле. На нем ослепительной белизны рубашка, новый костюм...

Даже здесь, на собственных именинах, пришедших поздравить его он оглядывает своим критическим, оценивающим взглядом. “Япырмай, как этот остроносый Сарсен похож на сову, хоть отправляй его ловить ночью мышей. А кто же этот, тонкий, длинный? Старею, видно,

коли не признал своего давнего друга Сикымбая. Да поди узнай — таким щеголем приоделся. Тьфу, как это я раньше не видел, что нос у него точь-в-точь лисий. Пристроить пару острых ушей по бокам лысины, пожалуй, спутаешь со степным корсаком! А это, интересно, кто же вытянулся, как цапля на одной ноге!..”

В это время в зал вошел Кунтуар. Его черные когда-то, как смоль, вьющиеся волосы теперь покрылись сединой, а вообще такой же, как прежде: прямой и статный, словно не берет его время. Посверкивает стеклами очков в золотой оправе. Жаннат смущенно отвела взор от Кунтуара, не выдержала его прямого взгляда. Навстречу археологу вышли подруги Жаннат, взяли его под руки, провели вперед. Ергазы переменял тактику: не ждал, как всех других, когда подойдут и поздороваются, а сам поспешил навстречу гостю.

— Извини, что опоздал на торжественную часть,— говорил Кунтуар после того, как по-дружески обнял и поздоровался с Ергазы. В этот знаменательный день он отбросил все свои сомнения и обиды.— На шесть часов задержали самолет в Алма-Ате из-за нелетной погоды.

— Ничего, главное, что ты все-таки приехал! — радостно отвечал Ергазы.— Уж я боялся, что не явишься вовсе...

— Что ты, что ты! Как же пропустить такой дастархан! — шутил, как обычно в таких случаях, Кунтуар. И своей мягкой улыбкой приветствовал молодежь, успевшую окружить его.— На юбилеях я предпочитаю посещать не первую, а вторую часть.

Шутка старого археолога была поддержана дружным звонким смехом. Казалось, с приходом этого доброго и веселого, меткого на слово, острого на ум человека все вокруг посветлело, будто в зале зажглись дополнительные огни. И Ергазы вдруг сник, загрустил.

“Везет этому Кунтуару! Только явился, все внимание ему. Молодые из кожи лезут, готовы в рот заглядывать, на лету ловят каждое его слово. И чем он их околдовывает?”

С появлением Кунтуара все, как по команде, стали усаживаться за столы. Жаннат, чтобы не встретиться даже взглядом с отцом Даниеля, пробралась в дальний конец зала и села там. Напротив Кунтуара оказался Арман.

Председатель юбилейной комиссии, один из самых почетных гостей — Сыздык, ведущий вчерашнего торжественного вечера, не мешкая взял слово и сегодня.

— Дорогие друзья! — начал он, непринужденно поправляя одной рукой галстук. — Мы собрались сегодня здесь, чтобы продолжить торжество в честь нашего дорогого друга, одного из известнейших ученых земли казахской, нашего уважаемого Ергазы. Велики заслуги его перед Родиной... — И Сыздык повторил все, что говорилось вчера. Закончил он речь здравицей в честь своего директора: -Успехов тебе, дорогой Ергазы, много лет жизни! — Оратор лихо опрокинул рюмку коньяка.

В подобном же тоне произнесли еще несколько тостов. Последним слово было предоставлено Кунтуару.

— В каждом возрасте у человека есть свои радости, — сказал он спокойным, но довольно громким голосом. — Перед натиском и дерзостью молодости жизнь щедро открывает свои тайны. Молодого человека зовет к подвигу мечта сказать миру еще никем не сказанное. В зрелые годы человек горд от сознания того, что позади жизнь, посвященная честному труду и борьбе за светлое завтра родного народа. И это — основная цена прожитого. Но есть и еще одна мера — чистые, не запятнанные ни предательством, ни обманом честь и совесть человека. Это ли не гордость

для него?! — Кунтуар был верен народной мудрости: хочешь помочь другу в беде — подскажи ему, как бы ты поступил в данном случае сам.—Дорогой мой старинный друг Ергазы! Именно этим ты и можешь гордиться сегодня перед нами, своими сверстниками, перед всеми, кто собрался здесь чествовать тебя. Поэтому-то я и прилетел сюда, не посчитавшись ни с занятостью, ни с расстоянием. От души желаю тебе счастья и долгих лет жизни! Предлагаю поднять тост за здоровье Ергазы!..

Потупясь в пол, именинник сокрушенно думал: “Бог ты мой! Неужели Кунтуар не знает о моем действительном отношении к нему? Или разыгрывает из себя великодушного человека? А может?.. Это точно! Именно сейчас, здесь, он решил пристыдить меня таким образом и унижить”.

А Кунтуар между тем, без тени сомнения и, как говорится, не тая камня за пазухой, продолжал говорить: — Надо признать, однако, и слабость стариков перед молодыми. Пока человек молод — и дети его малы. Лишь подрастут, самое бы время жить да жить родителям, а тут старость! Наши сыновья и дочери часто идут не за нами, а выбирают собственные дороги. И, как правило, предпочитают в жизни неторные пути. Радость детей становится твоей радостью, горе детей — твоим горем. И нет в старости счастливее человека, который дал своему сыну-птенцу крепкие крылья, светлый разум и горячее сердце! Слава аллаху, и здесь, дорогой мой друг Ергазы, ты можешь гордиться. Поэтому тост я поднимаю и за твою семью, за верную твою супругу, подругу долгой жизни! К сожалению, мне сказали, она тяжело больна и не может разделить нашу всеобщую радость... Предлагаю также тост за твоего сына, который оберегает и лелеет твою старость! И за здоровье твоей снохи... — Кунтуар осекся. Он искал

глазами Жаннат. Наконец, нашел. Все, кто знал историю любви Жаннат и Даниеля, насторожились: “Что-то сейчас будет!..” Однако Кунтуар смотрел на Жаннат с теплотой и доброжелательностью. — За твое здоровье, Жаннат,— тихо произнес он и выпил.

В это самое время у входа послышался шум. В зал буквально прорвалась какая-то пестрая компания, которую никак не хотели пропускать дежурившие у двери.

Компания явно держала направление к праздничным столам. Впереди смело шагала девица в огненно-рыжем парике. Довольно стройную фигуру ее плотно облегал красный жилет. Длинную шею, женственность плеч и рук подчеркивал свитер. В ушах — золотые серьги. Жаннат без труда узнала Биби, которую видела раньше.

За спиною Биби, уже не так решительно, приближалась к столу ее подруга. Эта выглядела более скромно. Вместе с ними вошло еще несколько женщин. Арман вскочил, подбежал, расшаркался, приглашая компанию к столу. У Жаннат защемило сердце. Она почувствовала свою незащищенность и... неминуемую беду — так жаворонок по малейшему дуновению ветерка в ясном небе чувствует приближение бури. “Нет, нет! — пыталась успокоить себя Жаннат. — Не может быть!”

Еще до этого Жаннат заметила, что Арман сидел то и дело поглядывая на входные двери. “Что это с ним, кого он ждет?” — терялась она в догадках. Теперь все ясно. Однако Жаннат всем видом старалась показать окружающим, что ничего особенного не произошло. Так сказать, усыпляла бдительность присутствующих. Сама же еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

Банкет прогремел обилием блюд, тостов, комплиментов, все было по душе, и большинство, расходясь, считало: “Той удался на славу”. Лишь несчастная Жан-

нат вернулась домой, убитая горем: Арман ушел провожать Биби.

Она лежала с открытыми глазами, сон не приходил. В какой-то момент не выдержала, заплакала. Уткнувшись в подушку, тихо всхлипывала, боясь разбудить детей... На рассвете услышала шаги Армана. Он вошел, открыв двери своим ключом, и молча улегся на диван в зале. Так повелось у них давно. Если муж возвращался вот так же, на рассвете, Жаннат считала: “Заигрался в карты с друзьями...” Никакие другие мысли ей и в голову не приходили. Да и не до размышлений было. Чуть подняла из пеленок первенца — родился второй. Каждый день — заботы, заботы о детях. Лишь иногда, почти с испугом, Жаннат спрашивала себя: “Неужели моя любовь к Арману целиком перешла к сыновьям?” В последнее время, в хлопотах по дому, о больной Акгуль, о банкете свекра, Жаннат вроде и вовсе забыла, что у нее есть муж. У нее ни разу не возникало желание упрекнуть его в том, что он возвращается домой поздно. Тогда почему же сегодня все взбунтовалось в ней? Ревность. Да. Жаннат поняла, что любит мужа, как в первый день встречи...

Утром позвонила свекровь. Расспрашивала, как прошел юбилей. Жаннат, насколько могла, отвечала бодрым, ровным голосом. Но про себя молила: “Хотя бы она ничего не узнала! Иначе ей, бедняге, не оправиться от болезни”. Однако сердце матери чутко к горю детей. Несмотря на все старания Жаннат, Акгуль поняла, что невестка чем-то опечалена. И этого было достаточно, чтобы бедная женщина убедилась: “Лежать в больнице больше нельзя. Надо домой! Обязательно!” Она сумела уговорить врачей, и ее отпустили из больницы “повидаться с внучатами”.

А дома в это самое время сын ее говорил, обращаясь к жене:

— Я должен сообщить тебе... И прошу, не расстраивайся, когда узнаешь все. Дело в том... что я уйду. Навсегда...

Болью отозвались слова мужа в сердце Жаннат. Но у нее хватило сил совладать с собою, она спокойно ответила:

— Я вижу.

— Комнату, обстановку оставляю тебе. Жаннат скорбно усмехнулась:

— Сыновей тоже милостиво оставляешь мне или забираешь с собой? — И отвернулась, чтобы Арман не мог увидеть на ее глазах слезы.

Зазвонил телефон. Звонок был настойчив. Жаннат медленно подняла трубку.

Акгуль взволнованным голосом сообщила, что соскучилась по внукам, и просила Жаннат приехать за нею. Затем, как бы спохватившись, поинтересовалась:

— А где Арман?

— Здесь, стоит с чемоданом в руках, собрался уходить.

— Куда?

— Узнайте об этом от него самого, — сквозь слезы вымолвила Жаннат.

Акгуль поняла, что случилось непоправимое.

— Позови к телефону Армана.

Когда сын взял трубку, мать почти приказала:

— До моего возвращения не уходи!

— Хорошо, — ответил Арман, — подожду. Говорил, будто делал матери одолжение. Не прошло и двадцати минут, как на пороге стояла Акгуль.

— Сынок, — заговорила она, еле переводя дыхание, — если считаешь меня своей матерью, выполни мою волю — не заставляй плакать детей и жену.

— Нет, мама. Я не в силах подчиниться твоей воле.

Из-за меня Биби развелась с мужем. Теперь моя очередь жертвовать...

— Смилуйся, опомнись! Если ты так говоришь мне, своей матери, я вовек не прощу себе, что родила тебя такого и вскормила. Хоть ты мой единственный в жизни, я проклинаяю тебя! — И Акуль медленно стала оседать, затем упала навзничь, потеряв сознание.

Больше в себя она не приходила. Как ни старались врачи, помочь уже не смогли — сильного нервного потрясения не выдержало сердце.

А теперь — плачь, Арман, причитай, Жаннат, скорби, Ергазы! Ничего нельзя ни поправить, ни вернуть. Смерть бездушна, и приходит всегда не вовремя, хоть живи сто лет. Если бы у смерти была душа, она устыдилась бы тех проклятий, которые шлет ей человечество. Но сколько бы ни прожил человек, после него всегда останутся несбывшиеся его мечты... Поэтому в памяти народной жизнь каждого оценивается не прожитыми годами, а делами, свершенными им.

Арман только теперь понял, что мать всю свою жизнь до последнего вздоха отдала ему. Раньше он даже в мыслях не мог себе представить, что все случится вот так... Если бы только можно было предположить, если бы только знать!

Нет для человека кары тяжелее, чем сознание собственного преступления. Нет суда страшнее суда собственной совести. От нее никуда не уйти и не скрыться.

Жаннат тоже тяжело переживала смерть любимой свекрови. Только Ергазы внешне был сдержан, хотя смотреть на него было страшно. Слезы как навернулись на глаза, так будто и застыли в них. Он весь окаменел. Эти плачущие внуки, охвативший их оцепеневшими руками Арман, люди в трауре... Все чуждо. Это другой, не его мир. И он здесь сторонний наблюдатель чужих страданий...

Прощальную речь говорил младший деверь Акгуль по первому мужу, срочно прилетевший на похороны из дальнего района. Он, Жакьп, вырос на руках Акгуль и любил ее, как сын. Рыдания сдавливали его горло, слезы застилали глаз...

— Женге, ты заменила мне родную мать, вынянчила, вырастила... Я не смог услышать слов напутствия, посидеть около тебя, тяжелобольной... И об этом буду скорбеть до самой своей смерти. Прощай!

Слово дали Кунтуару.

— Дорогие... родственники,—медленно начал он,—если среди птиц бывают такие, как лебеди, среди животных — белые маралы, то Акгуль была украшением мира среди женщин. Но смерть не знает жалости! Акгуль не вернуть. И нам надо мужаться в нашем общем горе. Дорогой Ергазы! Как бы ни крепился ты, мы все понимаем, сколь велика твоя печаль, и разделяем ее. Будь своим детям надежной опорой. Сумей, как умела это делать Акгуль, вовремя поддерживать их, обрадовать и успокоить. Пусть память об Акгуль венчает не только серый гранит, но и навсегда поселится в твоём сердце...

Тем временем в доме Ергазы накрыли поминальный стол. Как ни глубоко было горе Жаннат, но, вернувшись с кладбища, она вынуждена была сдерживать слезы и принимать людей. И вдруг в этот момент... увидела входивших в дом тех самых женщин, которые незваными явились на юбилей. Они приближались к Арману, всем видом подчеркивая, что пришли выразить свое соболезнование. Все в трауре. Впереди снова Биби.

Жаннат чуть помедлила, затем решительно шагнула навстречу прибывшим.

— Вон отсюда! — гневно крикнула она.—Вон!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда Кунтуар впервые пришел на работу в научно-исследовательский институт, он был удивлен слабой оснащенностью научной базы. Впрочем, в то время, перед началом Отечественной войны, многие институты не имели даже лабораторий. Да и самих этих институтов было раз-два и обчелся...

Кунтуар помнит, сколько настоящих патриотов, истинных талантов пришло тогда в науку. Эти люди не боялись ни житейских невзгод, ни напряженной работы. Сейчас в исследовательских учреждениях многое изменилось. Окрепла материальная база. Целые коллективы работают над важнейшими темами для развития народного хозяйства. Такой метод организации исследований, разумеется, не может помешать индивидуальному поиску. Ведь иной раз ученого ведет к открытию интуиция. Или может случиться, сегодняшнее открытие — всего лишь начало серии других, перекидной мостик к более серьезным результатам.

Но... бывает в науке и так, что исследователь на решение проблемы потратил всю свою жизнь, а желанной цели так и не достиг. Тот, кто идет в науку, должен быть готов и на такую жертву.

Известно, цель науки — выявить общие законы развития общества и природы. Такие законы — основа для будущих открытий. Это, конечно, не значит, что не стоит работать над проблемами, необходимыми народному хозяйству, экономике страны сегодня, сейчас. Однако не все новое сегодня — живет. Часто открытия успешные становятся старыми уже завтра. И слава, легко пришедшая к тебе, скоро гаснет вместе с устаревшим твоим открытием.

Разумеется, величайшие достижения невозможны ежедневно. Закономерно и то, что даже самая прогрес-

сивная, передовая эпоха может дать десятки тысяч академиков и профессоров, но... ни одного Галуа, Лобачевского или Чокана. Науке в первую очередь нужен талант. Настоящий. Не просто знания. Их-то можно приобрести, а вот талантливым — надо родиться.

Любая наука — что воды быстрой реки. Борясь с волнами ее, противоположного берега достигает не каждый. Иные, войдя в реку, начинают плыть по течению.

Случается такое и в археологии — древнейшей из наук. Ведь еще пять тысяч лет назад, зарывая своего усопшего первого фараона в золотой гробнице под сводами первой пирамиды, люди умели уже тогда и отрыть эту гробницу. Археология зародилась и живет с тех самых пор. Мало того, не изменились даже способы и средства работы археолога: цель и планы рождаются в голове ученого, а потом в ход идут кайло и лопата. Правда, при раскопках больших курганов в последнее время прибегают к помощи бульдозеров, экскаваторов, но археологи с большой осторожностью доверяют технике, с опасением наблюдают за каждым движением машины, боясь, как бы не были повреждены ценные находки.

И вот этими незатейливыми кайлом и лопатой отрыто множество захоронений, городищ. Сколько узнал мир древних эпох и цивилизаций! Плюс к этому — письмена Древнего Египта, народов майя, ацтеков, шумеров. Археологи поведали людям о тайнах великой культуры эллинов, жейхунов, кошанов...

Кунтуар Кудайбергенов принадлежал к отряду истинных ученых, энтузиастов, людей, которые ради дела, ради науки готовы были принести в жертву и здоровье и жизнь... Сейчас ему шестьдесят. Чудак человек! Другой бы на его месте забеспокоился: дескать, что же вы, родственнички, ровесники, сослуживцы? Надо бы мне воздать должное! Другой бы взял, как Ергазы,

организовал заранее пышное празднество, а с ним — и восхваление собственной персоны.

Кунтуар поступит по-другому. Он просто пригласит старых друзей к себе домой на чашку чая. Долго просидят они — с вечера до поздней ночи. Вспомнят молодость, споют любимые песни, которые пели когда-то.

Шестьдесят!.. Кунтуар взгрустнул. Чего только не случилось за эти годы, чего только он не пережил! Были и радости, было и горе. Самое досадное, что, избрав археологию, он надеялся достичь многого... Археология казалась ему живой и понятной. Ах, неискушенная молодость!

И все-таки он подвел черту своим исследованиям, опубликовал о них не одну книгу. И вчера отнес все в ученый совет, оформив кандидатской диссертацией.

Сожалеет же больше всего о том, что Кайрактинская экспедиция, на которую были затрачены его лучшие годы, пока не принесла желанных результатов. И опять горькие размышления все о том же: “Не может быть... Не может быть, чтобы на территории Казахстана в эпоху бронзы и раньше никто не проживал. Допустим, что это так. Допустим, что на землях нынешних казахов со времен их возникновения родоначальниками первой культуры были саки и кемирии. Но откуда взялись они, откуда к ним пришла их высокая культура? Ведь это кочевники. Могли ли они, занятые постоянными переездами с места на место, создать памятники бронзы и железа в “зверином стиле”? Нет у него ответа на этот вопрос.

Правда, кое-какие находки проливают свет на прошлое земли казахов. Так, на берегу Ишима была найдена кость хазарского мамонта. В прошлом году уже здесь, в Кайрактинской экспедиции, обнаружены два зуба слона. По этим находкам можно предположить,

что в древние времена и берега Ишима, и берега Жаксарга были покрыты лесами. Большого пока сказать невозможно.

В свой приезд — на похороны Акгуль — он снова посетил экспедицию. И снова не обнаружил ничего утешительного. Только на глубине двух метров (период антропогена) попались кости дикого быка. Кунтуар распорядился, чтобы их выслали в музей природоведения Института зоологии Академии наук.

Если и в этом году ничего не будет найдено, Кайрактинскую экспедицию придется действительно закрывать.

Вот в таких раздумьях сидел сейчас ученый в своем просторном кабинете. В дверь кто-то постучался.

— Заходите, — пригласил Кунтуар. Вошел Михайлов. В последнее время он был начальником землеройных работ экспедиции. В руках Василия — два огромных, выдавших виды рюкзака, которые он, как мальшей, бережно внес в комнату.

— Приветствую вас, Кунтуар Кудайбергенович, — сказал Михайлов, опуская осторожно свою ношу посреди комнаты, — вот, пожалуйста.

— Что это?

Вместо ответа Василий начал деловито развязывать рюкзаки.

На второй день после вашего отъезда, — заговорил он, — мы наткнулись на захоронение, обложенное камнем... Стали копать. Отрыли стены. Смотрим — один угол выше других. Прямо как торжественная встреча с волшебным царством! Нашли вот что. — Он не торопясь вытащил и аккуратно расставил кружки, литые из неизвестного металла. Кунтуар вскочил со стула, поспешно подошел к находкам:

— Вы что же? Как могли... сами! Почему мне-то не сообщили?!

— Да сначала так и решили - сообщить, но потом передумали. Зачем беспокоить человека раньше времени. — И Василий принялся вытаскивать остальные найденные при раскопках предметы — четырехугольные плитки, изрисованные вдоль и поперек.

— Это или письма, — продолжал он, — или игра вроде нашего домино. Не знаю, но их, в общем-то, очень много.

Кунтуар поставил кружку, которую держал в руках, бросился к плиткам. Опустившись на колени, брал одну, вторую, третью... То ставил их в ряд, то менял местами, соединял в затейливые узоры, приводил в какой-то неизвестный Василию порядок. Руки его чуть дрожали, выдавая огромное волнение.

— Япырмай... — говорил тихо Кунтуар, словно боясь что-то или кого-то спугнуть. Он осторожно поднялся с колен, рассматривая разложенные плитки. На лице радость, глаза искрятся в улыбке. - Что тебе дать за суюнши?

— Пусть для меня этим подарком будет ваша радость!

— Понимаешь ли ты, какую весть принес мне?! И ведь если бы не твое упорство, не было бы ничего сейчас в наших руках!

После недавней своей поездки в Кайракты Кунтуар совершенно упал духом. Узнав, что никаких новых результатов так и нет, он уже хотел свернуть землеройные работы. Тогда Михайлов и проявил свою настойчивость: попросил разрешения копать хотя бы до осени. “Неудобно распускать рабочих, пока не окончится срок договора с ними”, — пояснил он. Кунтуар согласился.

— Да таких камней там валяется тьма-тьмущая, — сказал Василий, давая понять, что заслуга его личная здесь вовсе невелика.

— Если подтвердятся мои мысли, что эти камни

— памятники начала эпохи бронзы или еще более раннего времени, мы свидетели великого открытия! Значит, здесь существовала высочайшая культура задолго до саков! Нет, чего же мы стоим-то? Пошли! Ты на машине? Поехали!

Остановил их телефонный звонок. Кунтуар поднял трубку.

— Слушаю вас,—ответил он весело, еще не в силах унять радость.— Здравствуйте! Не понял.— В голосе послышалось удивление.— Повторите, пожалуйста!

— Получено ваше удостоверение персонального пенсионера,—нежно произносил на том конце провода мягкий женский голос.— Ергазы Меджунович завтра назначил внеочередной ученый совет, на котором будет сам лично, с почетом вручать вам его.

Кунтуар узнал: говорила секретарша Ергазы, которую тот взял на работу недавно. Один из джигитов-шутников научил ее называть своего начальника не Меджнунович по имени отца Ергазы, а Меджунович, что означало “дуракович”. И сейчас женщина так и говорила:

— Ергазы Меджунович просил вас завтра в одиннадцать часов прийти к нему.

Кунтуар весь задрожал от охватившей его злости. Он только и смог выдать сквозь зубы:

— Какая еще пенсия? Я что, просил у него пенсию? Кто же доведет до ума кайрактинские памятники?..

Ничего не поняв, женщина заговорила еще нежнее:

— Наверное, сам. Этого я не знаю. Мне он приказал только вызвать вас на завтра к одиннадцати на совет.

Кунтуар в сердцах бросил трубку. Только что он был радостным, глаза лучились. И вдруг сник. За-

молчал, безвольно опустился в кресло. Посидел, прикрыв глаза руками, не меняя позы, тихо произнес:

— Ергазы отправил меня на пенсию. Зовет к себе, хочет вручить удостоверение пенсионера...

В своих намерениях Ергазы походил на затаившуюся кошку, так же — крадучись, исподтишка — совершал свои черные дела.

Директор филиала понимал, что бороться в открытую со своим бывшим другом ему не резон. Поэтому и воспользовался возможностью отправить археолога на... заслуженный отдых. Считал — не найдет слов упрека и сам Кунтуар, потому как все вроде по закону.

Вообще-то Ергазы нелегко далось решение судьбы Кунтуара. Он довольно долго раздумывал, прежде чем начал собирать документы археолога для пенсии. И больше всего опасался, что бумаги попадут к академику Вергинскому. Ни для кого не секрет, что Вергинский высоко ставил заслуги Кунтуара в археологии, ценил его как человека. Естественно, что академик не позволит освободить известного исследователя от работы без его желания. Поэтому Ергазы, чтобы никто не заподозрил его в пристрастности, решил оформить Кунтуару не простую, а персональную пенсию. Для того же, чтобы дело выиграть наверняка, стал ждать удобного случая.

Случай подвернулся. Вергинский вскоре выехал в длительную, месяцев на шесть, заграничную командировку. На следующий же день Ергазы сгреб заготовленные бумажки и явился к заму Вергинского. Свое рвение он объяснил так:

— Хлопочу о персональной пенсии Кунтуару Кудайбергенову. Дело нелегкое, конечно. Хотя он и талантлив, и известен в науке, но всю жизнь проходил в рядовых работниках. Одним словом, не знаю, как быть. Прямо извелся весь. Ведь никому не секрет — это же мой

лучший приятель. И вот, к сожалению, ему шестьдесят... Он долго работал в нашем институте, изредка руководил экспедициями, написал несколько книг. Конечно, я знаю законы и понимаю, что формально мы не имеем права просить персональную... Может, лучше, если бы документы подписал сам академик, но я не успел все подготовить до его отъезда. Поэтому пришел с этой просьбой к вам. Пожалуйста, не откажите...

Заместитель задумался.

— А может быть, все-таки лучше, если подпишет сам Вергинский,— сказал он.— Не будем спешить, подождем его приезда.

— Ваш авторитет не меньше,— постарался исправить положение Ергазы.— Да и Кунтуара знают. Кому-кому, а ему-то, скорее всего, разрешат персональную.

Заместитель произнес в раздумье:

— Смотри-ка, шестьдесят человеку, а такой бодрый! Не рановато ли он просит пенсию?

— Что вы, что вы! Конечно, не рано. Археология — такая наука, где люди изнашиваются быстро. Лето человек жарится на солнце, зиму мерзнет на морозе... Да и рыть землю — не за столом писать. У Кунтуара молодежавая внешность. На самом же деле у бедняги нет здорового места...

— Неужели?! Тогда будем пока просить пенсию, а работать ему или не работать, пусть решает сам,— закончил заместитель.

Это было давно. Теперь, благодаря неустанным хлопотам Ергазы, пришло, наконец, и удостоверение персонального пенсионера. Услышав тогда от заместителя слова “работать ему или не работать, пусть решает сам”, Ергазы испугался, что его затея может провалиться. И для большей безопасности не стал вести с Кунтуаром никаких переговоров. “Лучше,— решил он,— собрать совет и при всех выдать ему удосто-

верение пенсионера. Не может быть, чтобы Кунтуар сказал: “Не возьму... и на пенсию не пойду”. Устыдятся собравшихся!” — Так думал, так хотел Ергазы. — Да и сделать все на людях — меньше подозрения в моей личной заинтересованности и причастности. Все честь но чести”. Он специально заказал для “персонального пенсионера” золотистую папку, заготовил подарки... Но... в душе Ергазы трусил, терзался в сомнениях: “Может, все-таки поторопился? Свое-то дело еще не довел до конца...”

Для таких раздумий была причина. Полмесяца назад объявлены выборы в Академии. По археологии — вакантное место члена-корреспондента. Однажды Ергазы уже баллотировался, но не прошел. Нынче у него вроде бы нет соперников. Правда... Пеилжан, ставший год назад доктором наук. Если любимый ученик тоже выставит на выборах свою кандидатуру, то получится, что на одну вакансию — их двое. Голоса разделятся, и Ергазы снова может не пройти. Пеилжан должен был бы постесняться соперничать с ним, своим благодетелем. Ведь Ергазы так много сделал для него при защите кандидатской диссертации и особенно — докторской!

Вместе с тем сам благодетель отлично знал характер и повадки вновь испеченного доктора наук. “И зачем это я поторопился вытаскивать его в доктора! Надо было повременить хотя бы до выборов...” — сокрушался он сейчас. Считая, что настала его очередь выходить в академики, Ергазы решил поговорить с Пеилжаном. Тот, скрестив руки на груди, клятвенно заверил что он не имеет намерения выставлять свою кандидатуру. “Я что, с ума сошел?! Старший брат стоит на пути к тору, а я что же, буду лезть туда через его голову?! Нет... Сейчас — ваша очередь. За вами, конечно, — моя”.

И когда от Кайрактинского филиала института была предложена кандидатура Ергазы, Пеилжан — “любимый ученик”, единомышленник и последователь своего учителя — поддержал ее и... одновременно выдвинул на это же место собственную кандидатуру, только от другого научного учреждения!.. Ергазы пришел в расстройство. Как ни прикидывай, а с Пеилжаном придется говорить снова, да покруче. Если он не отзовет свою кандидатуру, то...

Но именно потому, что Ергазы знал своего воспитанника, он, взвесив все шансы “за” и “против”, продолжал сомневаться в положительном результате задуманного.

Сегодняшний ученый совет, посвященный торжественному уходу Кунтуара на заслуженный отдых, несколько расстраивал ход главных событий. А ведь не кто иной, как он, Ергазы, должен и открывать и направлять по нужному руслу это совещание. Оно может затянуться — каждый постарается перед уходом ученого на пенсию сказать ему теплые слова... Один окажется старым другом, другой — поклонником его таланта... Но теперь уж ничего не поделаешь, совещание назначено, люди предупреждены и... подготовлены. Возможно, все удастся прокрутить и в момент. А тут эти выборы! Из-за них, конечно, он затянул и с отправкой Кунтуара на пенсию и никак до сих пор не выбрал время, чтобы установить памятник на могиле Акгуль...

Ергазы решительно нажал кнопку звонка. В кабинет вошла секретарша с лучистыми голубыми глазами. Волосы крашены под седину. Нет, она не вошла, а будто вплыла. Окинув взглядом своего начальника, спросила с нескрываемым кокетством:

— Приглашали меня?

Ергазы невольно задержал взгляд на секретарше, дивясь ее царственной осанке.

— Вы звонили вчера Кудайбергенову? — спросил он, стараясь спрятать довольную улыбку.

— Конечно.

— И что же он ответил?

— Я все записала... Сказал, что пусть себе совещаются.— Она заглянула в записную книжку.— Вспомнил Эйнштейна. Еще сказал: “Шестьдесят — не тридцать, дорога каждая минута”. Я заметила ему: некоторые мужчины и в шестьдесят — лучше иных молодых.— Женщина снова понимающе посмотрела на своего начальника.

— Потом? Что потом?!

— “На совещание прийти не могу, - читала секретарша.— Срочно еду в Кайракты. Там обнаружены прекрасные находки...”

— Что еще?

— “В Алма-Ату не вернусь, пока не завершу исследований”. Ну и рекомендовал с оформлением его на пенсию не торопиться. А если, говорит, торопятся, пусть пишут приказ без лишней волокиты.

— Ух! — перевел дух Ергазы, словно с плеч свалилась тяжелая ноша. Сама судьба предостерегает его: пока не следует отправлять Кунтуара на пенсию. Лучше не накалять обстановку...

— Вы совсем, вижу, заработались, устали,— заботливо заговорила секретарша.

— Нет, что вы! Просто я рад, что Кунтуар не может прийти на совещание, что совет можно пока отложить и... — Ергазы улыбнулся: — Рад, что вижу тебя.

— Все шутите!

— Нет, без шуток... Задержитесь сегодня после работы!

— Зачем? — наивно улыбнулась женщина.

— Ну-ну... так уж и надо растолковывать...

— Только смотрите... Заметят — сплетен не оберешься.

— Надо все делать осторожно, с умом, — входя в роль покровителя, наставительно сказал Ергазы.

Секретарша так же, как вошла, выплыла из кабинета. Ергазы, глядя ей вслед, думал: “Все-таки жизнь прекрасная штука! Только не всегда мы ценим ее. То работа, то другие заботы, а там, глядишь, и смерть не за горами... Ведь чего стоит один только взгляд, одна улыбка такой вот женщины!”

В это время снова появилась секретарша.

— К вам пришли, — как и прежде кокетливо улыбаясь, произнесла она.

— Кто?

— Ваш друг. Этот... доктор, как его, забыла... длинный такой...

— А-а, Пеилжан, что ли?

— Да.

— Проси, пусть входит.

Истинная любовь — такое чувство, такой союз, который не в силах разрушить ни время, ни житейские невзгоды. Даже если она без взаимности, то и тогда любовь дает человеку великие силы для жизни, помогает побороть, пережить горе.

Именно любовь, любовь к Жаннат, вела Даниеля по трудной, неторной дороге творчества, когда он создавал свою книгу.

Прошло уже порядочно времени с тех пор, как он прочел рецензию Пеилжана на свою рукопись. Прислушавшись к советам отца, еще и еще раз переделал ее. Наконец, отнес роман в издательство. Там познакомились с будущей книгой и согласились издать.

— Читал с большим волнением и удовольствием, — сказал автору один из ведущих критиков. — Хотелось только, чтобы повествование теснее было

увязано с нашими днями. Это в значительной мере усилило бы роман.

— Показ современности... В прямом смысле слова это не входило в мои творческие замыслы, — отвечал Даниель. — В книге надо видеть не только то, что написано, надо читать и подтекст. Взять хотя бы любовные линии. Разве можно здесь говорить о какой-то архаичности отношений? Много в мире изменилось за долгое время. Вечным осталось лишь это чувство. И сердце влюбленного юноши говорит и трепещет точно так же, как тысячи лет назад.

— Согласен с тобой в том плане, что любовь так же, как тысячи лет назад, возвышает человека. Только нельзя забывать и другого — сам-то человек стал совершенно иным. Иные его идеалы... Я вот думаю, какой беззаветной была любовь, скажем, у Козы-Корпеша и Баян.

— Да, конечно, сегодня сама основа отношений другая. Любовь сегодня — это союз свободных людей. Между ними не встают преградой классовые противоречия.

— Вам не кажется, что любовь теперь не столь беззаветна и самоотверженна?

— Довольно неожиданный поворот. Но я все же считаю, что сила любви в ее чистоте, в ее вечности.

— Вот и я говорю о том же. Когда-то Спаретра безмерно любила своего мужа. А всегда ли нынче мы видим такие примеры? Постоянство... Непостоянство в любви... Отчего оно?

Даниель задумался. В который раз — о Жаннат. “Она оставила меня... В чем истинная причина этого? Позвала ли ее любовь или... не устояла перед соблазнами Армана? А может, все-таки я... Не оказался рядом, не оградил ее от беды своей любовью? Допустим, я...” И опять не дающий покоя вопрос: “Значит,

меня... не любила? Значит, рано или поздно изменила бы?"

Все восстало против этого вывода в душе и сознании Даниеля. "Нет, причина, видимо, все же в том, как все зародилось между нами с самого детства. Жаннат просто привыкла ко мне с малых лет, а потом, чуть повзрослев, шутя окрестила все это любовью. Сама искренне поверила в неподкупность своего чувства. Но вот пришла настоящая любовь, на пути встал... Арман... Нет, Жаннат не сфальсифицировала! Разве скажешь ей: "Люби меня, а не Армана?" Не то что чужому, собственному сердцу и то не прикажешь... Знаю, знаю, что Жаннат не любит меня, а забыть ее не могу!"

Все это, как молния, пронеслось в голове Даниеля, пока он сидел в раздумье, молча, перед критиком, листающим его рукопись. Потом произнес:

— Любовь и сегодня так же жива и сильна. Только мы, писатели, еще не можем, не умеем сказать о ней с нужной силой и страстью. А надо писать о любви, настоящей, всепобеждающей, писать чаще и больше...

— В том-то и дело. Теперь ты понял меня? Но мы отвлеклись. О сакских племенах, слов нет, читать интересно. Однако ты не забывай о нашем разговоре...

Удивительно устроен человек! Стоило Даниелю утром вспомнить о Жаннат или услышать ее имя, как сердце в волнении билось до глубокой ночи... Разве жило оно не по законам все той же любви, как и во времена героев древнего эпоса? А выход из беды разве только — смерть? Есть ведь и жизнь! Она дана человеку для борьбы за ее торжество и поэзию, которые дороже всего на свете.

Друзья между тем твердили наперебой: "Брось терзаться, Даниель. В жизни девушек - что цветов в поле. Там не один только яркий глазастый златоцвет, есть и нежные ландыши, и фиалки, и незабудки, и степные

тюльпаны! Выбериай...” Однажды даже уговорили познакомиться с одной молодой певицей. Девушка была прекрасна, и голос — чистый, нежный.

— Ну и как? — спросили его потом парни.

— Слов нет, как хороша! — искренне говорил Даниель, побывавший на концерте своей новой знакомой.

— Конечно, дело теперь за свадьбой?

— На ком жениться-то? На ней или на ее песнях? Я же не знаю человека совершенно, да и что-то нет охоты узнавать.

В другой раз одна восходящая звезда молодого балета сама нашла его. После нескольких свиданий напрямик спросила:

— Нравлюсь я тебе?

— Конечно! Как ты можешь кому-то не нравиться! Только больше, чем ты, мне по душе другая, — ответил молодой писатель.

— Тоже мне Хемингуэй! — засмеялась “звезда”.

Шли дни, споро подвигалась работа над новым романом о Жаннат, о жизни, о любви... От работы Даниеля могли оторвать только письма, приходившие от отца. Письма давали новые мысли, заставляли думать и приносили какую-то необъяснимую, светлую и возвышенную радость.

Вот и сегодня — письмо. Отец сообщал: “Живу среди множества археологических памятников. Те ли это свидетели истории, оживить которую я мечтаю? Еще не знаю. Одно ясно: находки относятся к иной, не сакской культуре. Жаль, что эти загадочные пришельцы из иного мира попались мне сейчас, а не в дни молодости. Хватит ли отпущенного судьбою времени на их разгадку? Да и не все хотят этого, торопятся некоторые отстранить меня от дела, отправить на пенсию. Однако они глубоко ошибаются. Я и тогда буду искать ответ на интересующий меня вопрос. Если и не заго-

ворят для меня эти памятники — все равно не уйду, скорее — умру среди них...”

С одной стороны, Даниель был рад оптимистичному настроению отца. С другой — действия этих “некоторых” удручали и оскорбляли его.

Он был именно в таком настроении, когда однажды неожиданно повстречал Пеилжана. Поздоровались. И Пеилжан, как будто ничего между ними не было, сказал:

— Слышал, выходит твой роман. Рад поздравить тебя! Читал последний вариант, видел, что все мои замечания ты учел. Да собственно, если бы даже не учел, роман и так мог идти.

— Если это были несущественные замечания, зачем ты на них настаивал?

— Ну, старина! Это ясно — хотел помочь тебе, чем мог! К тому же не только я думал над ними, а советовался с одним умным человеком.

— Что это за человек, который может думать за других? Где у тебя была своя-то голова?

— Моя — при мне, — засмеялся Пеилжан. — Только вот тот влиятельный человек повернул ее немножко и склонил на свою сторону.

— Ну, видно, шея у тебя такая, что можно вертеть голову куда захочешь. Что поделаешь...

Даниель изумлялся мнимой покладистости и покорности Пеилжана. “В чем дело? Куда он ведет, что задумал, чего хочет от меня? Насколько я знаю, он не таков, чтобы вот так легко раскрываться перед другими”.

— Да собственно секрета тут никакого, — снова заговорил Пеилжан. — Ты этого человека и сам знаешь. Он враг номер один твоего отца.

— У моего отца нет врагов ни под первым, ни под вторым и третьим номерами. Он никому в жизни не причинил зла.

— Разве у человека бывают враги только тогда, когда он делает кому-то зло? Зло исходит чаще от людей с мелкой душонкой. Что, еще не понял? Скажу прямо: враг твоего отца—Ергазы. Это же он отправляет Кунтуара на пенсию, отстраняет от дела.

— На пенсию? Но разве это значит, что Ергазы делает враждебное дело? Да и вообще он не способен на подлость.

— Что же, по-твоему, подлость?

— Когда по чьему-либо наущению возводят на человека напраслину.

Пеилжан незлобливо смеялся:

— Ну и джигит! Все еще злишься на рецензию! Ничего, вот выйдет книга, подберешь, простишь своим настоящим друзьям и их промашки.

— Конечно! Если на зло отвечать злом, то и жить не стоит.

— В этом ты прав. Я для твоего отца тоже вот сделал доброе дельце.

— Что такое?

— Не петушишься, а лучше выслушай! На днях в Академии выборы. Ергазы выставил свою кандидатуру в членкоры. Так вот, чтобы остудить его пыл, я добился выдвижения и своей кандидатуры на это же место. Надежды, конечно, мало, что меня изберут. Зато не пройдет и Ергазы — голоса-то разделятся.

— Шутишь? Неужели думаешь что если Ергазы станет академиком, то шанрак¹ моего отца опрокинется?

— А-а, говори что хочешь! Только уверен — твой папаша думает по-иному,

— Ну, допустим, все так, как говоришь. Непонятно одно: почему тебя волнует мой отец?

¹Дымовое отверстие в куполе юрты.

— Вот это вопросик! Я же не враг твоему отцу!

— Твои слова — это не слова друга.

— Толкуй как угодно. Только посуди сам, где логика: я выступаю против врага твоего отца, тогда кто же я для него самого?

— Как ни крути, но то, что ты делаешь, — самая настоящая подлость.

— Даже эти слова пропускаю мимо ушей, разберемся потом. А сейчас сообщу еще вот что... На днях меня встретил Ереке, просил, чтобы я отозвал свою кандидатуру. Я сказал, этого не сделаю. Короче, мы крепко поговорили, теперь в ссоре,

Даниель все еще не мог понять, чего надо от него Пеилжану. “Бог мой, что это он, как у муллы на исповеди, открывает все карты. Нет, такая угодливость не к добру. Пеилжан же не простачок”. Даниель, занятый своими мыслями, как сквозь сон слышал его вкрадчивый голос:

— Я убедился окончательно в ничтожности Ергазы. Знаю, что сам причинил в свое время немало неприятностей твоему отцу. Прошу, поговори с ним, пусть простит меня за все, — раскаивался Пеилжан. — И пусть не успокаивается. Ергазы может и пройти в академики. У него большие связи.

Даниель, все еще пытаюсь разгадать скрытые намерения собеседника, спросил:

— Ты, сказал, чтобы отец не успокаивался. Это как понять?

— Нельзя сидеть сложа руки, надо написать куда-нибудь... Твой отец знает сам, что делать. С его мнением, уверен, посчитаются где угодно!

Наконец-то... Наконец-то стал ясен до конца вероломный ход Пеилжана. Как не ужаснуться этой подлости? Даже пот выступил на лбу от волнения. Ему показалось, будто и он причастен к грязным делишкам.

— До чего же может докатиться человек! — в гневе почти прошептал Даниель.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

До сих пор Арман не задумывался о своей жизни. Жил и жил... Все было к его услугам. Тяготила учеба — он откладывал книги в сторону. Нависала угроза остаться на второй год — родители тотчас бросались на помощь. Мать уговаривала, умоляла учителей, обещала, что сын “исправится, подтянется, подучит”. И Арман переходил из класса в класс.

Акгуль и Ергазы приложили все силы, чтобы вступительные экзамены в институт были сданы. Использовали все возможности: авторитет, знакомство, услуги... Даже в годы студенчества, если случалось, что сын заваливал экзамен, родители “сдавали его сами”. Не без их участия он остался работать в Алма-Ате, получив с грехом пополам диплом о высшем образовании.

А потом начал работать в экспедиции Кунтуара. К этому времени и сам не заметил, как увлекся выпивкой, картежной игрой. Когда родители поняли это и переполошились, они ничего не хотели так искренне, как быстрой женитьбы Армана. Тут-то и подвернулась Жаннат. Но разве такого повесу женитьба остепенит? Нет, он только и думал о том, чтобы посидеть в ресторане, провести ночь за картами... Однако, если Арман вечером собирался из дому, а Жаннат начинала хмуриться, выражая свое неудовольствие, бедная мать тут же вставала на защиту сына. “Молодо-зелено, — говорила она. — Повзрослеет — поймет. Вы уж простите его”.

В последние дни Арман пересмотрел каждый свой шаг, переоценил каждый поступок, перебрал в памя-

ти все с тех пор, как помнит себя, и... до похорон матери. Он ужаснулся, как бесцельно и беспечно провел годы: “До чего я довел мать и сам себя, свою семью!”

...Арман не мог спокойно лежать на диване, то и дело ворочался с боку на бок. “Так жить больше нельзя. Если разобраться — я убил родную мать, которая ни в чем не была повинна”. За то, чтобы он стал человеком, теперь могла бороться одна Жаннат. Но стоило вспомнить о жене, как рядом вставал другой образ — Биби. “Нет, нет! Пошутили, и хватит. У меня семья: Жаннат, двое сыновей”.

До этого времени слово “семья” было для него пустым звуком. Все держалось на плечах родителей. Семью обеспечивал Ергазы. И Жаннат никогда не обращалась к мужу с просьбами, вроде: “Нет того-то, достал бы...” Только сейчас Арман осознал, что эти годы был мотыльком, греющим крылышки у чужого огня.

Теперь, когда несчастье заставило его вспомнить о семье, он растерялся: что же надо делать? Припомнил ситуации, вычитанные когда-то из книг или увиденные в кино... Надо, конечно, работать. Но где работать? Что он сможет делать? И что хочет делать? Человеку, не привыкшему ни к каким обязанностям, труд везде был в тягость. Какие-то навыки и умения, хоть небольшое упорство в преодолении первых трудностей — ничего этого не было у Армана. Он поступал на службу в одно, другое, третье учреждение... Но подолгу нигде не задерживался. Уходил “по собственному желанию”. Как-то вспомнил, что перед самой смертью матери временно работал на заводе. Вот и отправился туда снова.

Встретил Армана мастер цеха — Ахметкали. Внимательно выслушал. Узнав о его горе, сочувственно сказал:

— Да-а, со смертью, брат, ничего не попишешь. Она и приходит, когда не ждешь, и уносит, кого захочет. И вот какая штука порой получается: чем лучше человек, тем быстрее умирает. И хоть разбейся: плачь, горюй, причитай — ничего не поможет. Так что парень ты взрослый, носа не вешай. А работу найдем, — добавил мастер, вытирая руки фартуком из холста. — Только вот какую? Ты же белоручка. Сегодня тебя примешь, а завтра ты напьешься...

— Я давно покончил с этим...

— Ладно, парень, бери себя в руки. Иди, приступай к делу.

Арман старался. Он был сосредоточен, замкнут и молчалив. В первый день до обеда подтаскивал мрамор к режущему станку. Перерыв просидел в тени, под навесом. “Идем в столовую!” — крикнули ему ребята из бригады. Не пошел. После перерыва начал рубить камень, но дело не спорилось. Он работал с остервенением, почти бессознательно, хотел забыться, избавиться хоть на время от образа матери, все время стоявшего перед ним.

Безуспешно.

И так дней десять.

Ахметкали почти не разговаривал с Арманом. Только подойдет, посмотрит, как тот словно беснуется над куском серого мрамора, и отойдет снова. Что задумал Арман высечь из этого огромного камня в человеческий рост? Сначала мастер не понимал и хотел было сказать: “Чего дурью маешься, занимайся делом”. Потом вспомнил, что за парень Арман, вспомнил его состояние и опять промолчал, не бросил упрека: почему, мол, не занимаешься плановой работой?!

Первое время Ахметкали казалось, что его новый рабочий просто впустую проводит дни. Молча, бессмысленно приставляет к камню каленую сталь лезвия

долота и без устали бьет по его рукоятке молотком. Но с тех пор как на поверхности серого мрамора стало вырисовываться изображение человеческого лица, мастер заметил — Арман и вовсе стал работать как одержимый, по десять — двенадцать часов в сутки, а не по семь, как положено. И ночевал на заводе. Дня ему мало! Свою каморку в цехе теперь не оставлял открытой, навесил на двери замок...

Если раньше к Арману заходил Ахметкали, теперь и его нет. Приболел старина. Ребята по бригаде, в общем-то, уже знали, что работает он над скульптурой человека, и не лезли с лишними расспросами.

Дней через десять Ахметкали выздоровел. Придя на работу, первым делом заглянул к Арману. Он был поражен, увидев, как тот хлопочет над скульптурой женщины.

— Бог мой, — осторожно ощупывая мрамор, говорил Ахметкали, — И не похоже, и похоже на покойную Акгуль. Горе ее похоже.

— Я хотел показать, в каких муках она умирала и как была беззащитна... — отозвался на слова мастера Арман.

— Ты извини, браток, но мне до сих пор так и непонятно, что же привело ее к скоропостижной смерти?

— Мать не выдержала гибели у нее на глазах своего единственного сына...

— Вот уж сказал... И вовсе не понять. Единственный-то у нее был ты. Ты... живой. Как же это?

Арман почти выкрикнул с горестным вздохом:

— Да лучше бы мне умереть, чем жить! Мастер не стал больше ни о чем спрашивать. Сокрушенно качая головой, отошел.

Возвратившись из отпуска, директор завода Касымов распорядился — изготовить из серого мрамора, который он лично привез из Киргизии, памятник одно-

му усопшему видному научному деятелю. Заказ был срочный и требовал немедленного исполнения. Ахметкали, получив указание, задумался. Потом отправился к директору, заговорил напрямик:

— У нас нет серого мрамора. Касымов удивился:

— Куда же он подевался?!

С директором шутки плохи, он был человеком вспыльчивым и резким. Ахметкали, конечно, помнил, что Арман начал тесать камень самовольно. Однако в этот момент решил взять ответственность на себя.

— Мы пустили его на доброе дело, — сказал мастер как можно доброжелательнее, словно пытался внушить это же чувство и директору.

— Что еще за доброе дело?! — вспыхнул в ответ Касымов.

Ахметкали старался быть спокойным.

— Вы помните, — начал он издали, — осенью мы приняли каменотесом паренька, по имени Арман...

— Это ты говоришь о том бездельнике, у которого отец профессор?

— Да, о том. Так вот... Он, оказывается, единственный сын у родителей...

Директор не дал договорить, резко оборвал:

— Знаю... бьет баклуши, пьяница, картежник. Зря и взяли-то. Какой из него рабочий?

— Так-то так. Но... из парня все-таки можно еще сделать человека. Не такой уж он пропащий.

— Сомневаюсь. Да и зачем ты обо всем этом разглаговльствуешь тут? Какое это имеет отношение к делу?

— Видите ли... Профессор-то всего-навсего отчим. А вот родная мать парня вскоре после вашего отъезда умерла.

— Ну что ж? Вечная ей память...

— Камень мы отдали Арману, он попросил... Из него парень сам вытесал скульптуру матери.

— То есть как это вытесал? — заорал Касымов.
— Скульптор он, что ли? Тогда почему поступил прос-
тым рабочим?

— Да он, по правде говоря, и сам не знал, что может
сделать скульптуру...

— А-а, черт вас разберет! Деньги-то он хоть внес
за мрамор?

— Нет.

— Тогда о чем же мы говорим? Подарили ему этот
мрамор, да? Ты хоть понимаешь, старая твоя голова,
какой урон нанесен заводу?

— Видимо, урон немалый... Зато какой памятник!
Тут уж Касымова прорвало:

— Эй, ты что несешь? Мы кто? Артель по подряду
на могильные плиты? Мне не нужны ваши сантименты!
Я их не подошью к плану! Мы государственное пред-
приятие...

— Да вы взгляните, только взгляните, что он су-
мел создать, этот Арман! — не поддаваясь настрое-
нию директора, говорил Ахметкали.— Памятник еще
не закончен, но уже сейчас это творение художника.
Будем думать все, как его оприходовать, где взять сред-
ства.

Касымов поднялся из своего кресла. Это был чело-
век, который каждый свой шаг по службе рассматривал
с точки зрения выполнения плана завода. И уж если
кто-то был ему помехой на пути к выполнению плана,
этот “кто-то” становился его первым врагом. Будь то
хоть сын родной. Он и его немедля наставил бы на путь
истинный...

Касымов не увидел в скульптуре никакой сим-
волики, никакого художественного мастерства. Камень
так и остался для него камнем. И все же, стараясь быть

объективным, еще несколько раз обошел вокруг глыбы. Взыскательно осмотрев все, медленно перевел взгляд на застывшего в стороне Армана:

— С натуры делал кого-то или как?

— Да нет. По памяти... Скульптуру матери... — сказал Арман.

— Матери? Ах да... Прими мое соболезнование. Сколько же ей было лет?

— Исполнилось пятьдесят.

— А еще остались дети, кроме тебя?

— Нет.

Видимо, больше Касымов не знал, что говорить Арману. Не знал и того, что же следует предпринять с этим самым памятником. Обошел его еще раза два вокруг, потрогал руками...

— Я же этот камень чуть не на себе тащил вон откуда, — опять заволновался директор.

Ахметкали смекнул: сейчас не пощадит и Армана, накинется на него. Поэтому опять как ни в чем не бывало убедительно заговорил:

— Вот спасибо! Зато какой памятник получился!

— Какой памятник получился?

— Прекрасный! Замечательный! Настоящий!

— Ничего ни прекрасного, ни замечательного не вижу. Старый мастер с сожалением пожал плечами: мол, вольному — воля.

— Да вы не рассмотрели! Взгляните же хорошенько! — настаивал он.

— А я как, по-вашему, смотрю? Сколько прекрасной породы пустили на ветер! Сами не умеете, почему не заказали в мастерской при похоронном бюро? — обратился он к Арману. — Теперь вот нет ни мрамора, ни памятника...

— Памятник-то есть. Только слепцу этого не видеть! — хмуро, почти неслышно ответил Ахметкали.

Директор, не обращая на него внимания, продолжал:

— Теперь, коли вы такие умники, скажите, кто возместит заводу неустойку? Посчитайте-ка: уплата руднику, перевозка... А-а, то-то и оно. Да что тут разговаривать? Под суд вас надо обоих, немедленно под суд, вот что!

Стоявший до этого молча в стороне Арман произнес:

— Деньги заплатим.

Но директор не слушал его. Круто развернувшись на каблуках, он решительно направился в свой кабинет. Там поднял табеля бригады за истекший месяц и удивился еще больше: Арман в них не значился. Касымов тут же вызвал бухгалтера:

— Вы платили зарплату Арману?

— Платили,— ответил бухгалтер.

— За что же начисляли, если парень на камнерезке ни дня не работал?

— Да видите ли, в нарядах работы на камнерезке значились.

— Кто закрывал наряды?

— Как и положено, мастер Ахметкали.

— Дальше в лес, больше дров! Одного никак не пойму,— говорил раздосадованный директор.— Почему этот шалопай из профессорской семьи вызывает у рабочих бригады такое сострадание? Он что, нуждается материально?

— Да разве дело в деньгах,— пояснил появившийся в дверях Ахметкали. — Арман после смерти матери еле держался на ногах. Сам чуть не слег в могилу, бродил по заводу как потерянный. Вот мы и решили сообща: пусть хоть чертит, хоть рисует, хоть тешет камень, только бы пришел в себя! А то, чего доброго, запил бы или еще что придумал, похуже. Месячную норму

Армана члены бригады взяли на себя. Все дни работали на час дольше. План, как знаете, перевыполнили.

— Может, возьметесь и мне выплачивать мою зарплату? Так я вам еще не такой “памятник” отгрохаю! Ахметкали от души рассмеялся:

— Согласен! Валяйте! Ребята выдержат, шеи крепкие!

— Жалко времени, иначе бы доказал...— Директор вдруг спохватился — что это он панибратство развел? Опять, стараясь делать ударение на каждом слове, взглянул на Ахметкали: — Старая ты голова! Разве не знаешь: план на камнерезке горит! А у тебя станок простаивает. Как это прикажешь расценить?

— Да он вот-вот закончит скульптуру, там — посмотрим.

— Выгоню! Выгоню обоих! — двинулся Касымов на Ахметкали.— И пусть немедленно внесет за мрамор денежки государству! Иначе...— Касымов захлебнулся от гнева.— А я, я завтра же отдам приказ о его увольнении. На место этого бездельника найдутся настоящие рабочие!

— Правильно ли это будет? — невозмутимо спросил Ахметкали.— Может, не стоит спешить? Не хочется... давать парня в обиду.

Директор отлично знал Ахметкали — тихого и спокойного с виду, но упрямого — не приведи бог! Уж если задумает что, то своего добьется!

— Ладно,— махнул рукой Касымов и сел в кресло.

Через несколько дней Арман закончил работу над памятником. Сказать, что у него получилось настоящее произведение искусства, конечно, было нельзя. Однако и пройти мимо, не остановившись, не взглянув,— тоже было невозможно. Ахметкали, глядя на запечат-

ленный в мраморе образ Акгуль, молил судьбу, чтобы пробудившаяся в груди Армана искра творчества не спалила его, а спасла. Ради этого сам Ахметкали готов был сделать все.

На следующий день Арман снова встал за свой станок. Резали серый песчаник, привезенный с берегов Или. Парень выполнял изо дня в день норму, но волнения при этом, как прежде, не испытывал. Словно заведенный робот, он бессмысленно смотрел на однообразную поверхность камня. И резал, резал, резал... Без единой мысли, безо всякого воодушевления. Скоро работа стала угнетать его своим однообразием. Ахметкали, со стороны наблюдая за Арманом, понял его состояние. Он видел: если сейчас не помочь парню, тот легко сорвется и пойдет по наклонной. И вот как-то вечером, будто бы случайно встретившись с ним на автобусной остановке, мастер спросил:

— Ну как дела, не устаешь?

Арман ответил равнодушно:

— Разве на такой работенке устанешь? Пилит камень машина, а не я. У меня только и дела что утром — прийти, а вечером — уйти.

— Ты извини, но вот смотрю я на тебя и думаю: не нравится, что ли, тебе пилить этот самый камень?

Арман чуть замедлил шаг:

— А почему вас это, собственно, интересует?

— Да вижу, не слепой. Когда ты делал памятник матери — прямо горел на работе. А сейчас такое равнодушие...

— Какой же я был тогда?

— Как тебе сказать... Человек совсем другим становится, когда получает удовлетворение от труда. Ты же приходил раньше и уходил позднее всех. Прямо колдовал, а не работал. А сейчас все по-другому.

Арман ответил:

— Тогда и дело было другое!

— Да нет, пожалуй, тобою двигало не только чувство сына, но и чувство человека, вдруг нашедшего себя. Разве не так?

— Это, конечно, правда,— ответил Арман со всею искренностью.— То, что я делаю сейчас, меня совершенно не интересует. Вовсе не работать? Стыдно. Да и дома у нас все сложно. Пока у отчима нет новой жены, он еще помогает нам. Но уже видно, что не сегодня завтра введет в дом другую хозяйку. Тогда у меня с семьей не будет даже крыши над головой.

Ахметкали опечалился, но рассудительность парня была ему по душе. Про себя отметил: “Добро, добро, коли понял главное. Будешь человеком, если не изменишь сам себе”. Вслух же произнес:

— Да, трудно делать то, что вовсе тебе не нравится. Такое раньше было и у меня. Нелюбимая работа — это мука, скажу я, страдание. А в тебе талант есть.— Мастер дружески заглянул в лицо Арману. — Может, пойдешь в скульпторы, а?

— Да вы что, смеетесь? Кто же меня примет?

— То есть как кто? Я уверен: каждый, кто увидит этот памятник, заинтересуется и самим тобой.

— Все равно в скульптурную мастерскую без специального образования не примут. Надо закончить художественное училище.

— Сразу, сынок, ничего в жизни не делается. Тебе учиться еще не поздно. А может, там набирают учеников...

— Не знаю, что вам сказать. Если даже и снова учиться, то для меня это теперь сложно. Семья...

Ахметкали стоял на своем:

— Твоя жена разве не работает? Можно жить и поскромнее, пока получишь профессию.

Арман молчал. С тех пор как ушла из жизни мать,

он с Жаннат толком даже не разговаривал ни разу. И хотя дал себе слово больше не видеться с Биби, ее лицо, улыбка стояли перед глазами. Работа над памятником на какое-то время отодвинула воспоминания. Но лишь чуть освободился, воображение тотчас воскресило в памяти — Биби. Сейчас совет старого мастера вдруг показался Арману той соломинкой, за которую хватается утопающий. И он почти обрадованно согласился:

— А пожалуй, вы правы, это выход! Если бы только получилось...

Ахметкали пообещал помочь найти скульптора, который бы согласился взять Армана к себе учеником.

— А там, может, сумеешь со временем и поступить в училище, — мечтательно говорил мастер.

Однако желаниям его не суждено было сбыться. В тот же день Арман повстречал на улице своего бывшего дружка Жаксыбая.

Нет, Жаксыбай не был ни картежником, ни алкоголиком. Но вот провести время в ресторане любил. Когда-то его считали человеком талантливым. Он любил сочинять стихи. По радио на его слова пели несколько песен. Неплохо Жаксыбай исполнял их и сам, аккомпанируя себе на домбре. Голос у него был задушевный, приятный. Характер — открытый и добрый. Только уживались в этом человеке еще два качества, которые, собственно, и мешали ему в жизни твердо стоять на ногах.

Во-первых, Жаксыбай любил, как он выражался сам, красивую жизнь. В его понятии это означало — одеваться модно, с иголки, и без устали развлекаться в ресторанах. Во-вторых, он не мог жить без любви. Женщины были его вторым несчастьем. Одна любовь сменяла другую... Ему стукнуло уже сорок, а создать семью он так и не выбрал времени. Хотя... женился по любви трижды. И трижды расходился с радостным

сердцем, что все, наконец, позади. Особого зла при этом ни на кого не таил и не причинял его никому. Но вот что касается поэзии, то... Он и сам не заметил, как утратил к ней интерес. Никто не знал в последнее время, чем же занимался Жаксыбай. Несколько выступлений по радио, несколько песен на его слова — и только. Имя его в литературных кругах называлось все реже. Правда, иногда он выезжал в колхозы или совхозы и читал свои когда-то написанные стихи в сельских клубах. Но об этих поездках Жаксыбая ходили самые нелепые слухи, будто и там поэт вел себя, мягко выражаясь, легкомысленно. С легкостью необыкновенной заводил знакомства, назначал свидания и так же легко, не задумываясь, оставлял предмет своего обожания.

Вот после такой очередной разлуки Жаксыбай сегодня и повстречал Армана. Можно ли выглядеть более экстравагантно — небесно-голубые брюки, белый пиджак, кремовые туфли на высоком, в четыре пальца, каблуке! Волосы блестят и благоухают. Нет, в нем не заметишь и тени грусти от расставания с любимой. Он словно только что освободился от тяжелой обязанности и радостно улыбается встречным. Еще издали завидев Армана, Жаксыбай воскликнул:

— Дорогой мой! Да ты, оказывается, жив! Сколько лет, сколько зим не виделись! Вот это и есть основной недостаток семейного человека. Он забывает о своих товарищах. Потому я и не женюсь.

— Как это так? Я же только в прошлом году был на твоей свадьбе! — удивился Арман. — Или уже успел уйти от жены!

— Нет, на этот раз жена ушла от меня, — довольный собою, шутил Жаксыбай. — Говорит, не могу тебя переносить, зная все твои похождения!

— За какие это похождения она может тебя упрекать?

— Разве не знаешь? Птица любит небо, поэт — свободу! Этого никогда не понять женщине.

— Да, это уж точно,—подтвердил Арман, вспомнив собственное положение в семье. — Все они одинаковые.

— А ты чего такой печальный? — Жаксыбай тут же спохватился.— Извини, забыл вовсе. Я же только из командировки, там и узнал из газет о смерти твоей матери. Прими искреннее соболезнование. Да, в этом нам с тобой не повезло. Моя мать тоже была прекрасным человеком. Умерла еще до моего второго брака...

“Она что же, умерла из-за твоих проделок?” — чуть было не спросил Арман.

— Ничего,— продолжал свое Жаксыбай,—все мы на этом свете потенциальные покойники.

— Ты прав, бессмертный человек еще не родился.— печально поддержал горькую шутку Арман.— Жаль, конечно, что рано умерла. Я буду вечно в долгу перед ее светлой памятью.

Поняв, что Арман весь во власти неизбежного горя, Жаксыбай моментально переменялся. Теперь и он настроился на грустный лад.

— Да, мать — особенный человек в жизни каждого. Она родила, вскормила нас, радовалась и горевала с нами. А мы, убившие ее собственным неразумием, теперь безутешно грустим. Так уж водится на земле испокон веков.

“Мы, убившие ее”. Эти слова пронзили сердце Армана. Получилось, будто Жаксыбай знает его вину перед родной матерью. Или это вырвалось у него нечаянно? Вот уж истинно говорят, что коли кто хочет насгупить тебе на ногу, то обязательно угодит на мозоль. Жаксыбай между тем продолжал:

— Чего же мучить себя? Еще никто из умерших не оживал. Живому надо думать о живом.— И забот-

ливо взял Армана под локоть: — Зайдем-ка вот в эту обитель. Разведем нашу общую кручину.

Арман только сейчас увидел, что они стоят перед рестораном. И обрадовался:

— Пошли! — Он первым стал торопливо подниматься по широкой лестнице.

Ресторан открыли лишь полчаса назад, поэтому народу было мало.

— Для начала нам бы бутылочку “экстры”, — даже не успев присесть, попросил Жаксыбай оказавшуюся тут как тут официантку. Женщина тотчас поставила перед ними две бутылки; одну — с “экстрой”, другую — с минеральной водой.

Арман все еще был во власти слов Жаксыбая. Надеясь хоть водкой заглушить боль, он поспешил наполнить два стоящих перед ними больших бокала.

— За встречу! — И выпил до конца, без передышки. Жаксыбай лишь отхлебнул.

Арман пил впервые с тех пор, как начал работать у Ахметкали. Сейчас он сразу почувствовал сильное опьянение.

— Что еще закажем, Арман?

— Мне все равно, — проговорил тот безразлично и поднял теперь бокал с минеральной водой. Будто издалека, он смотрел на Жаксыбая, который что-то заказывал, на официантку, все аккуратно записывающую в маленькую книжечку.

Раньше Арман так, залпом, не пил. Обычно он любил протянуть удовольствие, горячо и подолгу беседовал со своими компаньонами. Не терпел, когда ему возражали. В противном случае пускал в ход кулаки. Жаксыбаю однажды “посчастливилось” испробовать их силу.

И сейчас, когда он заметил явно недобрый взгляд своего приятеля, то не на шутку струхнул. Опасаясь,

что дружок и на этот раз что-нибудь выкинет, отодвинул его бокал и поставил рядом маленькую рюмку.

— Больше пить не буду,— заверил его Арман.

Жаксыбай и сам бы этого хотел, тем не менее вслух произнес:

— Так не пойдет. Один я не пью. Ты обязан хотя бы поддержать меня.

Арман неожиданно вспомнил слова Кунтуара, которые тот говорил на могиле матери, и... начал повторять их вслух. Жаксыбай старался разобрать, что же это человек бубнит себе под нос? Но, так ничего и не поняв, еще больше испугался: “Совсем опьянел!”

Официантка принесла холодные закуски. Арман выпил еще рюмку, затем — еще. И вдруг неожиданно резко схватил Жаксыбая за борта пиджака, притянул его лицо к своему и, впившись в него взглядом, спросил:

— Ты что это там говорил недавно о сыне, который убил свою мать?

Жаксыбай не понял. Лишь подумал: “Он и вправду пьян, как свинья” — и хотел было встать.

— Я как будто ничего обидного для тебя не говорил...

— Нет, я не обижаюсь. Но ты, кажется, сказал: “Сын, убивший свою мать...”

— А! Да это не мои слова, — вспомнил Жаксыбай разговор в начале встречи. — Я их у кого-то вычитал. — По привычке всегда все сваливать на кого-нибудь, он и здесь поступил так же. — Если не забыл, есть такой афоризм: “Когда рождаются дети — мать радуется. Когда умирает мать — дети горюют”.

— Хорошо сказано... — бормотал Арман. — Да, да, справедливо. Конечно, рождается ребенок — это радость! А умирает мать — горе, неизлечимое! — Глаза Армана снова загорелись злобным огнем. Он, как в первый раз, готов был накинуться на Жаксыбая. — А

возможно ли, скажи, наоборот: рождается ребенок — мать огорчается; умирает мать — дети радуются?

— Почему бы и нет? В жизни и такое, конечно, бывает. Разве мало матерей, которые отказываются от своих младенцев? Есть и детки, которые рады-радешеньки, когда умирает их мать. “Наконец-то, — думают, — имущество досталось мне!” Вспомни хотя бы иностранные фильмы об этом...

— Так это ино-стран-ные! А у нас если и есть, то... не должно быть!

— Бывает и у нас такое.

— Не должно быть!

— Но ведь бывает!

Оба незаметно для себя разгорячились. Арман неожиданно хлопнул ладонью по столу.

— Это невозможно! — крикнул он, вытаращив глаза на дружка. — Если и бывают такие дети, то это не люди!

Жаксыбай спохватился и деланно засмеялся.

— Конечно, конечно, — миролюбиво заговорил он, — о чем разговор! — И вдруг весь засиял: — Смотри, смотри, какая краля! Да она не сводит с нас глаз!

Все еще озлобленный, Арман повернул голову в сторону, куда указывал Жаксыбай. От неожиданности он почти задрожал. Несколько парней в накрахмаленных сорочках и знакомая ему компания женщин сидели за столом в центре зала. Среди них — Биби. Заметив, что Арман узнал ее, Биби поднялась и медленно, будто нехотя, пошла к нему, обращая на себя внимание окружающих.

— Здорово, Армаш! — поприветствовала она небрежно, пододвинула поближе стул и, не ожидая приглашения, села. — Сочувствую твоему горю. Приходила к вам, хотела поддержать в трудную минуту. Но... хозяйка у тебя лютая. Накинулась и выгнала меня.

— Знаю... Чего человек не сделает в горе.

— Она в горе, а я радуюсь, что ли? Человек в любом случае должен уметь себя держать.

Заиграла музыка.

— Потанцуем? — предложила Биби.

Он почувствовал, что пьян, — не стоило бы идти танцевать, и потом... эта Биби... Но женщина уже ухватила его за руки и вывела на середину зала. Он не сопротивлялся.

— Я такая несчастная, — говорила она тихо.

— Почему?

— Как это почему? Мать Жагыпара, как узнала о смерти твоей матери, тоже чуть не умерла от приступа. Сыночек ее во всем обвинил меня и потребовал развод. После суда взял свою старуху и укатил куда-то. Представь, у кого-то больное сердце, а я виновата...

Оркестр играл какую-то сентиментальную мелодию. Биби, качаясь в медленном ритме, шепотом продолжала приговаривать в такт плавным па:

— Я такая несчастная... Осталась одна на всем белом свете!

Арман молчал, пожимая ее руки. Он толком не знал, что сказать, чем утешить Биби. Собственное горе, еще не растаявшее в груди, сжимало сердце...

— Конечно, — ворковала между тем Биби, — если подумать, то я не такая уж и несчастная. — Она заглядывала ему в глаза, ловила его взгляд. — У меня есть мой Арман. Правда ведь? А я... Только ради тебя и развелась с Жагыпаром...

Из ресторана они ушли вместе. Ни завтра, ни послезавтра ни домой, ни на работу Арман не явился.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Казахи говорят: “Что увидит птенец в гнезде, то он и будет делать, когда вылетит”. Не случайно родилась народная мудрость. Пример старших в семье заразителен. Хороший пример — дети растут здоровыми душой и телом, дурной пример — знай, что пойдут по жизни, как говорится, с вывихом в душе. Характер, привычки старших, их взгляды на жизнь — все с жадностью впитывают ребятишки. И, будучи взрослыми, делают свои выводы, дают свою оценку поступкам родителей.

После смерти Акгуль Кунтуар дважды заходил в дом к Ергазы. Несмотря на прежние их отношения, думал: “Надо навестить, развеять его горе...” Но... ни разу дома Ергазы не застал. А тут встретился один из старинных друзей. Поговорили о том о сем. Вспомнили о бедной Акгуль, пожалели безвременно овдовевшего ее мужа. Несколько смущаясь и волнуясь, старый друг сообщил Кунтуару:

— Поговаривают, что он не особенно-то горюет о покойной... Оказывается, чуть ли не сразу после похорон стал проводить время у своей новой секретарши!

— А-а, люди горазды наводить тень на плетень,— ответил Кунтуар.— Ему, представь, тоже не сладко оставаться в доме, где все так напоминает любимую жену.

— Но почему же,— настаивал на справедливости своих слов друг, — Ергазы не уходит из дома, скажем, к тебе или ко мне? А эта женщина ему — не родня и не близкая! Что он забыл у нее?

— Брось, это все сплетня! — отрезал Кунтуар. Однако в тот же день услышал, как непристойным поведением Ергазы возмущались и другие их общие знакомые. Ему до боли в сердце стало обидно за Акгуль.

“Какой же этот Ергазы все-таки жестокий человек! Говорит одно, делает другое. На лице — словно маска. Как это я уже сорок лет не могу разглядеть, что у него там, под маской? Нечего сказать: хорош пример для сынка. Тот, бедняжка,— одно слово только, что человек с высшим образованием. На самом деле вырос ни к чему не приспособленным, пьяницей. Надо поговорить с парнем, хотя бы ради памяти о его матери. Да ведь и Жаннат выросла на моих глазах, почти дочь мне. Нельзя забывать о них”.

Но на другой же день после этого решения Кунтуар спешно уехал в экспедицию. Причина была слишком важной: Михайлов сообщил, что есть новые археологические находки.

В Кайракты он пробыл три месяца. В самое тяжелое для молодой семьи время не оказалось рядом такого надежного старшего друга, каким был бы Кунтуар.

Волновался археолог не напрасно. Вскоре после смерти Акгуль Ергазы позвал к себе Армана и Жаннат.

— Дети мои,— обратился он довольно мягко,— все это время, пока мы жили вместе, я ничего не жалел для вас. Много ли, мало ли зарабатывал — все было вашим. Всех нас в этом доме собрала, объединила Акгуль. Теперь ее нет...—Он помолчал, будто не в силах говорить от тяжких переживаний.— Судьба внесла в наш дом разлад. Когда он случается даже между мужем и женой, они расходятся. А я не смог, Арман, стать тебе настоящим отцом, ты мне — сыном...— Ергазы опять смолк, как бы не в силах одолеть выпавшую на его долю трудность.— В общем,— уже решительнее заговорил он,— я еще надеюсь иметь собственных детей, свой теплый очаг. Решил вот жениться. А если у нас будут разные казаны, то и интересы пойдут врозь.

Я думаю, вам надо жить самостоятельно, хватит, помог... теперь идите. Квартиру, думаю, найдете. А взять из дома можете...

Арман сидел с опущенной головой и никак не реагировал на слова отчима. Да и что он мог возразить или сказать, когда даже не представлял, какие трудности могут ожидать их впереди.

В тот же день, как только Арман и Жаннат с детьми покинули дом, Ергазы привел секретаршу с ее восьмилетней дочерью.

— Девочку отдай в интернат,— сказал он молодой супруге.— Пора и самим пожить... Для себя...

В Кайракты стояли сухие и жаркие дни, когда сюда приехал Кунтуар. Дул южный удушливый ветер, но археолог ничего этого не замечал. Сойдя с машины, забыв усталость с дороги, он бодро шагал за Михайловым. Место, где нашли новые памятники, было чуть южнее лагеря. Этот невысокий курган на равнине привлекал внимание Кунтуара и раньше. Он всякий раз, проходя мимо, говорил себе: “Надо и здесь хорошенько все исследовать”. В то же время предполагал, что раз курган небольшой, то, самое многое, он принадлежит к эпохе бронзы. Ученого же интересовал более ранний период.

Молодец все-таки Михайлов! Он прорыл траншею вокруг холма и обнаружил огромный, по пояс человеку, камень. По обе стороны от него — две каменные стелы. Нет сомнения, это свидетели мира, существовавшего раньше саков. Между камнем и стелами в ветреные дни время намело этот холм на равнине. Такие курганные камни и стелы Кунтуар видел и раньше. Они не редкость в Сарыарке, особенно на берегах Ишима и Тобола. По предположениям историков, большинство из них относятся к эпохе кипчаков и усуней. Некоторые ученые считают, что эти памятни-

ки принадлежат даже племени чудь. Утверждать, что жил когда-то этот народ на земле казахов, конечно, трудно. Но если памятники действительно принадлежат племени чудь, то культура их должна быть значительно выше всех соседних с ними племен.

Из легенд известно, что чудь населяли земли Арки по соседству с Сибирью. Каким же образом эти находки, так похожие на их памятники, оказались здесь, на берегах Сырдарьи? Если допустить, что чудь жили от берегов Есиля¹ и Тобола до самой Сырдарьи, то, значит, это был очень многочисленный народ. И опять загадка. Если народ многочисленный и, надо полагать, жизнестойкий, то не мог он оставить после себя только эти символические камни. Должны быть и другие его памятники!

Или в этих местах жил еще какой-то народ, родственник чудь, с близкой им культурой?

Скорее всего, это были кочевые племена. Где же их захоронения, где кладбища? Или они, как древние монголы, оставляли умирать стариков на вершинах гор, а то и в пустыне? Может, поклонялись огню и сжигали трупы, развеяв пепел?

Кунтуар с интересом, долго рассматривал каменные изваяния. Но пока они молчали, не раскрывая своей многовековой тайны... Ученый логически развивал каждую новую мысль. Вместе с тем во многом сомневался, что-то отвергал и снова цеплялся за чуть мелькнувшую в глубине сознания догадку: “Чудь считается прогрессивным для своего времени народом. А думали ли они, эти далекие предки, оставившие нам в наследство свои вековые памятники, о будущем, о своих потомках? Или эти памятники — всего-навсего случайность?”

¹ Древнее название реки Ишим.

Размышления Кунтуара прервал Михайлов.

— Здесь есть интересное место, прикрытое четырехугольным камнем,— сообщил он.— Обнаружил его случайно. Начал просто рыть, слышу — лопата стукнулась о камень. Я все замаскировал, прикрыл, чтобы никто не натолкнулся до вашего приезда. Внизу, наверное, колодец какой или клад спрятан.

— Где?!

— Вот здесь.

Василий быстро раскидал лопатой щебенку и песок, внизу показался красноватый камень. Он был не сплошной, а состоял из четырех правильных частей.

— Не пробовал поднять плиту?

— Пробовал. Она и не шелохнулась. А в глину возле камня не то что лопату, даже лом не воткнуть. Скорее всего, здесь протекала река. Глина зацементировалась.

— Тогда начинайте рыть вот этот участок. Если и здесь трудно будет взять лопатой или ломом, то осторожно, чтобы не сломать камень, взорви на полметра почву...

— Хорошо.

Они отошли и присели неподалеку от кургана. Бронзовое от загара лицо Михайлова сейчас блестело на солнце. Василий довольно улыбался, подставляя грудь жаркому ветру, будто этот злой суховей и в самом деле мог принести желанную прохладу. Кунтуар бросил рядом пиджак и тоже расстегнул ворот рубашки.

— Значит, через два года на этом месте построят плотину и все окрестности затопят водой?

— Да, здесь запланирована грандиозная стройка,— ответил ученый — люди смогут тогда освоить эти бескрайние степи и пустыни, поднять экономику районов, прилегающих к Сырдарье. Поэтому важно поскорее за-

кончить и археологическое обследование местности. А то сами не будем знать, что похоронили на дне рукотворного моря.

Михайлов с восхищением смотрел на Кунтуара. С каждым днем он все больше интересовался профессией археолога-исследователя и не переставал удивляться ее ценности для народа. Он теперь был глубоко убежден в том, что люди непременно должны знать о своем прошлом. И потому так любил беседовать с Кунтуаром об археологии. Не получивший образования в юности, Василий слушал рассказы ученого о битвах и поражениях, о разрушениях и древних цивилизациях. Под влиянием этих бесед заметно менялись его взгляды на жизнь, суждения. Даже характер стал иным.

Кунтуар чутко улавливал все изменения, происходящие в парне. И с еще большим удовольствием читал своеобразные и доходчивые лекции перед своим благодарным слушателем.

Вот и сейчас между ними завязался разговор.

— Конечно, найти и оставить потомкам памятники древности — это здорово, — говорил Василий. — Но если бы была такая наука, которая помогала людям узнавать не только то, что было пять тысяч лет назад, но и то, что будет хотя бы через сто, через тысячу лет... Вот это была бы служба прогрессу!

Кунтуар улыбался каким-то своим мыслям, глядя вдаль, на ту сторону реки. Прошло некоторое время, прежде чем он произнес:

— Представьте себе, молодой человек, на свете существует такая наука. Называется она металлогения. Ученые изучают, какие металлы были найдены в данном районе земли в прошлом, где — имеются сейчас, предсказывают, где их можно будет добыть в будущем. Точно так же — зная прошлое и настоя-

щее данного народа, можно почти безошибочно предвидеть и его будущее. Можно заранее спланировать даже все богатства человеческого разума, энергии, счастья людей... Наукой доказано, что будущее человечества — это коммунизм. В первых рядах борцов за это будущее идут коммунисты. В нашей борьбе никогда нельзя забывать о связи времен. Сегодняшний день и прошлое народа — это связанные между собой эпохи.

Важное слово здесь остается за археологией. Возьми, например, Азию. Испокон веков считалось, что первые человеческое общество и культура появились здесь, на юго-востоке, в восточной и центральной части материка. По историческим и географическим условиям здешние люди не могли проникнуть в северную часть Азии, скажем, на Дальний Восток и в Сибирь. Однако не далее как в 1951 году на Дальнем Востоке были открыты археологические памятники, которые доказали, что человек здесь существовал еще сто — сто пятьдесят тысяч лет назад! Здесь он разжигал костер, жил, охотился!

— Не может быть! Как же узнали?

— Ты помнишь, я говорил как-то, что берега рек — первые помощники археологов. Здесь через отложения почв, через минералы и сами разрезы яра исследователь всегда может прочесть о прошлом, как по книге. Можно, например, узнать, какой был в этих местах климат тысячу лет назад — засушливый или влажный, было ли здесь наводнение или пожар, холод или жара. И вот на Дальнем Востоке, у деревни Филимошкино, по свежим обвалам берега реки археологи определили, что в этом месте когда-то находились поселения древнего человека. Начали рыть и вскоре обнаружили предметы времен каменного века! Потом подобные же находки были сделаны на

берегах Амура, в горах Алтая. Короче, ученые убедительно доказали, что человек проживал в Сибири и на Дальнем Востоке еще во времена палеолита! Нет, что ни говори, а у археолога имеются тысячи дорог в древнюю эпоху.

Сегодня, скажем, никто уже не спорит о том, что предками американских индейцев в эпоху неолита были выходцы с берегов нашего Байкала. В те далекие времена американский континент соединялся сушей с Азией в районе современного Берингова пролива. Через этот естественный мост между двумя материками люди общались между собой. Древние жители с берегов Байкала проходили в Америку. Это доказано современными этнографическими и антропологическими исследованиями. Найденные при археологических раскопках черепа подтверждают, что аборигены Америки были монголоидами. Теперь известно, что культура племен, населявших побережья Амура, Лены, Ангары, Зеи, не уступала культуре, таких развитых в то время государств, как Япония, Китай, Монголия. Скульптурные памятники этих древних народов, маски, орнаменты на посуде, найденное изображение нанайской девушки говорят о том, что культура в эти края пришла не из Китая, а является более древней. То есть китайцы заимствовали культуру у этих высокоразвитых для того времени народов Сибири.

Кунтуар замолчал и долго сидел задумавшись. Михайлов старался не прерывать его мысли. Наконец дождался минуты, когда ученый заговорил снова:

— Если расположить, к примеру, памятники разных эпох по времени их возникновения, то легко заметить, что и в Сибири, и на Дальнем Востоке никогда в развитии народов не прерывалась связь времен. Причем рождение древнего искусства здешних наро-

дов уходит в каменный век. Собственно, теперь ученые склонны утверждать, что первобытный человек обитал на севере Азии еще сто — сто пятьдесят тысяч лет назад. Но что же было в это время, например, в той же Западной Сибири или южнее — на казахской земле? Пока мы знаем лишь довольно поверхностные, общие сведения о народах, проживавших здесь каких-то пять тысяч лет тому назад. Строим предположения о культуре, которую приписываем им. А что было в этих местах раньше? Что было сразу после ледникового периода? Можно с уверенностью сказать, что каменная эпоха здесь сменилась эпохой бронзы. Но, возможно, существовала и вовсе неведомая нам культура? Ответить людям настоящего и будущего хотя бы на один из этих вопросов — моя мечта. Но успею ли?..

— Отчего вы вдруг так говорите? — спросил Михайлов. — Затопят территорию?..

— Не-ет, — ответил Кунтуар. — Все дело в том, что время уходит. Единственный сын не пошел по моим стопам. А чтобы свершить задуманное, одной жизни мало. Конечно, выйдут на мою дорогу и завершат поиск другие ученые. Но у исследователя есть свои, не раскрытые миру мечты. Я вот всю жизнь стремлюсь осуществить свою мечту, хотя она маячит мне всего-навсего малюсеньким глазком надежды. Только и знаю, что кочую за ней по степям Казахстана. Трудности, огорчения, неудачи... На пути к истине их всегда немало, но их надо непременно побороть, надо выстоять, выдержать...

— Я бы выдержал! Я бы обязательно выдержал! — вырвалось у Михайлова.

Кунтуар радостно посмотрел на парня.

Михайлов и еще четверо рабочих около десяти дней долбили твердый, как цемент, грунт между двумя

стражами древности — каменными стелами. Наконец отрыли плиту, составленную из четырех красных камней. Дальше дело пошло быстрее. Под плитой обнаружили четырехугольный колодец. Метра через два на южной стенке колодца наткнулись на каменную кладку. Ушло целых два дня, пока разрушили эту кладку из плотно пригнанных, скрепленных каким-то сероватым раствором камней. За камнями был скелет человека. Кости рук и ног лежали отдельно, впереди. У изголовья каменный топор и два сосуда из того же камня.

Кунтуар опустился в могилу, все там тщательно обследовал. Он был очень удивлен — захоронений такого рода ученый никогда не встречал.

В археологии известно три вида захоронений человека до времен скифов: прямые могилы, когда тело опускали в стоячем положении в глубокие колодцы; катакомбы-ниши, где рядом с трупом укладывали вооружение покойного, которое якобы пригодится на том свете, драгоценности — для умиротворения ангелов смерти. И наконец, третий вид захоронений: могилы укрепляли бревнами, можно сказать, строили настоящий дом, тело клали ничком, головою — на север.

Саки укладывали покойника на спину и головой на запад.

Кунтуар видел много захоронений древних сакков. Но никогда покойники в них не были уложены ничком, как в деревянных могилах, встречающихся на побережье Днепра и Днестра. И никогда их не клали на правый бок. Особенно удивил Кунтуара этот каменный топор, сделанный из нефрита. Топор был необычайно острым, с красивой отделкой на обушке. Конечно, это предмет времен каменного века. Топоры из нефрита археологи находили на Дальнем Востоке среди памятников Кондона. Только орнамент и форма

там были другие. К тому же точно установлено, что кондонский топор сделан из нефрита с берегов Байкала. Где же изготовлен этот? О том, что нефрита нет и никогда не было на берегах Сырдарьи, Кунтуару хорошо известно.

Неужели новые памятники — свидетельство неизвестной еще миру, открытой сейчас культуры? К какому же времени принадлежала она? Хотя, нет сомнения, топор и сосуды относятся к каменному веку. Но вот тип захоронения напоминает могилы кемирийских племен, живших в начале бронзового века. Поза же, в какой захоронен покойный, встречается только в деревянных могилах, характерных для середины эпохи бронзы. Что же получается? Здесь собраны вместе памятники разных эпох, начиная с каменного века (пять-шесть тысяч лет тому назад) и кончая временами скифов? Словно кто-то специально подшутил над старым археологом. Словно ему еще раз дали возможность убедиться в правильности мысли о связи времен, которую он так любил повторять.

Кунтуар распорядился замерить площадь захоронения, сфотографировать все на своих местах: и скелет, и топор, и нефритовые чаши. Останки древнего человека отправили в центральный антропологический музей. Находки заставили его вновь глубоко задуматься: возможно, саки, как и родственное им племя аргиппиев, превратились в кипчаков и затем — в казахов? Но какие есть всему этому доказательства? Доказательств все еще маловато. Однако кое-какие доводы являются довольно серьезными. Например, до сих пор казахи хоронят усопших точно так же, как западные саки, — в углублениях в стенке могилы. А захоронение в науке принято считать одной из характерных форм культуры народа. Близко по стилю и

искусство этих народов. У саков — “звериный стиль”, у казахов — “бараньих рогов” или “архаровый”. Кто может доказать, что один вид искусства не породил другой? Изображения людей, зверей, золотые и серебряные скульптуры в казахских степях не встречаются начиная с седьмого столетия. Но это еще ни о чем не говорит. Скорее всего, здесь сказалось влияние мусульманской религии, запрещающей рисовать человека и зверя. Тогда откуда же взялось изображение гордого теке¹ на золотом слитке? О нем издавна упоминается в сказках. Нужны еще многие доказательства. Надо обратиться к документам, трудам авторов, начиная от Геродота, искать новые археологические памятники. У казахов очень много слов с корнем “сак”. Надо хорошенько порыться и в словарях. Не прольет ли все это дополнительный свет?

Пока Кунтуар исследовал новые находки, Михайлов с группой рабочих тщательно очищал захоронение от земли.

Пожалуй, Василий и сам толком не объяснил бы, почему он первым приходит сюда чуть свет. Тянет его к раскопкам. До поздней ночи он — в который уж раз — ощупывает, выстукивает, очищает руками каждый миллиметр открытой ямы. Со стороны можно подумать, будто он потерял что-то чрезвычайно ценное и ищет сейчас. Василию же чудилось, что стены хранят важную тайну: “Зачем на могиле эти четыре плиты? И каждую из них не под силу поднять человеку... Сверху опять все покрыто зацементированным грунтом. Почему могилу так надежно укрыли камнями и замуровали сверху? Возможно, потому, что захоронен здесь вождь племени? Чтобы знали... Но об этом и без того кричат вот эти каменные стены”.

¹ Горный козел.

Михайлов проверил уже все стены могилы, спустился в нишу и стал бить ломом по дну. Удар, второй, третий и... лом заскрежетал о металлический предмет. Василий отбросил лом и начал руками разгребать землю — благо, грунт оказался мягким. Примерно через полчаса он обнаружил новую, более глубокую нишу... Внутри ее сверкали какие-то золотые вещи! В волнении парень снова слегка засыпал углубление и со всех ног бросился к Кунтуару.

Спустя некоторое время из могилы были извлечены кинжал, пиалы и другие золотые и серебряные предметы. Но ни один из них не был выполнен в “зверином стиле” и не относился к эпохе саков. Бурю мыслей и чувств вызвал у Кунтуара неотшлифованный золотой слиток, величиною с яйцо. Если бы в могиле был схоронен вождь саков, слиток обязательно был бы украшен рисунком в том же “зверином стиле”. Но древние люди положили слиток в первозданном, в его природном виде. Почему? Кунтуар взял его в руки, с улыбкой заговорил:

— Теперь уж ни Ергазы, ни его приспешники не скажут, что мы не приносим пользы государству. — И с благодарностью взглянул на Михайлова: — Быть тебе истинным археологом, Василий Иванович. Поздравляю от всей души! Сегодня ты опроверг мнение обывателя, что золото совратит с пути истинного даже ангела. Сегодня ты видишь в этом слитке нечто более дорогое, чем золото, — служение науке. Спасибо тебе сердечное, дорогой мой друг!

Когда несколько улеглось его первое волнение, Кунтуар проговорил в раздумье:

— В археологии дорого не золото, а то, о чем оно рассказывает миру. Судя по всему, получается, что в эпоху бронзы здесь существовала еще одна, вроде бы переходная культура. Конечно, все прояснят после-

дующие исследования. Пока бесспорно только одно: захоронение относится к первым векам эпохи бронзы.

— В таком случае откуда же здесь каменный топор и сосуды? Разве, это не свидетели каменного века?!

— Так-то оно так, — отвечал Кунтуар. — Загадок много. Но верю, раскроем и их.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Арман с той самой ночи, когда пришел к Биби домой, тут и остался. Родители только что прислали своей дочери очередную сумму денег. И молодые люди, не страшась завтрашнего дня, жили весело.

— Я хочу, чтобы ты развеялся, — говорила Биби, обнимая Армана. Длинными пальцами она зачесывала ему на пробор волосы, спадающие на лоб. — С нами за последнее время стряслись ужасные вещи... Надо все раз и навсегда забыть. Если все это нести в душе, можно сойти с ума!

Женщина взяла с тумбочки бутылку коньяка, налила в маленькие рюмки Арману и себе. Потом надкусила шоколадную конфетку и лукаво подмигнула:

— Половину — тебе!

— Прелесть ты моя! — Арман нежно обнял ее и прижал к себе.

— Нет, это ты награда за все мои мучения! — ласково ворковала Биби.

Так прошла неделя. Беззаботная и веселая. На восьмой день Биби предложила:

— Давай уедем отсюда, иначе все здесь будет напоминать о прежнем. Мои предки примут тебя с радостью!

В Армане взял верх его легкомысленный характер. Выпивки и веселье, объятия женщины, о которой столько мечтал,— все увело его от горя, дало возможность забыть тягостные дни. Арман боялся даже вспоминать о тех неурядицах, с которыми столкнулся недавно. Заботы о семье, работа на камнепилке казались сущим адом. Какой бы он ни был пьяный, а вспомнив об этом, сразу трезвел.

Предложение Биби представлялось тем единственным путем, который избавит его от всего прежнего. И Арман быстро согласился уехать из Кайракты.

А Жаннат сразу, как Арман не пришел домой, поняла, где он может быть. Что оставалось делать? Бежать к нему? Разыскивать? Просить вернуться? Нет, она не сделала этого сама и никого не просила об этом. “Что ж, пусть делает, что хочет, пусть!..”—думала Жаннат.

Однажды к ней зашла знакомая женщина и рассказала:

— Кажется, твой Арман с этой-то... собрались уезжать. Сидят с чемоданами в аэропорту.

— Вот и хорошо. Пусть уезжают, хоть видеть их не буду,—ответила Жаннат и вроде бы внешне на какое-то время даже успокоилась.

Только несколько дней спустя спохватилась: а может, зря не поехала в аэропорт и не привела его за руку домой? Он же бесхарактерный...

Да, нередко так и бывает. В самую критическую минуту любящее сердце не прощает. Оно обидчиво и не дает человеку возможности трезво подумать.

Как и говорила Биби, ее родители встретили нового зятя с распростертыми объятиями. Мать говорила: “Вот и у нас, слава богу, все устроилось. К дочери пришло, наконец, счастье”. А после того, как узна-

ла, что Арман — сын профессора Ергазы, и вовсе воспрянула духом. Раньше она всякий раз тяжело вздыхала, вспомнив о своей единственной, похожей на нее, дочери, которая вышла замуж за обыкновенного “аульного учителя”... Теперь, думалось ей, дочь приобрела, наконец, надежную опору в жизни.

Правда, обычно тихий, муж ее нет-нет да возмущался тем, что в течение года дочь дважды выходит замуж. Женщина зло спрашивала:

— А чей же это у нее характер? Не твой ли, дорогой мой?

Муж сокрушенно отстранившись, тихо мямлил:

— Я женился только раз.

— По-твоему, Бибижан виновата, что ей не понравился первый муж? — вызывающе спрашивала мать, стоя подбоченившись, с закатанными по локоть рукавами посреди комнаты. Было такое впечатление, что она сейчас кинется врукопашную защищать “свою единственную” от самого что ни на есть лютого врага.

— Если не нравится, зачем надо было выходить за него?

— Ты забыл одно: Бибижан еще наивное дитя. Кто в ее возрасте не ошибался? Откуда было знать, что она выходит замуж за плохого человека? Да что она? Даже я, несчастная, разве знала в свои двадцать лет, что, выйдя за тебя, буду жалеть об этом всю жизнь?

— Однако ж ты меня не... бросила!

Жена чуть отошла в своем упрямстве:

— Молись богу, что родился таким счастливым!

На этом спор и закончился.

Около двух месяцев Биби и Арман на работу не устраивались, отдыхали. Словно приехали не из Кай-

ракты, где сотни таких же молодых людей жили и трудились на большой стройке, а из вынужденной ссылки. И комары-то там, и всякий гнус кусали их до волдырей, песчаные бури не давали открыть глаза, ветры сбивали с ног, зной испепелял душу... Мать Биби с ног сбилась, поднося на тарелочках то одно, то другое. “Еще успеете, наработаетесь! Работа не верблюд, в степь не убежит! Еще свое в жизни отмучаетесь!” — говорила она.

В доме, что ни день, — гости. То у кого-то день рождения, то встреча с одноклассниками, то праздники.

Однажды после часового ворчания отца мать спросила:

— Доченька, вы хоть в загсе-то зарегистрированы?

— При чем, мама, тут загс? — с превосходством челоывека, понимающего толк в жизни, спросила удивленно дочь. — Мы любим друг друга, и это главное.

Слова звучали вроде бы убедительно, однако посеяли в сердце матери сомнение и тревогу. Она попыталась даже возразить:

— Конечно, это так. Но ведь супружество надо и узаконить!

— Успокойся. Загс, как и работа, никуда не уйдет. Надо сначала получше узнать друг друга. Убедимся окончательно в своей любви, тогда можно и зарегистрироваться. Не в бумажке же счастье. Пошла я по вашему совету в этот самый загс с Жагыпаром. И что получилось? Одна морока. Еле-еле добилась развода...

Надо бы матери возмутиться, возразить: “Разве молодые люди узнают друг друга не прежде, чем поженятся?” Но для этого, видимо, надо, чтобы перед

нами сейчас была другая мать. Эта, другая, не только бы возмутилась, она бы ужаснулась: “Да откуда все это у тебя?!”

Мать Биби думала лишь о том, что внешностью ее дочь понравится хоть кому. Не один — так другой, не другой — так третий... Нет, в жизни ее дочь не пропадет, не даст себя в обиду! И ответила спокойно:

— Да это, пожалуй, тоже правильно. Никаких заговоров мы с твоим отцом тоже не знали. А прожили, слава богу, больше двадцати лет. Только недавно добрые люди подсказали: “Вдруг с вашим мужем что-нибудь случится, он возьмет и скоропостижно умрет?! Останетесь без пенсии, раз сами никогда не работали”. Вот тогда мы только и зарегистрировались.

Как ни странно, но Арману, наконец, надоело безделье и каждодневная пьянка. Спустя два месяца после “отдыха” он попытался устроиться на работу. Однако и трудиться вскоре тоже надоело. У него появились прогулы, которые все учащались. Арман больше стал бывать в ресторанах, чем на работе. У пьющего всегда своя компания. И Арман быстро нашел товарищей по выпивке. Наконец решил: “Эта работа не по мне” — и перешел на другую, на завод. Руководители предприятия сначала рассудили, что новоявленные “молодые кадры” нуждаются в воспитании. И применили весь свой арсенал воздействия: нового рабочего с дипломом о высшем образовании предупреджали, ему выносили выговор, его обсуждали... Устав от всего, а может, устыдившись, что столько усилий ухлопали впустую, выгнали Армана с завода.

С полмесяца он снова болтался без дела, потом по протекции отца Биби устроился в музей. Однако дол-

го не продержался и тут. Ему казалось противоестественным с утра до вечера быть привязанным к одному занятию. И вместо того чтобы специализироваться на новой работе в музее, просто-напросто перестал туда ходить. Он знал, что тонет, но бороться с самим собой у него не было сил.

Арман запил. Нет, Биби было вовсе не до него. У той появились свои заботы, свои интересы и развлечения.

Так прошло еще несколько месяцев. Отношение родителей к молодой паре резко изменилось. Особенно озлобилась против зятя мать Биби. Что было делать Арману? Попросить еще раз тестя: мол, устройте на работу — стыдно. Да и бесполезно все это — осознавал Арман. Он находился на распутье, не в силах сам помочь себе. В этот-то момент Биби и сообщила ему как о давно решенном:

— Пора расставаться. Ты мешаешь мне устроить жизнь. Я встретила, наконец, настоящего человека. — Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она спокойно продолжала накладывать на лицо крем...

Удивительно! Если бы Биби сказала это с вызовом или со злом, он, может, и завелся бы. Но сейчас отреагировал — точно как и она. Ни злости, ни волнения. Будто он уже знал, слышал от нее эти слова. Куда же подевалась любовь, трепетавшая в их сердцах всего несколько месяцев назад?! Ведь ради этого чувства он бросил Жаннат, сыновей и поехал сюда за Биби! Неужели чувство было ложным? Сейчас вдруг вспомнилось, как он впервые встретил Биби, как решил, что нашел в ней не только женщину, но и друга, единомышленника. У них были одинаковые взгляды на жизнь... Беда, конечно, что он ни разу не подумал, насколько правильны были эти взгляды на жизнь.

И все-таки Арман не предполагал, что расставаться с Биби ему придется вот так. Он молчал, озадаченный обыденностью тона своей бывшей возлюбленной.

— Я знаю, тебе придется туго,— равнодушно, почти безучастно говорила между тем Биби.

— Почему это? — попытался он хоть что-то возразить.

— Ну, как ни говори, а любили же друг друга... Да и денег у тебя нет.— Исчезли и кокетство, и голос воркующей голубки.— Мой папан подбросит монеты на дорогу, лишь бы ты побыстрее отчаливал отсюда.

Взгляд Армана упал на зеркало, и он не узнал в нем себя. После многодневной пьянки лицо было отечным. Рубашка несвежая, помятая. А темносиний костюм — один стыд... Только название, что костюм. Весь лоснился, на рукавах и бортах пятна не то от вина, не то от еды... Вспомнил, как радовалась мать, когда купили этот костюм! Как бережно — не сжечь бы, не испортить — его утюжила Жаннат...

Он холодным взглядом окинул стоявшую рядом с ним — теперь чужую — женщину. По ее виду нельзя было даже сказать, что она в горе от разлуки с человеком, которого еще вчера любила. Злость на себя и Биби переполнила сердце Армана. Он поднялся с места:

— Я не нуждаюсь в помощи твоего отца! В Кайракты доберусь и без вас.— Он в сердцах плюнул и пошел из этого опостылевшего дома.

— Фу, Армашка... — лениво протянула Биби.— Какой невоспитанный...

Арман занял денег у знакомого своего отчима и самолетом прилетел в Кайракты. День был, как обыч-

но ранней осенью в этих местах, жаркий и душный. Арман пришел к автобусной остановке, присел на скамейку. Несколько автобусов уже ушло в город, он пропустил их. Сидел и думал: “Куда поехать? Домой?” Но как он переступит порог? Один вид чего стоит, а дела — и того хуже...

Предположим, он отбросит стыд и, закрыв на все глаза, придет в дом. Но что делать, если Жаннат просто-напросто выгонит его?! Ведь за эти долгие месяцы она могла и устроить свою судьбу — выйти замуж!

“Не-ет, нет, только не Жаннат!” Он бессмысленно смотрел на землю, на небо, на чуть шелестящие, словно что-то нашептывающие ему карагачи над головой. Ответа не находил. “Действительно, куда же поехать? Хоть ложись на этом месте — и умирай!”

Он испугался этой своей мысли о смерти. “Нет, нет,— произнес вслух, будто уговаривая себя, — умирать еще рано! Не жил еще вовсе! Тьфу, какая чепуха лезет в голову!”

Перебрав все варианты, представив и их последствия, Арман выбрал один — поехал к Жаксыбаю. Как говорят, рыбак рыбака видит издалека. Он решил, что друг по несчастью лучше всех поймет его теперешнее состояние.

Жаксыбай был дома. Он переживал тот период, когда, разведясь с очередной женой, еще не успел найти новую подругу. Не очень-то обрадовало дружка появление в его доме помятого и опустившегося Армана. Кроме того, хозяин сразу определил, что в карманах этого пьянчужки гуляет ветер, что за душою у него нет и ломаного гроша. Поэтому первым желанием Жаксыбая было во что бы то ни стало отделаться от Армана. Но... не скажешь же сразу

“уходи!”. Как-никак, а было у них что-то общее. И Жаксыбай вскипятил чай, вылил в рюмку Армана немного водки, оставшейся в бутылке после вчерашней попойки.

Арман принял все это с благодарностью. По телу разлилось блаженное тепло, настроение поднялось. У него появилась жгучая потребность рассказать другу обо всем, что с ним случилось. В конце он стыдливо попросил:

— Пока чуть огляжусь и подыщу работу, разреши пожить у тебя?

— Живи,— нехотя ответил Жаксыбай.— Только... договоримся. Примерно через день в вечерние часы ты у меня не появляйся. Гуляй где хочешь, а в дом не заходи. Согласен на такое предложение?

— Хорошо,— покорно кивнул головою Арман, догадываясь, почему вот так, по расписанию, его выставляют за дверь.

— Сегодня ты тоже исчезнешь.

— Хорошо.

Днем Жаксыбая дома не бывает. Он весь в бегах, весь в работе — без устали строчит какие-то сценарии и монтажи для дворцов культуры и клубов, составляет либретто для танцевальных коллективов, интермедии, скетчи и прочее. Но уж коли заколотил копейку, тут же находит какую-нибудь знакомую девицу и прямиком тащит ее в ресторан.

Дня три Арман не выходил из дома Жаксыбая, кроме тех, оговоренных при первой встрече, часов. Он отоспался, привел себя в порядок. Старался не пить — да и Жаксыбай не особенно был с ним щедр в этом отношении. Наконец стал думать, куда пойти на работу.

И вот однажды, вынужденно прогуливаясь по улицам, все в те же оговоренные вечерние часы, Ар-

ман лицом к лицу столкнулся... с Ахметкали. Хотел было пройти, но старый рабочий сразу узнал его:

— Дорогой мой! Да ты ли это, Арманжан? — говорил обрадованно мастер.

“Арманжан!” — отозвалось в сердце парня, и оно заныло. Так всегда называла его мать. Арманжан... Сейчас это теплое, ласковое обращение, произнесенное устами старого Ахметкали, снова воскресило былое. И, словно вылетевшие стаей веселые птицы, перед Арманом мигом пронеслись его беззаботные, счастливые дни. На глаза навернулись слезы. Он постеснялся даже взглянуть на старого рабочего и только ответил голосом, полным неутешных страданий.

— Да, Ахметкали-ага, это я.

— Жив, оказывается! Где ты, чем занимаешься? Как дети, жена? Все здоровы? — мастер засыпал его вопросами.

Арман, потупясь, молчал.

— Чего это ты, будто воды в рот набрал? — забеспокоился Ахметкали.

Месяц вынырнул сквозь разрывы облаков, осветил все вокруг. Ахметкали всплеснул руками:

— Худющий-то, испитой прямо. Что с тобой?

— Судьба жестоко наказала меня, — отвечал через силу Арман, так и не смея взглянуть на мастера.

— Да, чую, с тобой, брат, что-то неладно. Прямо не узнать. Говори же, что случилось?

Они медленно шли по тихой улице. И Арман доверительно рассказал старому мастеру все.

— Вот до чего я дошел, — закончил он свою исповедь.

— Ну и ну, наломал дров, — недоуменно сказал Ахметкали. И долго молчал, сосредоточенно нах-

мури в брови.— Здесь сразу-то и не найдешь что посоветовать. Как говорила одна старуха: “Проклясть — единственный, не проклясть — поганый”. Ругать тебя — жалко, и так одна тень осталась. Не ругать — сердце не терпит твоей подлости... Да тут хоть ругай, хоть проклинай — все без толку, если сам за себя не возьмешься.— Ахметкали снова помолчал — Не понял ты, оказывается, сколь много тебе в жизни было дано. Ценить ее не научился. А ведь мог... Не без способностей же... мог занять свое место в жизни. Каждый человек должен занять свое место. Неважно, ученый ты или рабочий. Но если знаешь свое дело — уже можешь гордиться этим. В прошлый раз какую изумительную скульптуру сработал! Выразительность какая! Я решил, что ты дело свое нашел. Думал, выйдет из парня настоящий специалист, настоящий человек. А ты...— Ахметкали сокрушенно махнул рукой и отвернулся. — Потом,— продолжал он,— это ужасно: взять и просто так, ради собственной блажи, бросить жену. И из-за кого? Из-за какой-то размалеванной куклы, попугая. Любовь, говоришь. В таком случае как же ты женился на Жаннат, без любви, что ли? Если и вправду не по любви, то зачем женился? Нет, дорогой мой, семья — не хвост петуха, верти куда хочешь. У тебя, видно, ни в тот, ни в этот раз не было настоящей любви, а так... Потом,— Ахметкали с суровым укором посмотрел на Армана, — как это ты смог оставить детишек! Казахи говорят: дети — часть твоего сердца. Как же ты ушел от них со спокойной душой?

Арман молчал, но каждое слово Ахметкали попадало в цель, и парень весь горел от стыда. “Все верно, все очень правильно говорит этот добрый человек. Разве я думал о детях? Игрушки им ни одной не купил, на руки их ни разу не взял... Не отец, а отчим. Как

говорила бедная мать, при жизни своей оставил собственных детей сиротами”.

— Начни все сначала. Иди работать, вернись в семью.

— Кто меня там ждет... Вряд ли согласится на это Жаннат. Не принес я ей счастья.

— Это уж точно. Но если Жаннат любит тебя, она простит все. — Ахметкали даже чуть повеселел. — Радуйся, что такая молодая и красивая женщина все еще не вышла замуж. Наверное, все-таки любит тебя, шалопая.

Арман почти вскрикнул, так как мастер ответил на терзавший его вопрос:

— Неужели не вышла?

Ахметкали понял, как рад Арман. И засмеялся:

— Думаешь, все такие, как ты: хватай любого, кто только вспорхнет около тебя голубем?

Через три дня Ахметкали уехал на курорт в Крым. Однако перед этим все-таки успел устроить Армана на работу. Он был уверен, что человек получил от жизни крепкий урок, теперь будет более добросовестно относиться к делу. И в семью вернется.

Не знал того старый мастер, что он и на этот раз ошибся...

Поначалу Арман был рад, что его приняли на прежнюю работу. Он решил немного прийти в себя, а потом уже искать пути к примирению с Жаннат. Парень упорно следовал намеченному плану и старался не пить. Однако через полмесяца, после первой полочки, Жаксыбай заявил своему квартиранту:

— Сегодня вечером приезжает на курсы методист Дворца культуры. Жить в общежитии ей не хочется. Так что подыскивай себе другую комнату.

Делать нечего. Арман оделся, вышел на улицу, и

снова перед ним встал все тот же вопрос, куда идти? Может, все-таки решиться — к Жаннат? Нет, что он скажет ей? Явился гол как сокол? Чтобы осмыслить все спокойно, решил сперва поужинать в ресторане.

Настроение — хуже некуда. Чтобы хоть чуть подбодрить себя, заказал сначала пива, потом... водки.

Он не помнит, сколько там просидел. Когда ресторан закрывали, ночной сторож вывел Армана на улицу. Ноги пьяного еле передвигались.

Час спустя его повстречала Жаннат, которая возвращалась после ночной смены домой.

Когда Жаннат узнала, что Арман и вправду куда-то уехал с Биби, она чуть не умерла от горя. Осунулась, похудела. Еще бы — муж сбежал, любимая свекровь умерла, свекор привел домой молодую жену и предложил уйти.

Да что с него взять... Но к кому же пойти, с кем посоветоваться? Только вчера Жаннат не знала нужды и забот, а сегодня тысячи тревог свалились на ее плечи. Она было растерялась, как путник в темноте, не находя выхода.

Но жизнь в определенные моменты требует от человека напряжения всех его сил. И то, что недавно казалось Жаннат невозможным, легко подчинилось воле и разуму. Да и дети не давали горевать долго. Они, как всегда, несли с собой не только заботы, но и радости.

Как-то однажды приятельница пригласила ее во Дворец культуры. Сказала — есть лишний билет. Жаннат хотела отказаться, а потом — не устояла. Пристроила ребятишек на вечер к соседке и пошла. Бледное лицо ее оттеняло черное платье, которое украшало любимое ожерелье.

После первого акта драмы “Козы-Корпеш и Баян-слу”, поставленной местным кружком самодеятельности, Жаннат с подружкой вышли в фойе.

— Зайдем в буфет,—предложила приятельница. — Хочу взять что-нибудь детям. И ты своим ребятишкам...— Женщины направились к буфетным стойкам.

— Верно, они же теперь ни за что не заснут, будут ждать нас,— поддержала Жаннат и вдруг осеклась, замолчала, словно замерла на месте.

Навстречу шел молодой человек, стройный, высокий. Навстречу шел Даниель. Он о чем-то думал, глядя себе под ноги.

— Данеш! — воскликнула неожиданно для себя Жаннат.

Даниель поднял голову. Его обдало жаром.

— Жаннат! — Казалось, он задохнулся от охватившего его волнения.

Это была их первая встреча после разговора в экспедиции.

— Я разделяю твое горе,— начал Даниель, но спохватился: “Вдруг подумает, что сожалею о ее разлуке с мужем...” — и поспешил добавить: — Акгуль-апай была исключительным человеком. Я очень хотел прийти тогда, но так и не решился.

— Много ли для этого надо было решительности...— грустно проговорила Жаннат.— Давно ты в нашем городе?

— Приехал три дня назад...

О чем еще говорить с Даниелем, Жаннат не знала. То, о чем хочется, — не скажешь. Больше всего ей сейчас не терпелось узнать, женился ли он. И если бы это была прежняя Жаннат, она бы обязательно спросила об этом. Но стояла не прежняя — другая Жаннат.

— Когда уезжаешь? — поинтересовалась она только потому, что не нашла других слов.

— Я побуду здесь некоторое время. Вышла первая моя книга, о саках. Я привез ее отцу. Собираю материал для второй книги, а он весь — в ваших краях.

— Вышла книга? Поздравляю! Может, подаришь мне ее? Пожалуйста!

— Конечно, подарю.

— Когда?

— Если разрешишь, могу занести домой.

— Да, да, завтра после обеда я буду дома. Запиши адрес.

Даниель чуть смутился:

— У меня есть твой адрес:

Откуда ей знать, что для него все еще нет на свете никого дороже, кроме его Жаннат? В прошлом году, когда с отцом был в экспедиции, услышал, что Арман с женой получили квартиру. Даниель тогда надеялся хоть издали увидеть Жаннат и взял адрес у общих друзей. Часа два кружил вокруг дома, но Жаннат так и не показалась на улице. Зайти в квартиру не посмел.

— Коли адрес известен — приходи. Буду ждать, — все так же грустно произнесла Жаннат. Они распрощались и разошлись.

— Кто это? — спросила подруга, которая была свидетельницей разговора.

— Да, один... Когда-то был влюблен в меня.

— Когда-то! Да он и сейчас любит тебя! Я же заметила: только увидел, сделался как полотно. И пока разговаривал: то побелеет, то покраснеет, бедненький.

Назавтра в назначенное время Даниель занес обещанную книгу. Но... у Жаннат как раз сидела та жен-

щина, с которой она была вечером в Доме культуры. И поговорить, о чем хотелось, не удалось. Так он и ушел. Сообщил только, что скоро выезжает к отцу в экспедицию, пробудет там около месяца. А вернется — снова зайдет к ней. Жаннат пообещала, что до этого обязательно прочитает его роман.

Она сразу села за книгу, как только ушел Даниель. Ей хотелось хоть из написанного им узнать, о чем этот человек думает, о чем мечтает и что больше всего волнует его в этой жизни. Чем дальше читала, тем больше прочитанное захватывало воображение.

Автор сожалеет и скорбит о поругании самого светлого чувства юности — любви. Перед Жаннат все ярче вставал со страниц книги образ основного лирического героя, связывающего повествование о прошлом с сегодняшним днем. Этим героем ей виделся сам автор. Каждое слово, которое он говорил сейчас Жаннат со страниц романа, находило самый горячий отклик в ее душе. Автор словно притягивал ее к себе и вел за своими думами и переживаниями.

Через месяц Даниель вернулся из экспедиции. Отдохнув с дороги в гостинице, он на завтра же поспешил к Жаннат:

— Ну как, понравилась тебе книга?

— Еще бы... еще бы, конечно... Так — не только в романах. Так ведь и в жизни...

Она заново открыла для себя Даниеля, переживала сложное чувство стыдливой радости и одновременно — горя. Однажды Жаннат уже получила суровый урок за свое легкомыслие, и теперь верх брали рассудительность и спокойствие. Она не могла решиться развестись с Арманом официально. Как он ни обижает ее, как ни огорчает, другого отца детям

не найти. Он есть, живой... И бедная женщина старалась не давать воли своему чувству к Даниелю. Что она могла поделаться, если сердце до сих пор не приказало окончательно: “Армана нет больше для тебя!”

И вот, когда Жаннат находилась как бы между двух огней, она и встретила ночью пьяного мужа. И это в очередной раз решило все: Жаннат стало жалко Армана... Она знала: если не помочь ему сейчас, он погибнет. И вспомнила наказ свекрови: “Жаннат-жан, прошу тебя, не оставляй без надзора Армана. Ты же знаешь его слабохарактерность. Погибнет он без тебя, погибнет...”

Сердце Жаннат только что не разорвалось от жадности и горя. Кажется, никогда не плакала так горько. Утром подошла к нему.

Арман сидел с опущенной головой.

— Прости,— тихо сказал он и отвернулся. Жаннат без слов взяла с прикроватной тумбочки носовой платок и вытерла слезы на глазах мужа.

— Мне пора на работу,— сказала она.— Но еще успею приготовить чай.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

“Судьба играет человеком...” — Кунтуару не раз приходилось слышать эти слова. Правильные они или неправильные — об этом он не задумывался. Но видел, как порой человек чуть ли не с самого детства мечтает стать великим, знаменитым. Кажется, есть у него для этого и способности, и упорство. Только поди же ты — не получается, как задумал. Достигнет определенной ступени на служебной лестнице и — точка. Ему бы дальше расти, а он и на этой-то высоте еле держится. Другой же, далекий от вся-

ких дерзких притязаний, знай себе трудится что есть сил. И глядишь — судьба вознаграждает его за трудолюбие и скромность. Присмотришься — да у него и способности не хуже и упрямства не меньше, чем у того, первого. Но, оказывается, есть еще одно, не всем заметное качество — честность. И жизнь распорядилась тут очень справедливо.

Кто бы, к примеру, мог подумать, что скромный труженик Нурали так поднимется по службе. Еще вчера он, начальник небольшой экспедиции, затерявшейся в песках, день и ночь мотался по мертвой пустыне в поисках воды. Сегодня Нурали — руководитель одного из крупных республиканских учреждений! Пеилжан же до сих пор — заведующий лабораторией.

Нурали поспешил поделиться радостной вестью о новом назначении с Кунтуаром. Тот озабоченно спросил только:

— Жениться-то успел?

— Пока нет, — ответил джигит. — Есть на примете одна красавица, учится в Алма-Ате, в мединституте. Теперь буду рядом, хочу сделать предложение. Однако за положительный ответ пока ручаться не могу.

Кунтуар больше не расспрашивал. Зачем? Хорошо, что его юный друг пожелал посоветоваться с ним. И Кунтуар от души делился своими раздумьями.

Старому археологу вдруг припомнилась трагическая судьба Армана. “Как только приеду в Кайракты, обязательно забегу к ним. Слышал, там совсем дела плохи”.

Прошло порядочно времени с тех пор, как Арман возвратился от Биби сюда, в Кайракты, с тех пор, как старый рабочий Ахметкали первым подал ему руку помощи. Армана приняли на прежний за-

вод, снова зачислили камнерезчиком. Но так же, как и прежде, он все делал механически, без желания.

Добрый Ахметкали относил это за счет тяжелой судьбы Армана. Все надежды были на то, что труд поможет, изменит его. Труд и не таких еще людей ставил на ноги. Однако равнодушие Армана к делу все больше страшило и Ахметкали.

Казалось бы, что надо ему от этого парня? Не брат он ему, не отец. Другой бы давно отступился: мол, живи как хочешь, погибай, сам до этого докатился! Однако так не мог сделать старый мастер Ахметкали.

В дни своей молодости он испытал немало трудностей. И вот теперь, как увидит, что кто-то из парней ошибся в жизни, тотчас спешит на помощь. Ахметкали поддерживает, направляет оплошавшего до тех пор, пока не поставит на ноги. Так и с Арманом. Может, причина здесь во внешней обаятельности, вежливости, откровенности, доверчивости парня. Ахметкали видел, сердцем понимал: Арману еще можно помочь. Однажды он сказал:

— Смотрю я на тебя и вижу — не нравится тебе эта работа. Может, пойдешь куда-нибудь в другое место трудиться?

— Не знаю...

— А кто же знает? Ты взрослый. Помню, обещал помочь тебе в учебе. Так вот, готовься. Я говорил с одним скульптором, он хочет встретиться с тобой.

Арман почувствовал, как сердце отчаянно забилось в груди. Да, он рад решению Ахметкали.

Назавтра мастер вызвал такси, заехал за своим знакомым скульптором и повез его на кладбище. Там показал памятник, сделанный Арманом.

— Ну что ж, — сказал скульптор. — Сразу, конечно, видно, что работал не мастер. Но парню надо учиться. Вот только семейному человеку трудновато будет в том смысле, что стипендия в училище небольшая. Взять бы его учеником к себе, но... у нас не положено по штату. Я помощника себе еле-еле добился.

Новая задача встала перед Ахметкали. Он решил, что и дальше будет бороться за Армана.

Нельзя сказать, что это было легко, но мастер добился своего. Вскоре Армана разрешили принять на работу. Ахметкали сам привел его к скульптору в мастерскую.

— Раньше казах, отдавая в учение сына, обычно говорил мулле: “Мясо твое, кости — мои, только научи его читать”. Я почти так же прошу: “Не жалейте его, хоть и устали руки — пусть лепит, хоть и устала голова — пусть думает. Лишь бы научился мастерству”.

Ахметкали продолжил это свое почти торжественное напутствие, теперь уже обратившись к Арману.

— Повторяю еще раз — судьба в твоих руках. И от того, как будешь учиться, зависит — станешь ли ты человеком. Ну, а если понадобится, двери моего дома всегда для тебя открыты.

Ахметкали попрощался и ушел.

Скульптор и его новый ученик в тот же день приступили к делу. Скоро Арман понял, в чем заключается особенность работы тем или другим инструментом, узнал основные способы резьбы и рубки изображений на камне. Да и сам камень требовал пристального внимания. “Один, — пояснил ему мастер, — лучше использовать для изображения на нем людей, другой — птиц и зверей. Важно учитывать свой-

ства камня: хрупкий он или прочный, стойкий против жары и холода или нет, каков его удельный вес, помнить, в какой климатической зоне лучше использовать гранит или мрамор”.

Так Арман усваивал азбуку работы скульптора. Постепенно трудное искусство захватывало его все больше. Хотелось самостоятельно, своими руками выполнить какое-то задание. Скульптор заметил нетерпение ученика.

— Не торопись, мой джигит, не торопись, — говорил он Армону. — Скоро, возможно, и ты порадуешь нас своим мастерством...

Однажды, когда они работали над одним очень ответственным заказом, в мастерскую вошел бородатый мужчина. Бледное лицо его было покрыто лучами мелких морщин. На парусиновых брюках и вытертом на плечах пиджаке — сплошь разноцветные пятна от масляной краски. На голове бородача старый-престарый берет.

— Привет моим дорогим труженикам! — бодро вскинул руку мужчина.

Скульптор обернулся:

— Приветствуем тебя! Что, вышел на работу?

— Вроде бы так.

— Долгонько тебя продержали в твоих пенатах.

— Да, вылечился от одной хвори, привязалась другая — радикулит.

— Известно, какой у тебя радикулит.

— Можешь, маэстро, квалифицировать как угодно.

Скульптор произнес в расстройстве:

— Сведешь ты себя в могилу, помяни мое слово...

Человек заинтересовал Армана. Вот сейчас он прищурился с хитрецей и произнес:

— Э-э, все равно умирать.

Ничего не ответил на эти слова старый мастер. Только предложил:

— Вот, знакомься, дали ученика. Обещает быть настоящим специалистом.

— А-а, вон оно что... — На мгновение лицо мужчины приобрело довольное выражение и тотчас — снова как морщинистая маска:

— А я подумал, что на мое место приняли другого...

Скульптор рассмеялся:

— Будешь так пить, доживешь и до этого дня.

Засмеялся и мужчина:

— С тобой спорить бесполезно, ты же начальство! А начальству, говорят, всегда виднее.

Мастер, и на этот раз ничего не ответив, обратился к Арману:

— Теперь можно познакомить и тебя. Это мой помощник Моисей.

— Не спутай, малый! Не святой Моисей, а... пьяница и нецененный кладезь таланта.

Скульптор отошел от фигуры, которую лили из гипса, вытирая руки, сказал:

— Раз вышел на работу, то приступай, бери эскизы и доделывай модель. Подключи к работе и Армана. А мне надо по делам в горсовет.

Моисей взял ватман, внимательно стал рассматривать эскизы, что-то напевая себе под нос. Затем поставил эскизы к стене и спросил Армана:

— Знаком со скульптурами Микеланджело и Родена?

— Нет...

— Даже не видел их репродукций?

— Не видел.

— Вот чудеса! — удивился Моисей. — Не видел этих великих творений и уже мечтает стать мастером. О бедное искусство! Даже и не подозревая о

твоих великих секретах, каждый, кто только вздумает, лезет в мастера. И такой, с позволения сказать, скульптор затем наводняет парки, скверы и улицы теннисистками с ногами слона и бедрами едильбаевской овцы!

Он выкрикнул все это зло, быстро и так же быстро смолк. Посмотрел снова на Армана, весело засмеялся:

— Ничего, не довелось видеть Микеланджело и Родена, и не надо. Вместо них перед тобою сам Моисей. У него, брат, тоже полезно кое-чему поучиться. Главное, чтобы у тебя самого был талант и умение видеть и ценить истинную красоту.

Моисей надел свой выдавший виды черный халат, засучил рукава и принялся за работу. Руки его занграли, гипс стал податливым.

— Здорово! — зачарованно говорил Арман.

— Что здорово? — не совсем понял Моисей.

— Здорово вы работаете!

— Э-э, дорогой! Если бы у меня не было мастерства, разве меня держали бы на работе?

В последующие дни Арман все больше убеждался, что Моисей, действительно, мастер золотые руки, а кроме того — шутник и человек широкой натуры. Он говорил своему ученику:

— Искусство подвластно только талантливым людям. Но таланту научиться нельзя, с ним надо родиться.

— А искусству?

— Да как ни крути, а коли нет божьей искры в душе, то ни художника, ни скульптора из такого человека не получится.

Однажды Моисей работал особенно вдохновенно, а когда закончил, отвернулся на стуле и так сидел, словно враз состарившись и потеряв интерес ко все-

му окружающему. Потом, очнувшись от забытья, взглянул на Армана:

— И сколько же ты даешь мне лет?

Арман, все еще находясь под впечатлением виденного, постарался ответить искренне:

— Думаю, только сорок.

Заведующий мастерской и Моисей переглянулись.

— Угадал! — сквозь смех сказал Моисей. И потом серьезно добавил: — Мне, старина, двадцать восемь недавно исполнилось.

— Шутите? Неужели всего на год старше меня?

— Выгляжу я старым, сам знаю. Это оттого, что умный очень.

— Тоже мне умник, — вмешался заведующий. — Сознайся, что зеленый змий, с которым не можешь расстаться, тебя загубил. Если бы меньше пил, прожил бы сто лет!

— Кто это сказал, что питье старит человека? Помоему, даже медицина такого заключения не сделала.

Скульптор посмотрел на Моисея с огорчением:

— Не знаю, но тебе, кажется, пора к медицине обратиться.

— Значит, если брошу пить, буду бессмертным?

— Почему бессмертным? Никто не вечен. Но ведь и умереть-то человеку надо по-человечески.

— Мертвому безразлично...

“Это правда, — подумал Арман. — Раз умер, то не все ли равно как? Все не безразлично, пока человек живой. Пить запоем — не годится, ну а если иногда для настроения?”

В этот же день скульптор отозвал Армана в сторону и сказал:

— Я еду в Москву. За меня останется Моисей. Постарайся за это время перенять у него отливку модели в гипсе. Моисей в своем деле большой мастер.

Почувствовав свободу, Моисей уже через неделю запил сам, потянув за собой и ученика. Случилось так.

В день зарплаты Арман самостоятельно отлил из гипса свою первую модель. Моисей критически осмотрел работу и сказал, покровительственно похлопывая своего подопечного по спине:

— Да у тебя, оказывается, талант! Чтобы твоя модель не развалилась, надо ее обмыть! Арман обрадовался предложению.

— С удовольствием! — охотно ответил он.

С этого и началось...

Теперь они часто встречались за бутылкой. Почти всегда — в доме Моисея. Здесь же гость нередко и ночевал.

В один из таких дней, когда ноги не в силах были донести Армана до дому, он забрел в парк, чтобы прикорнуть на скамейке. И тут увидел прогуливающихся по аллее Даниеля и... свою жену. Он почувствовал злобную ревность. Это ли не причина “заглушить горе водкой” ?!

...Разум взял верх над сердцем Жаннат. Она снова подавила в себе разгоревшееся было чувство к Даниелю. “Так надо, так надо, — убеждала женщина себя. — Арман — отец моим детям!”

Встретившись с Даниелем, как могла, объяснила ему все. “Я сама привела его домой”. Даниель был сражен этими словами. Возмущение, жалость и восхищение — все смешалось в охватившем его чувстве к Жаннат. И снова угас блеснувший было впереди свет надежды.

А Жаннат дома говорила мужу:

— Как бы ни дороги были мне дом и семья, мы не сможем вместе, если...

— Клянусь тебе, Жаннат, этого больше никогда не повторится!

— Что ж, в противном случае — пеняй на себя.

Ей хотелось, всем сердцем хотелось поверить ему. Она старалась держать себя в руках и не думать о Даниеле. С утра до ночи хлопотала по дому. Арман работал в скульптурной мастерской, и Жаннат надеялась, что, может быть, со временем все устроится, что все еще можно поправить.

Однако вскоре Арман явился домой пьяным. Жаннат со слезами на глазах смотрела на него:

— Если и завтра... двери дома для тебя будут закрыты... Так и знай.

Но это случилось не завтра, а через два дня. “Что делать? Не пустить домой, как обещала... Но... могут увидеть соседи...—сокрушалась Жаннат. — Пусть проспится, утром как следует поговорю!”

Проснувшись она довольно рано и вышла в переднюю, где спал муж. Однако там Армана уже не оказалось. То ли стыд, то ли желание выпить выгнали его из дому еще на рассвете.

Теперь Арман то исчезал на три-четыре дня, а то и не появлялся целыми неделями. Жаннат все чаще одолевали мысли о том, что он никогда уже не остановится, никогда уже не будет человеком. “Неужели, действительно, нет у меня другого выхода, кроме развода? Но что люди скажут? А как помочь ему, как? Может, пойти к его директору? Однако с каким лицом я туда явлюсь? Может, они и сами там не знают, как отделаться от такого работника? Ухватятся за мою жалобу... И просто-напросто выго-

нят Армана из мастерской. В другом месте он и сам работать не сможет... Как же его спасти?"

Однажды после очередного недельного отсутствия Арман явился домой. Утром ни с кем не разговаривал, молча пил чай. Жаннат сказала:

— Что же дальше перед тобой... одна погибель...

— Знаю...

— Или тебе не жалко своих детей? Лечатся же люди от этой проклятой водки, есть же лекарства...

— Слышал. После таких лекарств... выпьешь и — конец.

Жаннат не выдержала:

— Да лучше умереть, чем так жить!

Арман и в самом деле надумал лечиться. Однако спешить с этим делом не хотел. И все оттягивал: то какой-то документ не оформил, а без него не примут, то свободных мест в больнице не оказалось. Когда подходил срок ложиться, он в тот день напивался, а дома говорил: "Это в последний раз".

Опять пришла весна. Опять лились на землю теплые ласковые лучи — солнце щедро дарило свой живительный свет. Опять проталины на пригорках, звонкие ручьи в низинах. Первые подснежники... И первые скворцы, неутомимые в каких-то своих заботах и хлопотах...

Жаннат любила это время. Время пробуждения всего живого и обновления. Хотелось жить, работать, любить... Хотелось счастья.

Вот в такое беспокойное время, весной, снова приехал в Кайракты Даниель, чтобы собрать новые данные для книги, над которой работал. Нет, он не искал в этот раз встречи с Жаннат. Она сама увидела его случайно на улице. И в первый миг — не узнала. Что он — увлекся спортом? Или известность, почет после выпуска первого романа принесли ему такое внут-

реннее удовлетворение и веру в себя, что Даниель так изменился? Он возмужал и казался еще стройнее и привлекательнее. Даже шагал как-то по-иному — увереннее и тверже.

С этого дня Жаннат безотчетно для себя ждала его звонка. Старалась не уходить лишний раз из дому, надеялась: вот-вот даст знать о себе. Но звонка не было. “Конечно, он забыл меня. Отдал сердце другой...” — терзалась Жаннат. Правду говорят: если хочешь оценить что-то, то надо это “что-то” потерять. Жаннат только сейчас в полной мере поняла, какое место занимал в ее сердце и жизни Даниель. Наконец она не выдержала и сама позвонила к нему в гостиницу. Даниель поднял трубку:

— Кудайбергенов вас слушает.

— Это я, Жаннат...

И больше не смогла вымолвить ни слова. Голос оборвался. Она бросила трубку — из глаз полились слезы.

Минут через десять звонок снова заставил поднять трубку.

— Жаннат?

Узнав голос Даниеля, она еле сдерживала рыдания:

— Да... Я...

— Ну, как жизнь? Не ты ли звонила сейчас?

— Я...

— Что случилось?

— Ничего.— Жаннат успела справиться с собой. И уже несколько решительнее добавила: — Просто давно не виделись. Вот взяла и позвонила.

— Мне самому очень хочется повидать тебя. Все порывался позвонить, но... как-то неудобно.

Сердце Жаннат гулко забилося. Она не стала сдерживать своих чувств, воскликнула радостно:

— Правда?!

— Правда!

Они договорились встретиться в парке. Даниель явился туда раньше обещанного. А Жаннат... Она все еще мучилась: “Надо или не надо видеться с ним?” Хотя ведь уже шла. Шла. И все же: “Надо или не надо?” И тут же удивлялась: куда девалось только что сжигавшее ее желание видеть Даниеля? Ее словно заморозили Но... стоило сделать последний шаг и... оцепенение прошло.

— Жаным, здравствуй! — Впервые за последние пять лет Жаннат назвала его, как прежде, и протянула обе руки.

Он без слов обнял ее.

В парке зажглись электрические фонари. Даниель и Жаннат шли к скамейке под раскидистым дубом.

В это-то самое время и заметил их Арман. Сложное чувство обиды и стыда охватило его. И он постарался уйти из парка незамеченным.

— Не видел тебя целую вечность,— говорил между тем Даниель.— Расскажи все по порядку.

И Жаннат рассказала, как ни тяжело было ей,— рассказала все.

Выслушав горестный рассказ, Даниель взял ее за руки, чуть привлек к себе, с волнением спросил:

— Я понимаю, тебе тяжело очень... Но что же я могу поделать? Сама-то в чем видишь выход?

— Надо все-таки помочь ему, все-таки бороться за него. Если брошу — пропадет. Но я также поняла, что...

Даниелю хотелось прижать к себе Жаннат, приласкать. Но он сдержался.

— Пойдем,— предложила она.— Я рада, что мы повидались.

— Пойдем, — тихо согласился Даниель.

“Неужели же нашей любви суждено закончиться вот таким образом? — думала Жаннат. — Или? Нет, нет. Остаться с Даниелем — значит грешить против Армана”.

Как сквозь сон, до ее слуха дошли слова Даниеля:

— Я по-прежнему... Я очень люблю тебя. И это самое главное, что могу сейчас сказать.

Они оба поняли: Арман твердо стоит между ними, и ни тот, ни другой ничего не в силах предпринять, чтобы преграды этой на пути их любви не было.

“Помочь Арману...” “Помочь...” Договорились так: когда Даниель будет возвращаться в Алма-Ату, он заберет с собой и Армана. Там положит его в лечебницу.

Первый раз эта мысль осенила Армана после того, как он признал себя виновником в смерти матери. Потом об этом же подумал, когда его выгнала из дома Биби и он не знал, куда деваться. Эта мысль пришла в голову, когда выпроводил его Жаксыбай. И вот сейчас не мог отвязаться от нее, неотступной, навязчивой.

Окончательно Арман укрепился в правильности своего решения, когда в парке увидел Даниеля и Жаннат. Ему показалось: счастливее их нет сейчас никого на свете. Сердце сжалось. Что это — ревность? Возможно... Арман понял, что любит Жаннат. Любит... Но постоять за себя, постоять за нее — на это уже нет сил. Кого винить? Кому нужен он, такой? Стоит ли тогда жить?

А тут еще дома — с плачем прибежал сынишка, бросился на кровать, отвернулся к стенке...

— Что? Случилось-то что? — не отходила от него Жаннат.

И мальчишка, указывая на отца, сквозь слезы, прокричал:

— Он нас перед всеми... перед всеми опозорил! Там фотографии на улице... Под стеклом... все видят!..

Это было правдой. Наутро Арман все же пошел посмотреть на собственное изображение. Он сидел возле лужи, недалеко от садика, рядом — пустая бутылка. Потемнело в глазах. Однако угрызение совести жгло недолго. Теперь он пил “с горя”.

Однажды завернул на работу и узнал, что его еще несколько дней назад уволили. Скульптор завел в свою каморку и с глазу на глаз сказал:

— Ты, парень, не без таланта. Я уж говорил тебе. Но вместо того, чтобы заниматься делом, рубишь сук, на котором сидишь! Так что не пеняй ни на кого теперь. Виноват сам. Ну, а если одумаешься и будешь нуждаться в моей помощи — приходи...

Арман словно онемел: такого оборота он не ожидал. Верно, пил он, но в сознании прижилась мысль, что мастер с этим как-то смирился. А тут — вон как.

— Значит, выгоняете? — спросил Арман почти шепотом.

— Нет. Выгоняешь себя ты сам. Я принимал тебя даже в нарушение финансовой дисциплины. Всех уговорил — надо поддержать человека, надо помочь... В тебя поверили, а я... я и сейчас верю — не конечный ты человек, к делу нашему у тебя душа лежит. Разве я не вижу? Только главное зависит от тебя самого.

Арман — в который раз! — искренне раскаивался и осуждал себя. Чуть не плача, вышел он из мастерской и побрел по улице.

Денег, которые получил при расчете, хватило дня на два, займы никто не давал.

Словно побитая дворняга, через силу волоча ноги, он доплелся до дому. Закрылся в своей комнате и вот уже вторые сутки никуда не выходит. Ни сна, ни покоя. Им завладела одна-единственная мысль: “Как жить? Зачем жить?” Выхода у него нет: он сломлен, он побежден. Все презирают его и ненавидят.

И вдруг, как прозрение,— картины из детства...

Они с матерью только что переехали в дом Ергазы. Тогда тоже была вот такая дружная теплая весна. Только воспринимал он ее совсем по-другому.

Удивительно, как до подробностей он помнит один такой день.

Его приняли в пионеры. С развевающимся галстуком, сияющий, прибежал домой. Бросился к матери, с гордостью похвалился:

— Я теперь пионер!

— Поздравляю, душа моя!

Отчим, который стоял чуть в сторонке, засмеялся:

— Пионер — это хорошо. А скажи, кем будешь, когда вырастешь?

— Буду маршалом, как Рокоссовский!

Мать и вовсе расчувствовалась, горячо расцеловала сына:

— Будешь, будешь генералом и маршалом.

Вот кем стал он теперь... Алкоголиком! Пьяницей! Прожил почти тридцать лет и... Кому он теперь нужен? Никому.

— Никому не нужен! — нечаянно вырвалось у него вслух.

Жаннат в этот момент вышла на кухню. Даулет, помогая матери, расставлял пиалы на столе. Не прошло и двух минут, как из комнаты Армана послышался незнакомый хриплый голос.

Сердце Жаннат враз оборвалось. Она поняла все и выронила из рук чайник. Не обращая внимания, что обожгла кипятком ноги, бросилась в комнату мужа. Теряя сознание, упала тут же, у порога. Последнее, что увидела помутившимся взором — это окровавленное тело Армана на полу у окна.

В комнату заглянул Сакен и с ревом кинулся обратно на улицу. Тут и повстречал его Даниель. Быстрым шагом он вошел в дом. Поняв, что случилось, метнулся к телефону.

— Ах, почему же это я опоздал! — упрекал он себя, набирая номер “скорой помощи”.

В этот день Даниель с отцом как раз вернулись из экспедиции в Кайракты. Кунтуар, узнав о смерти Армана, тоже сокрушался, что не смог вовремя подоспеть.

— Пьянство...—говорил Даниель.— Слишком рано он пристрастился к вину. Вот алкоголь и доконал парня.

— Не только это, — отозвался на слова сына Кунтуар. — Само пьянство было следствием многих причин. Покойная Акгуль всю жизнь дрожала над ним. Все, что ни сделает он плохого, старалась скрыть, все хорошее — преувеличить. Слепая любовь. Она никогда еще не доводила до хорошего. Умерла мать, и Арман не смог, не сумел противостоять первым же трудностям. Казалось, в вине — спасение или хотя бы облегчение страданий. Приходило привычное ощущение беззаботности... Вот в чем его трагедия.

— Да, вернись мы раньше сюда хоть на день! Я бы увез его с собой. Ведь так и решали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Приехал к тебе поговорить,— сказал Кунтуар, усаживаясь в мягкое кресло около массивного стола напротив Ергазы. Тот как сидел, так и не встал, не поприветствовал старого друга.

— О чем?

— Да обо всем понемногу. О жизни, о нас с тобой, об Армане...

— Любопытно. Если мы с тобою поговорим сейчас об Армане, он воскреснет, что ли?

— Зачем молоть вздор?—отрезал Кунтуар.— Ты же его отец, хоть и неродной. Даже кошка и та облизывает подброшенного ей щенка.

Ергазы рассмеялся:

— Ну, давай, давай! Выкладывай! Небось и слово “кошка” вылетело у тебя не случайно. Говорят, меня так за глаза кличут все мои недруги.

...Смерть Армана так опечалила старого археолога, что он несколько ночей не мог уснуть. Все перебирал в памяти его жизнь и пришел к выводу, что не один Арман повинен... Повинны в его гибели и некоторые друзья-товарищи. И Ергазы. Разве в том дело, кровный он тебе сын или нет? Раз вырос на твоих руках, значит — родной. Ты в первую голову и в ответе за его судьбу.

Кунтуар знал черствую натуру Ергазы. И еще тогда, когда на могиле Акгуль обращался к нему с просьбой: “Стань теперь и отцом и матерью для детей, их защитой”,—уже сомневался — будет ли так? Сомнения подтвердились.

Ему стало больно и неловко за Ергазы, когда услышал, что тот чуть ли не сразу после смерти Акгуль женился. Слышал и то, что отчим отказал в крове семье Армана.

Сам Кунтуар каждое лето жил безвыездно в экспедиции, а зимой — далеко от Кайракты, в Алма-Ате. И никак не удавалось ему повидаться с Арманом, хотя очень этого хотелось.

Однажды, правда, случилось забежать к ним, но оказалось, Арман укатил с какой-то женщиной в Алма-Ату. Когда же археолог возвратился в Алма-Ату и стал разыскивать Армана, там ему сообщили — уехал обратно в Кайракты!.. Таким, как Арман, нужна была в жизни твердая рука. Кто, если не Ергазы, должен был подать ее в первую очередь?

И вот не выдержал Кунтуар, пришел к старому другу поговорить один на один. “Что тогда значу я как человек, если не напому другу о долге, совести и чести?” — думал старый археолог.

Происшедший разговор — начало их долгой беседы...

— Да что же тут удивительного? Все говорят: повадки у тебя, что у кошки. — отвечал Кунтуар. — Только ведь и у кошки много хороших качеств.

— Конечно, кошка ловит мышей! Это, что ли, хочешь ты отнести к ее заслугам?

— Почему же только это? Кошки любят своих котят. Защищая их, готовы пожертвовать собственной жизнью. А ты спокойно наблюдал, как гибнет собственный сын, совершенно здоровый парень.

— Арман мне не сын, ты знаешь это прекрасно! — разозлился Ергазы. — Я никогда не считал его сыном, не хочу считать и сейчас, после его смерти!

— Вот в этом-то вся беда. И все же воспитывал его ты!

— Никакому он воспитанию не поддавался! Я всегда знал, что Армана исправит только могила!

— Я думаю, дело в другом: чтобы воспитывать других — самому надо быть воспитанным. Хоть раз в

жизни загляни в собственное нутро. Верно ли — идти по жизни, не сделав ни одного-единственного шага, который не принес бы пользу лично тебе?

Ергазы не стерпел, перебил Кунтуара:

— Я что, должен приносить пользу лично тебе, что ли? Видно, только и осталось мне — написать за тебя кандидатскую, которую ты до старости никак не одолеешь?

— Брось юродствовать. Не написал я ни кандидатской, ни докторской. Это только моя вина. И ни на чьи плечи я ее не сваливаю. А ведь случается, и профессор, и доктор наук не скажут нужного слова в науке, не помогут решить сложную хозяйственную проблему. Но сейчас речь о другом: родительские обязанности, товарищеский долг, честь и совесть... То великодушие, без которого невозможно человеку жить на свете. Наконец, зависть.

— Наверное, я завидую тебе, несчастный! — захохотал Ергазы.

— Нет, я не несчастный! Мое счастье — это моя работа. Без настоящего дела — это действительно жалкий человек.

— Догадываюсь. Снова имеешь в виду меня! По-твоему, я человек без таланта?

— Скажу прямо. Когда-то мне казалось, что ты талантлив. Поэтому почитал тебя и ценил. Но все способности ты истратил на свою карьеру и этим обокрал себя. Да не только себя, но и тех, кто возлагал на тебя надежды.

Ергазы от волнения весь покрылся красными пятнами.

— Пусть твое сердце не болит за меня! Как-нибудь обойдусь без нравоучений! — кричал он, вскочив с места.

— Ты забыл, Ергазы, одну истину. Друг говорит

правду, которая заставляет плакать, враг — ложь, вызывающую довольную улыбку. Я все еще считаю себя твоим другом. И желаю только добра.

— Послушать твои советы, так получается, что мне надо заново родиться!

— Я прощал тебе все. И советы, которые ты давал Пеилжану по поводу пасквильной статьи на меня, и старания закрыть экспедицию, обвинить меня в растрате государственных средств. Простил и твои хлопоты об отправке меня на пенсию до получения результатов работы экспедиции, и еще многое. Но смерть Армана — никогда не прощу.

В этот момент в кабинет с радостным лицом решительно вошел один из сотрудников Ергазы.

— Поздравляю вас! — обратился он к своему директору. — Только что узнал: президиум допустил к голосованию при выборах в академики две кандидатуры — Пеилжана и вас!

— Неужели обоих?!

— Да. Оказывается, в каком-то другом отделении была вакансия. Ее передали общественным наукам, а потом — и нашему институту. Утверждение президиума — это уже без пяти минут академик! Так что примите мои поздравления!

— Вот оно, что такое счастье! — воскликнул Ергазы. Кунтуар улыбался. Да, для такого человека главное — звание.

“Ну, как себя чувствуешь, несчастный?” — глядя на Кунтуара, всем видом словно спрашивал Ергазы, а вслух сказал:

— Счастье — это достижение намеченной цели.

— Неужто счастье в том и состоит, чтобы стать членом-корреспондентом?

— Ничего! Я принимаю его и таким!

Кунтуар опять улыбнулся: “Еще бы не принять!”

Вошла новая секретарша Ергазы.

— Извините, товарищ директор,— вежливо обратилась к нему девушка.— Я не совсем поняла. Кто-то звонит по телефону. Передал, что ваша жена уехала... улетела...— Девушка смутилась.— Возьмите сами трубку...

— Она в своем уме? — возмутился Ергазы, бледнея. И непонятно было, о ком он спрашивает: о секретарше или о жене. Дрожащими руками он схватил трубку телефона: — Профессор Аюпов!

Голос с того конца провода ясно прослушивался на весь кабинет.

— Извините,— говорил хрипловато мужчина, — ваша жена улетела с одним нашим летчиком в Ленинград. И просила передать... что больше не вернется.

— Когда улетела? С кем?

— Сегодня утром. А с кем, так это теперь не все ли равно? Я исполняю только просьбу. Извините, больше ничего сказать не могу. — В аппарате раздались короткие гудки.

Некоторое время Ергазы сидел с телефонной трубкой в руках, потом стал медленно сползать с кресла на пол.

— Воды! Скорее воды! — крикнул Кунтуар секретарше. Сам бросился поддерживать Ергазы. Но тот быстро пришел в себя без посторонней помощи. Поднялся на ослабевших ногах, снова осторожно сел на свое место. Чуть живая, рядом стояла секретарша со стаканом воды.

В этот момент Кунтуару было искренне жаль старого друга.

Была щедрая алма-атинская осень. Прохладный ветер, вырвавшись из ущелья, срывал желтые, крас-

ные листья с берез, осин, кленов. И стлал их под ноги прохожих золотисто-багряным мягким ковром. А здесь, возле дома с железной крышей, листья лежат нетронутыми. И в постаревшем саду все та же гармония, тот же уют. Тихо, кругом ни души.

Но нет, в конце длинной аллеи показались двое. Они идут к дому медленно, держась за руки. В походке, в движениях — спокойная уверенность. Эти двое — Даниель и Жаннат.

— Для меня было единственным выходом — уехать,— говорила Жаннат.— Армана не воскресить. Я ему больше не нужна. Ты здесь... Сколько еще можно было сидеть возле Ергазы. Да теперь и он хотел, чтобы мы убрались подальше.

— Очень правильно поступила! Я ведь сам уже собрался поехать за вами. Но что же Ергазы? Ведь он всегда отличался неплохим здоровьем? Что стряслось с ним?

— Тогда, выслев нас, он женился на молодой женщине. А та оказалась хороша: бросила ребенка, прихватила драгоценности из дома Ереке и улетела с одним летчиком. Старик был потрясен. Я боялась, что умрет. Не успел встать на ноги, как подкосила еще одна весть. В члены-корреспонденты его забаллотировали.

— Ну, а потом что было?

— После того как Ереке не прошел на выборах, он сразу переехал в Кайракты. И... тут вскоре его разбил паралич...

— До чего доводит людей честолюбие!

— Да, его жизнь наказала. Он никогда никого не любил, кроме себя. Теперь понимаю, как тяжело было рядом с ним бедной Акгуль.

— А потом? Как сложились ваши отношения и жизнь после этого?

— Он попросил разыскать меня. Как было ни обидно, а в таком положении не помочь человеку нельзя. Около трех месяцев я просидела у его постели, ухаживала, как могла. Потом он стал поправляться, стал ходить, оформил пенсию. Чувствую, что дети мои стали ему мешать. Он же никогда не терпел их шума-гама. Нам предложил — съездить куда-нибудь, хотя бы... отдохнуть. Пенсия у него хорошая...

— Молодец, что решилась приехать в Алматы...

— Спасибо за твою великодушную, — взволнованно сказала Жаннат. — Судьба наказала меня за все муки, которые я причинила тебе. Сейчас готова стать твоей рабыней.

— Ну и вздор тебе пришел в голову! — засмеялся Даниель. — Я так намаялся без тебя, что с радостью сам готов стать твоим рабом! Так что, моя милая, будем жить друг для друга. Наше будущее обязательно должно быть счастливым. Слишком трудно мы к нему шли.

— Да неужели кончились мои слезы?! — говорила растроганно Жаннат.

Они еще долго гуляли, не проронив больше ни слова.

— Отец будет рад, когда узнает о нашей женитьбе.

— Я очень хочу, чтобы было так, но...

— Что же тебя смущает?

— Я не одна, со мною двое моих малышей. А твой отец долгие годы прожил в одиночестве, наверное, привык к покою и тишине.

Поняв, что тревожит Жаннат, Даниель попытался объяснить ей все как можно спокойнее:

— Пусть тебя судьба детей не тревожит. Чем они

виноваты, что родились от другого отца? С сегодняшнего дня это не только твои, но и мои, наши общие с тобой дети. А отец будет только рад ребятишкам в доме.

Жаннат снова разволновалась:

— Спасибо тебе, дорогой мой...

Кунтуар одобрил решение сына жениться на Жаннат. Вскоре сыграли свадьбу. Теперь просторный дом Кунтуара с зеленым пышным садом, много лет хранящим таинственную тишину, наполнился голосами и смехом детей. Да и сам археолог будто помолодел. Все дни он проводил за своим письменным столом, как никогда в молодости, работал много и вдохновенно.

Эти светлые дни его жизни однажды снова были омрачены. Причиной этому стал опять Пеилжан.

Его счастье, в отличие от Ергазы, было сейчас в зените, как восходящая звезда. Ергазы, тот любил наслаждаться удачей наедине, затаившись. Пеилжан же торжествовал в окружении единомышленников, во всем поддерживающих его. Если Ергазы чаще верил только в свои силы и авторитет, то этот всегда опирался на авторитетных и сильных людей. Для них не жалел ничего. Свой корыстолюбивый и своенравный характер Пеилжан проявлял только в том случае, если имел дело с людьми, которых считал слабее себя. Тех, кто выше по званию и чину, поддерживал: пусть они были неправы, кричал, что мысли их глубоки и гениальны, даже если на самом деле они были никчемны. Теперь он вращался во влиятельных кругах, потому что был и академиком, и членом высшей аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней. Воспользовавшись своим положением, Пеилжан написал отрицательное заключение на диссертацию Кун-

туара. Об этом вчера и узнал старый археолог от одного из своих давних товарищей.

Сначала Кунтуар расстроился, потом взял себя в руки: “Ничего, ничего... Надо просто работать. При чем здесь кандидатство?”

И он работал. Работал как одержимый, еще не зная, что из-за ложных выпадов в его адрес, из-за ложных обвинений Пеилжан накликнул подозрение на свою голову.

Когда в Академии наук узнали о заключении на диссертацию Кунтуара, то резко осудили поступок Пеилжана. Заключение не соответствовало действительным фактам.

Несколько ученых под руководством академика Вергинского обратились в ВАК с официальным письмом по поводу работ Кунтуара Кудайбергенова.

Вскоре пришел ответ. Сообщалось, что письмо и предложения, высказанные в нем, рассматриваются специальной комиссией. Председатель комиссии просил прислать ему все книги известного археолога.

Вергинский не нашел в своей библиотеке нескольких работ Кунтуара. Потому и пришел сейчас к нему домой.

Кунтуар сидел, как всегда, у распахнутого окна в своем кабинете.

— Каким ветром занесло тебя ко мне, дорогой мой?! — поднялся хозяин дома навстречу другу.

— Я не перекачи-поле, чтобы меня гнал ветер, — отшутился Вергинский. — Смотри, поплатишься за свое панибратство одним голосом, когда будешь избираться в академики.

— Не пугай, — остановил его, улыбаясь, Кунтуар. — Уж здесь я знаю точно — не ты вершителю моей судьбы.

— Что, забыл пословицу: если бог захочет, то и в двадцать лет можно стать лысым.

— Старо, а заставить лысеть человека — это в силах кое-кого из наших общих знакомых. Один такой не то что волос на голове, но даже трудов, которые создавались на протяжении тридцати лет, не оставил в помине.

— Кто же такой смелый?

— Не беспокойся, конечно, не ты.

— Да можешь и не говорить. Это для меня уже не секрет.

— Откуда же стало известно?

— Э-э, только драгоценности не сразу видны, все дешевое всегда лежит на поверхности.

Вергинский тоже не назвал имени Пеилжана.

Старые друзья допоздна засиделись в беседке сада. Вспоминали школьные годы, университет, все пережитое.

Уже прощаясь, Вергинский попросил Кунтуара подарить ему несколько своих книг и назвал их.

— У тебя, же, наверное, сохранились. Дай по одному экземпляру.

— Что это ты надумал вдруг? Зачем они понадобились тебе? — спрашивал его в свою очередь Кунтуар.

— Да хочу еще раз кое-что просмотреть.

Прошел еще год, а точнее — пролетел. Но отличала его не только стремительность времени. Главное — результаты сделанного.

Е этот знаменательный год бескрайние сыпучие пески, в самой сердцевине которых только вчера работала Кайрактинская археологическая экспедиция, покрылись водами бескрайнего моря. Сегодня, срезая гребни белых бурунов, здесь проносятся моторные лодки и катера. Над ними кружатся морские чайки...

На берегу — гости, прибывшие на пуск Сырдарьинской гидроэлектростанции. Питать станцию будут воды Сырдарьи, падающие с плотины в море. Среди гостей — академик Вергинский. Рядом с ним — Амирбек. Невдалеке — Жаркын. Он назначен директором ГЭС. Здесь же и вчерашний начальник экспедиции гидрогеологов, а сегодня руководитель крупного учреждения в Алма-Ате — Нурали, много других специалистов.

Прибыл сюда и Кунтуар. Он теперь доктор исторических наук, на выборах этого года был избран в академики. Рядом с ним стоят Михайлов, Даниель, Ергазы, молодой врач Кунимжан, нынче окончившая мединститут и приехавшая сюда на работу. Ергазы уже год как на пенсии. Кунтуар привез его сюда специально. Есть для этого своя причина...

Как бы Кунтуар ни обижался на друга, но, прибыв в Кайракты, решил зайти к нему справиться о здоровье. “Дружба ли, вражда ли — все теперь в прошлом. Неужто до самой смерти так и держать друг на друга зло?”

Ергазы тоже рад был Кунтуару. Здоровье его поправилось, и он постепенно начал втягиваться в работу: просматривал написанное ранее. “Оказывается, человеку, привыкшему всю жизнь трудиться, нелегко сидеть без дела, — говорил Ергазы. — Иногда просто не знаю, куда девать себя”. После того как они попили чаю, Кунтуар сказал:

— Грех мне — приехать в Кайракты и не помянуть Акгуль. Давай отнесем цветы на ее могилу. Да и Арман тоже там...

— Я и сам хотел... днями... Хорошо, что ты пришел, пойдем вместе, — согласился Ергазы. — Подожди только, такси вызову.

На кладбище Кунтуара ожидал сюрприз. Он сразу обратил внимание на памятник, который вытесал из серого мрамора для своей матери Арман.

Ергазы, видно, раньше тоже не видел этой скульптуры. Он медленно подошел к Кунтуару. Долго и пристально всматривался в изображение.

— Как же похожа! — только и смог выговорить он, удивленный.

В сознании всплыли далекие дни молодости, открытый взгляд и миловидное лицо Акгуль и... этот мальчишка, которому он так и не стал отцом, которого так и не сумел вовремя поддержать.

На кладбище он плакал тихо, почти беззвучно. Было и странно и страшно смотреть на эти вздрагивающие плечи, но Кунтуар не остановил его, хотя опять искренне пожалел и посочувствовал горю: “Пусть муки свои облегчит слезами”. Потом подошел, тронул за плечо:

— Надо ехать... Пора...

— Ты уезжай, — ответил Ергазы, — Я еще побуду здесь.

Но Кунтуар не оставил Ергазы одного. В тот же вечер они долго и мирно беседовали. Кунтуар поделился своими соображениями о существовании высокой культуры еще до саков. И пригласил Ергазы работать вместе.

Вот сегодня он и привез друга с собой на берег моря. Здесь надеялся поговорить с академиком Вергинским о возвращении Ергазы на работу. Основания веские — человек здоров и полон сил.

— Ты только взгляни, взгляни, какая красота кругом. — говорил между тем, обращаясь к нему, Вергинский. Широким жестом руки он указал на морские дали, уходящие за горизонт.

Но Кунтуар далек был от того, чтобы полнос-

тью разделить этот восторг. В ответ он печально улыбнулся:

— Вода закрыла не только вчерашнюю жизнь, которую мы изменяем к лучшему. Кто может поручиться, что под морем не остались еще какие-нибудь ценнейшие памятники, еще какая-нибудь неизвестная культура?..

Академику стало от души весело, он рассмеялся:

— Так с какой же, думаешь, стати мы почти десять лет держали здесь твою экспедицию? Да ты и так многое доказал!

— Так-то оно так, за это, конечно, спасибо. А все-таки...

— А все-таки хочется до самого доньшка докопаться, да? Но ведь и море это — не прихоть наша. Пустыня, которая веками лежала мертвой, сегодня, наконец, ожила по требованию времени и народа.

— Да, это веление жизни.

...Кунтуар сейчас вспомнил свой нелегкий путь в науке и то, как всегда заботливо и внимательно относился к нему Вергинский. Оказывается, в свое время, узнав от Даниеля, что Ергазы решил самолично отправить его на пенсию, Вергинский был возмущен и распорядился не трогать талантливого ученого. После присуждения ему степени доктора приехал к нему домой и поздравил лично. Это уже много времени спустя Кунтуар узнал, что докторство ему было присуждено благодаря ходатайству группы казахстанских ученых во главе с академиком.

Археолог от души поблагодарил тогда Вергинского и добавил при этом:

— Меня больше всего обрадовало, что не пере-

велись на земле люди, которые помнят о судьбе таких вот... как я.

— Брось приbedняться! — смеясь, выговорил ему старый друг. И уже серьезно: — Ты — настоящий ученый. Если честно — достоин не только степени доктора, но и звания академика.

Теперь стало весело Кунтуару.

— Спасибо за высокую оценку, но, поверь, академиком быть не хочу!

— Почему же?

— Ученым можно быть и без этого звания.

Когда на выборах Вергинский предложил кандидатуру Кунтуара, собравшиеся единогласно проголосовали за него. Однако сам Кунтуар по прежнему чувствовал себя рядовым тружеником. Но одна деталь, один факт все время напоминал о его научном росте — Пеилжан, который на страницах периодической печати старался покритиковать всех, кого только не боялся, вдруг стал восхвалять труды Кунтуара.

— Ну уж это точно! Я и вправду академик! — шутил Кунтуар. — Иначе разве стал бы расхваливать меня Пеилжан?!

...Сейчас, стоя на берегу отдающего свежестью и прохладой моря, Вергинский, как у них повелось, разговаривал с Кунтуаром в шутливом тоне.

— Хочу успокоить тебя, старина. Не тужи, что какие-то доказательства древней культуры еще остались под водой. Ты подумай лучше, как развивается техника! Верю, что очень скоро памятники древности будем доставать прямо из-под воды.

— Да, если только доживем до этого дня...

— Мы не доживем — доживут они. — Академик указал на стоящих рядом Даниеля, Михайлова, Нурали, Кунимжан, Жаркына... — Или ты не вырастил себе

достойную смену? — подзадорил Вергинский Кунтуара.

— Почему же не вырастил?! Вот он, мой самый талантливый ученик. Много лет бок о бок проработали рядом. В этом году он окончил факультет археологии и этнографии Московского университета. Ученый, у которого есть хоть один такой ученик, как Василий Михайлов, может считать себя счастливым...

ЭПИЛОГ

Это было неожиданно и потому особенно тяжело.

На его похороны пришли все жители Кайракты. Над могилой академик Вергинский говорил:

— Умер прекрасный человек, талантливый ученый и известный археолог Кунтуар Кудайбергенов. Всю свою жизнь до последнего вздоха он честно служил науке и старался донести грядущим поколениям радость жизни некогда угасшего мира на родной земле.

Мы провожаем Кунтуара Кудайбергенова в далекое путешествие. Я не ошибся, говоря так. У саков, по словам Кунтуара, не было слова “умер”. И если человек переставал дышать, переставал жить, саки считали, человек выехал в очень далекое путешествие.

Так и мы сегодня скажем — наш любимый Кунтуар не умер, он отбыл в далекое, далекое путешествие. А с нами остались его многочисленные труды, его мудрость, его великодушие и доброта...

Здесь, на берегу рукотворного моря, над могилой прославленного археолога Даниель и Вергинский поставили памятник. Надпись была короткой: “Человек приходит в этот мир и уходит. Остаются его бессмертные дела”. Ниже значились имя и фамилия, даты рождения и смерти ученого.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	3
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	32
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	54
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	66
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	86
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	103
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	125

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	136
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	147
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	165
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	183
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	201
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	214
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	230
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	247
ЭПИЛОГ.....	262

Редактор: Есенберлин К.И.
Технический редактор: Трецков Е.П.
Дизайн и верстка: Баянбаев Р.М., Трецков Е.П.
Корректоры: Звенарева О.Н., Смайлова А.Т.

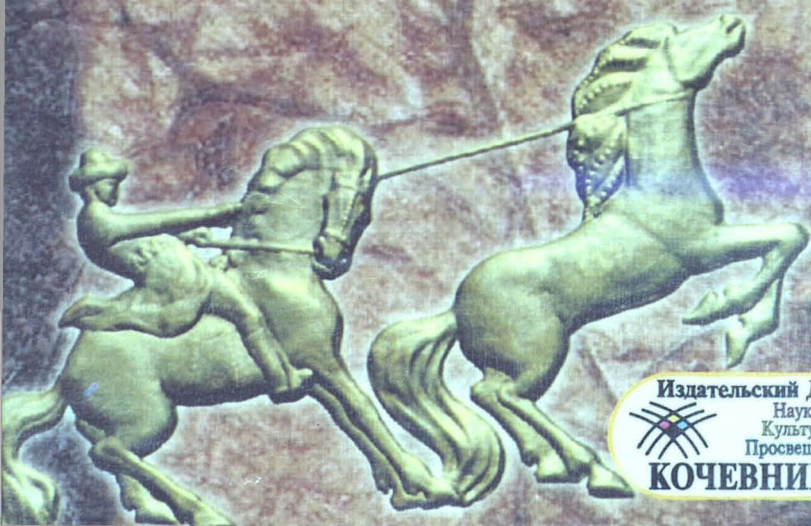
ИД «Кочевники» Тел.: 62-85-42, 69-45-19, факс: 50-61-97,
моб. 8-333-216 69 98, 8-333-217 42 47.
E-mail: kochevniki@mail.kz

Сдано в набор 15.06.2002г. Подписано в печать 09.07.2002г.
Формат 84x100 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная. Тираж 10000.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 5,5 п.л. Заказ № 532
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ТОО «Типография оперативной печати».
480016, г. Алматы, ул. Д. Кунаева, 15/1.

История казахского народа -
прекрасная, полная драматизма
и страсти поэма.

А наша сегодняшняя жизнь -
это, словно проснувшиеся
от долгого сна поэтические
золотые кони, летящие
по бескрайним степям Сары-Арки.

Ильяс Есенберлин
"Золотые кони просыпаются"

Издательский Дом
Наука
Культура
Просвещение
КОЧЕВНИКИ